

2026

Том 17. № 2

2026. Vol. 17. No. 2

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Цифровые технологии
в науке и управлении**

/ИИ в научной деятельности

/платформенная занятость

/развитие креативных индустрий

/жизнь на селе

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 2'2026

Рецензируемый сетевой научный журнал
Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2026. Том 17. № 2

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: О. В. Аксенова

Заместитель главного редактора: П. М. Козырева

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включен в Russian Science Citation Index (RSCI).

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 73108:

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2018 г.

© Вестник Института социологии, 2026

© Vestnik instituta sotziologii, 2026

Состав Редколлегии

Главный редактор

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе ФНИСЦ РАН, руководитель Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Заместитель главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе Института социологии ФНИСЦ РАН, начальник Управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич – доктор социологических наук, доцент, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: damdin80@mail.ru

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Алексантери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КУЧЕНКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (Орел, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЦЭЦЭНБИЛЭГ Цэвээний – Ph.D., ассоциативный профессор, главный научный сотрудник Отдела социологии Института философии АН Монголии (Улан-Батор, Монголия)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

ЧОЙ Ву Ик – кандидат социологических наук, профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Сеул, Республика Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director for Research of FCTAS RAS, Head of the Center for the Study of Russian Regions of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: illaio@yandex.ru

Deputy Chief Editor

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director for Research of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Members of the Editorial Board

Damdin D. BADARAEV, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Director of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (Ulan-Ude, Russia)

E-mail: damdin80@mail.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanitarian and Social Sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Wooik CHOI, Candidate of Sociological Sciences, Professor, The Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, Republic of Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of the Sociological Institute – Branch of FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Markku KIVINEN, Professor of Sociology, Research Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Anna V. KUCHENKOVA, Candidate of Sociological Science, Senior Researcher, Center for Sociological Research Methodology, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Director for Research of the Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration Under the President of the Russian Federation, Altai Branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, Professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Tseveen TSETSENBILEG, Ph.D., Associate Professor, Principal Researcher of the Department of Sociology of the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Содержание

EDN: TYSULZ

О Выпуске	8
<i>Аксенова О. В.</i> Искусственный интеллект как социальная реальность.... 8	
Тема номера:	
Цифровые технологии в науке и управлении	12
<i>Голоухова Д. В., Куманцов А. А.</i> Восприятие и использование технологий искусственного интеллекта в научной деятельности: перспективы и барьеры внедрения..... 12	
<i>Колодин Д. В., Витюнин В. С., Ватолина О. В.</i> К вопросу о применении искусственного интеллекта для анализа и интерпретации данных социологических исследований..... 34	
<i>Калмыков Н. Н.</i> О методе диагностики дисбалансов управления в условиях цифрового перехода..... 56	
<i>Баймурзина Г. Р., Садретдинова Э. В., Коровкина Н. В.</i> Соотношение формальных и неформальных практик платформенной занятости в России (на примере Профи.ру) 76	
Креативные индустрии в социальном развитии	99
<i>Гудкова Я. А., Пузанова Ж. В.</i> Социальные эффекты креативных кластеров в российских мегаполисах (на примере Москвы) 99	
<i>Костко Н. А., Печеркина И. Ф., Андрианова Е. В.</i> Субъектность управленцев в деятельности по развитию креативных индустрий территории 117	
Молодежь в современном обществе	144
<i>Буланова М. Б., Шушпанова И. С.</i> Нормативно-правовая саморегуляция жизнедеятельности российской молодежи 144	
<i>Колесникова Е. М., Черевкова А. И.</i> Школьные педагоги и внешние партнеры в сфере STEM-профориентации: сложности взаимодействия..... 164	
Социология села	184
<i>Козырева П. М., Смирнов А. И.</i> Динамика социального самочувствия занятого сельского населения России (2000–2024 гг.)..... 184	
Вопросы идентичности россиян.....	206
<i>Бадмаев В. Н., Уланов М. С., Кальдинова Г. П.</i> Идентичность калмыцкого этноса: внутренние и внешние контуры... 206	

Contents

About the Issue.....	8
<i>Aksenova O. V.</i> Artificial Intelligence as a Social Reality	8
Topic of the Issue: Digital Technologies in Science and Management	12
<i>Golouhova D. V., Kumantsov A. A.</i> Perception and Use of AI Technologies in Scientific Research: Prospects and Obstacles.....	12
<i>Kolodin D. V., Vityunin V. S., Vatolina O. V.</i> On the Application of Generative AI to the Analysis and Interpretation of Sociological Data ..	34
<i>Kalmykov N. N.</i> On a Method for Diagnosing Governance Imbalances in the Context of Digital Transition	56
<i>Baimurzina G. R., Sadretdinova E. V., Korovkina N. V.</i> The Ratio of Formal and Informal Platform Employment Practices in the Russian Federation (Based on Profi.ru).....	76
Creative Industries in Social Development	99
<i>Gudkova Ya. A., Puzanova Zh. V.</i> Social Effects of Creative Clusters in Russian Megacities (Using Moscow as an Example).....	99
<i>Kostko N. A., Pecherkina I. F., Andrianova E. V.</i> Subjectivity of Managers in the Development of Creative Industries in the Territory	117
Youth in Modern Society	144
<i>Bulanova M. B., Shushpanova I. S.</i> Normative and Legal Self-Regulation of the Lives of Russian Youth	144
<i>Kolesnikova E. M., Cherevkova A. I.</i> STEM Career Guidance in Russian Schools as a Sphere of Social Interaction: Based on Field Research	164
Rural Sociology.....	184
<i>Kozyreva P. M., Smirnov A. I.</i> Dynamics of Social Well-Being in the Rural Population of Russia (2000–2024)	184
Questions of Russian Identity	206
<i>Badmaev V. N., Ulanov M. S., Kaldinova G. P.</i> The Identity of the Kalmyk Ethnic Group: Internal and External Contours.....	206

О ВЫПУСКЕ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.1

EDN: TFHPQC

Искусственный интеллект как социальная реальность

Ссылка для цитирования: Аксенова О. В. Искусственный интеллект как социальная реальность . 2026. Том 17. № 2. С. 8–11. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.1; EDN: TFHPQC.

For citation: Aksenova O. V. Artificial Intelligence as a Social Reality. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 8–11. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.1; EDN: TFHPQC.

О меняющейся современности и трансформирующейся России социологи пишут уже не первый десяток лет. Однако нынешняя реальность меняется, пожалуй, беспрецедентно. Цифровые технологии рассматриваются сегодня как главный маркер прогресса, но при этом они же главный источник множества страхов, в том числе и экзистенциального свойства. Есть ли в будущем, которое почти настало, место человеку и его труду? Заменят ли его технологии или он сам с радостью отдаст роботам свое место и будет счастлив? Или все-таки несчастен?

Ответов на эти вопросы пока нет, но искусственный интеллект (AI, ИИ) уже создает новую социальную реальность, в которой вынуждены жить и считаться с ее устройством все, в том числе и социологи. Развитие технологий искусственного интеллекта и различных нейросетевых помощников позволяют делегировать им выполнение множества рутинных научно-прикладных задач, например, анализ больших данных или подбор необходимой литературы. Появились новые цифровые феномены, сами по себе требующие исследования. Необходима адаптация к новой реальности социологических подходов и методик, которые позволят максимально использовать преимущества и минимизировать риски масштабного внедрения ИИ. Поэтому тема этого номера [«Цифровые технологии в науке и управлении»](#), судя по всему, станет постоянной. Представленные в ней статьи посвящены практическим аспектам использования искусственного интеллекта в научной деятельности и анализу таких же практических, весьма конкретных проблем цифровизации управления и занятости.

Открывает рубрику статья [Д. В. Голоуховой](#) и [А. А. Куманцова](#) (Москва) [«Восприятие и использование технологий искусственного интеллекта в научной деятельности: перспективы и барьеры внедрения»](#). Исследование основано на сравнении академического и корпоративного опыта использования технологий ИИ. Авторы выявили существенные различия организационных моделей, в том числе связанных с ценностно-этическими основаниями деятельности. Так, если в корпоративном секторе в основе лежит централизованный подход, то в научном – доминируют

индивидуальные инициативы исследователей. Ученые признают плюсы использования ИИ, однако высказывают сомнения, связанные в числе прочего с этическими рисками и авторской оригинальностью.

Статья [Д. В. Колодина, В. С. Витюнина](#) (Владивосток) и [О. В. Ватолиной](#) (Хабаровск) [«К вопросу о применении искусственного интеллекта для анализа и интерпретации данных социологических исследований»](#) посвящена влиянию ИИ на изменения исследовательских методик в социальных науках. Фокусируясь на возможностях и ограничениях применения ИИ при описании и анализе социологических данных, авторы в данном исследовании попытались оценить эффективность использования нейросетевой языковой модели для автоматизации описания и интерпретации табличных данных. Проведенный авторами экспертный опрос позволил выявить, что описания, созданные ИИ, были отмечены как более предпочтительные, чем аналогичные материалы, но подготовленные живыми людьми.

В статье [Н. Н. Калмыкова](#) (Москва) [«О методике диагностики дисбалансов управления в условиях цифрового перехода»](#) предложен метод, позволяющий выявлять дисбалансы, возникающие в управлении в связи с цифровым переходом. Показано, что устойчивость управленческих результатов все чаще определяется не отдельными инструментами регулирования, а сочетанием различных факторов, среди которых институциональные правила, пространственная организация взаимодействий, цифровые процедуры доступа и контроля и т. п. Авторами предложен комплекс диагностических переменных, позволяющий выявлять, где именно возникает сбой.

Заключительная статья данной рубрики, подготовленная [Г. Р. Баймурзиной, Э. В. Садретдиновой](#) и [Н. В. Коровкиной](#) (Уфа) [«Соотношение формальных и неформальных практик платформенной занятости в РФ»](#), демонстрирует результаты исследования моделей занятости на цифровых платформах. Этот вид занятости носит в большей степени либо неформальный, либо полужурформальный характер, его границы размыты. На примере занятых, выполняющих различные работы/заказы на платформе Профи.ру, авторами предложена концептуальная схема анализа, позволяющая наиболее точно отразить разнообразие существующих трудовых стратегий платформенных работников.

Рубрика [«Креативные индустрии в социальном развитии»](#) по сути продолжает тему номера, поскольку посвящена явлению, которое, с нашей точки зрения, опосредованно связано с обозначенной выше новой реальностью. Она открывается статьей [Я. А. Гудковой](#) и [Ж. В. Пузановой](#) (Москва) [«Социальные эффекты креативных кластеров в российских мегаполисах \(на примере Москвы\)»](#). Авторы интерпретируют исследуемый феномен как пространство пересечения культурных практик, экономических интересов и процессов социальной дифференциации. Зачастую культурные кластеры — это не новые объекты, а реконструированные и модернизированные бывшие промышленные территории. Проведенное авторами полевое исследование показало, что по мнению респондентов кластеры, с одной

стороны, способствуют обновлению городских пространств и повышают ощущение безопасности, но с другой – влекут за собой различные сложности для некоторых социальных групп.

Статья [Н. А. Костко, И. Ф. Печеркиной и Е. В. Андриановой](#) (Тюмень) [«Субъектность управленцев в деятельности по развитию креативных индустрий территории»](#) продолжает тему развития креативной отрасли. В качестве исследовательского кейса авторами были выбраны города Тюменской области, а в фокусе анализа находятся социальные характеристики проявления субъектности управленцев, связанных с креативными индустриями. Для определения социальных параметров, характеризующих субъектность, авторы опираются на классическую управленческую модель и новые постбюрократические концепции. Авторам удалось выявить готовность экспертов к новой роли управленца-«сетевика» при сохранении привязки к классическому типу «чиновника».

Рубрика [«Молодежь в современном обществе»](#) по традиции продолжает знакомить читателей с жизненными стратегиями и ценностными установками современной российской молодежи. Открывает рубрику статья [М. Б. Булановой и И. С. Шушпановой](#) (Москва) [«Нормативно-правовая саморегуляция жизнедеятельности российской молодежи»](#). Авторы рассмотрели комплекс субъективных факторов, оказывающих влияние на нормативно-правовую саморегуляцию повседневной жизни молодежи. На основе анализа результатов опроса молодых людей в 40 субъектах РФ, проведенного ИС ФНИСЦ РАН, выделены четыре группы: «ориентированные на закон», «условно законопослушные», «ориентированные на мораль» и «сомневающиеся». Были выявлены статистически значимые различия между этими группами по полу и образованию.

В статье [Е. М. Колесниковой и А. И. Черевковой](#) (Москва) [«Школьные педагоги и внешние партнеры в сфере STEM-профориентации: сложности взаимодействия»](#) рассматриваются актуальные проблемы формирования научного капитала России. В статье была поставлена задача выяснить, каков вклад в этот процесс школы и ее партнеров (вузы, промышленные предприятия и бизнес). Проведенное авторами исследование (анкетный опрос педагогов и экспертные интервью) показало, что внешние партнеры и предлагаемые ими мероприятия ориентированы скорее на работу со школьниками, чем на развитие научного капитала учителей, участвующих в реализации проектов STEM-профориентации. К тому же зачастую такого рода мероприятия носят разово-отчетный характер, что также не способствует накоплению данного вида капитала. Для успешной реализации таких проектов, по мнению опрошенных, необходима кооперация педагогов, более масштабное вовлечение их в совместные мероприятия.

В рубрике [«Социология села»](#) представлена одна работа – статья [П. М. Козыревой и А. И. Смирнова](#) (Москва) [«Динамика социального самочувствия занятого сельского населения России \(2000–2024 гг.\)»](#). В ней содержатся результаты исследования специфики и динамики изменений социального самочувствия российских селян в начале XXI в. На данных мониторинга РМЭЗ НИУ ВШЭ авторы демонстрируют растущие показа-

тели социального самочувствия занятых сельских жителей, зафиксирована сопоставимость удовлетворенности занятых селян и горожан своей жизнью в целом и большинством ее аспектов. Отмечено снижение тревог сельского населения, связанных с угрозами потерять работу, что обуславливается дефицитом рабочей силы в сельской местности. Выявлено, что определяющую роль в повышении социального самочувствия работающих сельских жителей играет рост удовлетворенности работой в целом, условиями труда, возможностями для профессионального роста.

Завершает номер рубрика [«Вопросы идентичности россиян»](#), в которой в статье [В. Н. Бадмаева, М. С. Уланова](#) (Ростов-на-Дону) и [Г. П. Кальдиновой](#) (Элиста) [«Идентичность калмыцкого этноса: внутренние и внешние контуры»](#) поставлена задача: определить специфику идентичности калмыцкого этноса и ее взаимосвязь с этнокультурной и гражданской идентичностями, а также влияние на ее формирование культурно-конфессиональных центров, находящихся за пределами РФ. На материале полевого исследования авторы показали, что калмыцкий этнос, наряду с бурятским и тувинским, сохраняет свою цивилизационную сущность в современном мире, а также имеет общие социокультурные черты с жителями Монголии и Внутренней Монголии (Китай) и сохраняет чувство общности с ними. Поэтому калмыки могут играть роль своего рода «моста», соединяющего Россию с Азией.

Реальность, конструируемая искусственным интеллектом (в числе прочего), в этом номере представлена инструментально и прагматично. Исследования проблем, рожденных нейросетями, уравниваются изучением привычных процессов и феноменов: развития села, особенностей этнической идентичности. Тревожность, которая ощущается в научном сообществе, только начала осознаваться в формулировках исследовательских проблем, оформляться в научные концепции и эмпирические исследования. В текстах наших авторов она уже звучит. Инструментальные возможности ИИ бесспорны, но они не просто заменяют рутинный научный труд. Нейросеть уже может написать статью, не говоря уже о студенческих рефератах или профессорских эссе. Но ИИ в его нынешнем виде – великий компилятор и творец иллюзий, а это создает риск очарования и чрезмерного доверия к нему, и, как следствие, утраты способности мыслить нетривиально и получать действительно новое знание. Родившиеся в XX в. понятия-метафоры «пределы роста» и «конец истории» приобретают сегодня новое, возможно, буквальное значение. В этой связи более чем актуальны исследования изменений, происходящих в самой науке. Не менее актуальна и этическая рефлексия научного сообщества, которая должна успевать за стремительным освоением общественной жизни нейросетями. Поэтому мы готовы предоставить страницы нашего журнала для научных дискуссий на эти и иные темы, связанные с ИИ (AI) и его влиянием на различные аспекты жизни общества и социологическую рефлексию.

ТЕМА НОМЕРА

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В НАУКЕ И УПРАВЛЕНИИ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.2

EDN: TURCUZ

Восприятие и использование технологий искусственного интеллекта в научной деятельности: перспективы и барьеры внедрения

Ссылка для цитирования: Голоухова Д. В., Куманцов А. А. Восприятие и использование технологий искусственного интеллекта в научной деятельности: перспективы и барьеры внедрения // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 2. С. 12–33. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.2; EDN: TURCUZ.

For citation: Goloukhova D. V., Kumantsov A. A. Perception and Use of AI Technologies in Scientific Research: Prospects and Obstacles. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 12–33. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.2; EDN: TURCUZ.

SPIN-код: 9838-4095

Голоухова Дарья Валерьевна¹

¹МГИМО МИД России,
Москва, Россия

d.v.goloukhova@inno.mgimo.ru

SPIN-код: 8520-9524

Куманцов Артём Александрович¹

¹МГИМО МИД России,
Москва, Россия

art_titan@bk.ru

Аннотация. В работе обсуждаются особенности восприятия искусственного интеллекта научным сообществом и основные факторы, определяющие различия в практиках его использования. Исследование, легшее в основу настоящей статьи, фокусировалось на трех ключевых аспектах: 1) уровне проникновения искусственного интеллекта в научные практики, 2) самооценке цифровых компетенций ученых и 3) институциональных различиях в организации внедрения между научной и бизнес-средой. Сравнение академического и корпоративного опыта позволяет более отчетливо показать особенности научной среды и определить уникальные для института науки драйверы и барьеры внедрения технологий искусственного интеллекта. Эмпирическую основу исследования составили

результаты онлайн-опроса российских ученых, демонстрирующие сложную картину технологической адаптации российских ученых к внедрению инновационных технологий. При формально высоком уровне проникновения нейросетей наблюдается их поверхностное применение. Продвинутый уровень владения технологиями искусственного интеллекта отмечают у себя немногие, самооценка цифровых компетенций ученых находится на низком уровне, что свидетельствует о значительном разрыве между формальным использованием и реальным освоением технологий.

Сравнительный анализ практик внедрения цифровых технологий в академической и бизнес-среде выявил принципиальные различия организационных моделей, связанных с преобладанием разных ценностно-этических оснований деятельности. Корпоративный сектор демонстрирует централизованный подход с инициативами «сверху вниз», которые поддерживаются системными инвестициями и регламентацией. В научной среде преобладают индивидуальные инициативы исследователей, что объясняет доминирование социокультурных барьеров над технологическими. Ученые признают такие плюсы от использования искусственного интеллекта, как повышение эффективности обработки данных и автоматизация рутинных операций, но одновременно выражают серьезную озабоченность этическими рисками, утратой авторской оригинальности и необходимостью постоянно осваивать новые компетенции.

Выявленные различия авторы связывают с особенностями ценностно-этических оснований деятельности в научно-исследовательской и корпоративной сферах. В бизнес-среде, где преобладает утилитаристская логика, цифровые технологии рассматриваются как инструмент повышения эффективности. В научной, где более выражены деонтологическая этика и этика добродетели, – организации сталкиваются с социокультурными барьерами, связанными с необходимостью соблюдать этические принципы академической работы, а также с рисками от использования этих технологий, которые ученые видят в утрате творческого потенциала работы и размывании границ профессиональной юрисдикции.

Ключевые слова: искусственный интеллект, научная деятельность, технологическое развитие, цифровая трансформация, восприятие технологий, академическая среда, бизнес-среда

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) становится одной из ключевых технологий, определяющих научно-технологическое и экономическое развитие в рамках шестого и седьмого технологических укладов. Его использование в научных исследованиях ускоряет процесс анализа данных, снижает временные затраты, необходимые для обработки больших объемов информации, стимулирует научный поиск в новых предметных областях и потенциально может радикально изменить принципы научной работы [4]. В то же время темпы внедрения ИИ в научно-исследовательскую деятельность ниже, чем в корпоративном секторе, что обусловлено целым рядом институциональных и личностных факторов. В сфере бизнеса эффективность внедрения ИИ оценивается по показателям рентабельности [5], тогда как в академической среде четкие критерии оценки эффективности применения ИИ отсутствуют, что может замедлять соответствующие инициативы со стороны руководства научных организаций. Среди ученых сохраняются

опасения, связанные с этическими рисками использования ИИ, как то: увеличение числа недобросовестных заимствований, усиление «имитационной» научной активности, не создающей научной новизны, потеря творческой компоненты научного поиска, рост отчуждения. На институциональном уровне тоже возникают препятствия: дискуссия о единых стандартах и правилах использования ИИ в научной работе носит инертный характер, даже несмотря на то, что отдельные научно-исследовательские институты и университеты внедряют ИИ в свои образовательные и научно-исследовательские программы. Так, в 2020 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова был создан Институт искусственного интеллекта, цель которого – «проведение фундаментальных и прикладных исследований в области искусственного интеллекта, а также междисциплинарных исследований с применением методов искусственного интеллекта»¹. Годом позже, в 2021 г. в МГИМО начал работу Центр искусственного интеллекта, исследующий национальные и международные тренды в IT, и тогда же открылась магистерская программа «Искусственный интеллект» МГИМО-МФТИ при поддержке программы Приоритет-2030². В последующие годы образовательные программы по ИИ появились и во многих других ведущих вузах России: НИУ ВШЭ, НИЯУ МИФИ, МИСИС, РАНХиГС, РУДН, Томском государственном университете и др.

Ключевым для нынешнего этапа внедрения ИИ в научно-исследовательскую деятельность является процесс столкновения агентности ученых с институциональными структурами. Зачастую именно отдельные деятели науки становятся пионерами инноваций, внедряющими новые технологии в собственные научно-исследовательские практики или коллективные научные проекты даже при отсутствии институциональных регламентов и стандартов работы с такими технологиями. Как раз в этом с особой очевидностью проявляется двойственность структуры [3]. С одной стороны, отсутствие четких регламентов и стандартов внедрения ИИ в научную работу может препятствовать развитию инноваций из-за опасений, что такое внедрение будет воспринято как академическая недобросовестность и нарушение исследовательской этики. С другой – даже при отсутствии четких правил институциональные структуры создают условия для распространения ИИ. Значимость наукометрических показателей и необходимость поддерживать высокий уровень публикационной активности для развития академической карьеры заставляют ученых искать способы автоматизации и повышения эффективности своего труда, в том числе с помощью использования технологий ИИ.

В сложившихся условиях особую значимость приобретает понимание того, как ученые относятся к использованию ИИ в исследовательской деятельности. Цель настоящей статьи – раскрыть специфику восприятия ИИ научным сообществом и выявить основные факторы,

¹ Официальный сайт Института искусственного интеллекта МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <https://iai.msu.ru/> (дата обращения: 23.10.2025).

² Официальный сайт Центра искусственного интеллекта МГИМО МИД России. URL: <https://aicentre.mgimo.ru/> (дата обращения: 23.10.2025).

определяющие различия в практиках его использования. Сравнение академического и корпоративного опыта позволит более отчетливо показать особенности академической среды и определить уникальные для института науки драйверы и барьеры внедрения технологии ИИ.

Восприятие технологий ИИ в системе управления научной деятельностью: анализ официальных позиций и институциональных решений

Для понимания перспектив внедрения ИИ в научно-исследовательскую деятельность представляется необходимым установить, как подобные технологии воспринимаются субъектами, осуществляющими стратегическое управление научной сферой. Именно их позиции во многом детерминируют формирование государственной политики, механизмы распределения ресурсов и создание необходимых институциональных условий для внедрения ИИ. Аналитический срез публичных высказываний представителей министерства и профильных фондов, подкрепленный изучением официальных правительственных решений, выявляет набор соответствующих ключевых нарративов.

В дискурсе руководства Министерства науки и высшего образования РФ доминирует подход, трактующий ИИ как стратегический мегапроект национального масштаба. Знаковым является выступление министра В. Н. Фалькова, где он проводит прямую аналогию с советскими атомным и космическим проектами, что сигнализирует о присвоении технологиям ИИ высочайшего приоритета в государственной повестке¹. Там же формулируется тезис о глубинной смене научной парадигмы: ИИ позиционируется не в качестве вспомогательного инструмента, а как фундамент новой «науки, основанной на искусственном интеллекте», которая приходит на смену устоявшимся теоретическим и экспериментальным моделям. Подобная риторика свидетельствует о глубинном осознании трансформационного потенциала ИИ на высшем уровне управления.

Конкретными институциональными и финансовыми мерами реализации озвученного министром стратегического курса стало решение Правительства РФ о выделении семи ведущим вузам, включая МГУ, НИУ ВШЭ и Сколтех, целевых грантов в размере 676 млн руб. каждому на фундаментальные изыскания в области ИИ². Данный шаг демонстрирует не

¹ Валерий Фальков: Искусственный интеллект и машинное обучение становятся неотъемлемой частью научного метода // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. 2025. 27 сентября. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/98626/> (дата обращения: 19.10.2025).

² Исследовательские центры в сфере ИИ создадут прорывные решения мирового уровня // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. 2025. 5 июня. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/issledovatel'skie_centry_v_sfere_ii_sozdadut_proryvnye_resheniya_mirovogo_urovnya.html (дата обращения: 01.06.2026).

только целевой характер поддержки, но и ориентацию на создание центров компетенций, а также понимание критической роли именно фундаментальной науки в деле достижения технологического прорыва.

Взгляд на ситуацию с позиций прагматизма и ориентации на эффективность содержится в выступлении А. Фертмана, управляющего директора Департамента научно-технического развития Фонда «Сколково». Согласно ему, ИИ оказывает существенное воздействие на научно-исследовательские работы, радикально сокращая временные и ресурсные затраты на выполнение рутинных операций¹. При этом особое значение приобретает кооперация ученых и инженеров, необходимая для успешного превращения исследовательского результата в конечный коммерческий продукт. С этой перспективы ИИ предстает важным элементом единой инновационной цепочки, обеспечивающей связь между академической наукой и реальным сектором экономики.

Таким образом, можно констатировать формирование в системе государственного управления научной деятельностью целостного и многоуровневого подхода к технологиям ИИ. На министерском уровне он проявляется в стратегическом видении ИИ как фактора смены глобальной научной парадигмы. На правительственном уровне это видение получает институционально-финансовое подкрепление через концентрацию значительных ресурсов на прорывных направлениях. В свою очередь на уровне фондов и вузов происходит прагматичная операционализация, смещающая акцент на повышение эффективности НИОКР и последующую коммерциализацию разработок. Выявленная согласованность управленческих позиций позволяет предположить, что основным барьером для широкого внедрения ИИ считается уже не дефицит политической воли или стратегического видения, а беспрецедентный масштаб задачи по трансформации всей системы науки в новых условиях.

Восприятие технологий ИИ научным сообществом: методология и результаты эмпирического исследования

С целью выявить отношение российских ученых к использованию ИИ в мае–июне 2024 г. сотрудниками кафедры социологии МГИМО МИД России при участии Института сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), осуществившего программирование анкеты, рекрут респондентов и сбор данных, был проведен онлайн-опрос среди российских ученых (объем выборки составил 536 человек). Для участия в опросе отбирались специалисты, которые по самоопределению занимаются научной деятельностью, что подтверждалось участием в исследовательских проектах и наличием научных публикаций, включая тезисы научных конференций, за последние два года. Респонденты отбирались из городов разных феде-

¹ Ученый рассказал, как искусственный интеллект ускоряет научные исследования // Официальный сайт Фонда «Сколково». 2025. 1 сентября. URL: <https://sk.ru/news/uchenyj-rasskazal-kak-iskusstvennyj-intellekt-uskoryaet-nauchnye-issledovaniya/> (дата обращения: 12.10.2025).

ральных округов РФ, в которых сосредоточены крупные научно-исследовательские организации и университеты. На первом этапе отбиралась научные учреждения: НИИ, относящиеся к любому профилю (академические, ведомственные, независимые) и научной области (за исключением медицинских и сельскохозяйственных наук) и вузы. На втором этапе отбирались респонденты в возрасте от 25 лет. При отборе установлены следующие квоты: 1) наличие ученой степени (25% – доктора наук и 75% – кандидаты наук, что соответствует реальному распределению в генеральной совокупности¹); 2) принадлежность к социально-гуманитарному и естественно-техническому профилю (50 на 50%); 3) региональная принадлежность (Москва и Санкт-Петербург – 50%, другие регионы – 50%).

Отношение ученых к технологиям ИИ выявлялось с помощью следующих показателей:

1. Уровень владения технологиями ИИ (оценивался по шестибальной шкале, где «0» – вообще не владею, «1» – владею на начальном уровне, «5» – владею на продвинутом уровне).

2. Разнообразие используемых технологий.

3. Субъективное восприятие изменений в условиях труда под влиянием технологий ИИ.

4. Изменения в содержании научно-исследовательской деятельности под влиянием технологий ИИ:

– с проекцией на научное сообщество в целом;

– с проекцией на индивидуальную деятельность.

5. Экспертная оценка необходимости контроля над внедрением ИИ в научную сферу.

Отдельно оценивались этические аспекты использования ИИ, в том числе в контексте академической недобросовестности.

Владение технологиями и практики использования ИИ в научной деятельности

Владение технологиями ИИ постепенно становится неотъемлемой частью научной деятельности и новой формой научного капитала [2]. Так, почти 71% опрошенных сообщил, что в большей или меньшей степени обладает навыками работы с ИИ, а 39% считают эти навыки необходимыми для их научно-исследовательской деятельности. В то же время ученые в целом достаточно низко оценили уровень своих навыков – 2,6 балла. Только 6% признались, что владеют технологиями ИИ на продвинутом уровне (табл. 1).

¹ Численность исследователей (по областям науки; по возрастным группам; по ученым степеням; по субъектам Российской Федерации) (с 2010 г.) // ФСГС. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/nauka_3.xls (дата обращения: 03.06.2026).

Таблица 1 (Table 1)

Средние баллы субъективной оценки владения технологиями ИИ среди ученых, указавших, что владеют технологиями ИИ хотя бы на начальном уровне (n = 382)
Mean scores of subjective evaluation of AI technology proficiency among the scholars indicated that they have at least basic knowledge of AI technologies (n = 382)

Социально-демографические группы	Средний балл субъективной оценки владения технологиями ИИ
В целом по выборке	2,60
Пол	
Женщины	2,82
Мужчины	2,42
Возраст	
Младше 40 лет	2,56
40–49 лет	2,39
50–59 лет	2,81
60+ лет	2,63
Тип организации	
Вуз	2,62
НИИ	2,55
Ученая степень	
Кандидат наук	2,59
Доктор наук	2,61
Научная область	
Социально-гуманитарные науки	2,67
Точные и естественные науки	2,52

Значительный разрыв между долями владеющих навыками использования ИИ и продвинутых пользователей может объясняться действием целого ряда факторов. С одной стороны, согласно теории диффузии инноваций Э. Роджерса, к новаторам, которые первыми пробуют технологические новинки, принадлежит не более 2,5% пользователей, еще 13,5% относится к ранним последователям [16]. Поскольку ИИ является относительно новой технологией¹, небольшая доля продвинутых пользователей на фоне широкой осведомленности о самой технологии в целом говорит лишь о начале процесса диффузии инноваций. С другой – выявленный разрыв может быть следствием поверхностной адаптации и стремления ученых следовать «модным» научным трендам. Наконец, этот разрыв может свидетельствовать о реальной сложности освоения технологий ИИ для научной работы, скрывающейся за простотой интерфейса чат-бота. Продвинутое владение ИИ предполагает не только наличие базовой цифровой грамотности, но и понимания работы алгоритмов, навыков создания необходимых команд/

¹ Первый доступный широкой аудитории чат-бот ChatGPT был официально запущен только в ноябре 2022 г.

запросов (промтов), способности критически оценивать результаты работы ИИ и выявлять «галлюцинации». Это косвенно подтверждается тем, что доля продвинутых пользователей языков программирования среди опрошенных составила всего 5%, а пользователей СУБД и того меньше – 2%.

Согласно полученным данным имеются определенные социально-демографические особенности в субъективной оценке владения ИИ: женщины оценили уровень своих навыков выше, чем мужчины (разрыв составил 0,4 балла), а ученые в возрасте 50–59 лет – выше, чем их более старшие и более младшие коллеги (табл. 1).

Согласно субъективной оценке их уровня владения ИИ все ученые были разделены на четыре группы: отсутствие навыков – 29%, начальный уровень (1 балл из 5) – 21%, средний уровень (2–3 балла) – 29%, высокий уровень (4–5 баллов) – 21%. Доля ученых с высоким уровнем владения ИИ оказалась выше среди сотрудников вузов (24 против 18% среди сотрудников НИИ), а также среди ученых в возрасте 50–59 лет (25%). Интересно, что владение ИИ на сегодняшний день еще не стало фактором роста научного капитала: связей между ним и такими показателями научного статуса, как ученая степень, ученое звание, индекс Хирша, выявлено не было.

Среди используемых технологий ИИ на первом месте с большим отрывом находится машинный перевод (автоматический перевод текста или речи с одного языка на другой). В среднем по выборке этим инструментом пользуются 77% ученых. Наибольшая вариация признака отмечается среди представителей разных возрастных групп. Так, доля использующих технологии машинного перевода максимальна среди людей старшего возраста (60–69 лет) – 85%, тогда как среди молодых (до 40 лет) она не превышает 66%. Относительно причин такого разрыва можно выдвинуть две гипотезы, которые требуют дальнейшей проверки. Первая – ученые старшего возраста более активно работают с научной литературой, текстами, базами данных, больше читают, в том числе на иностранных языках, что приводит к необходимости пользоваться машинным переводом. Вторая – молодые ученые более уверенно владеют иностранными языками и реже нуждаются в дополнительных инструментах для перевода литературы.

Второе место по частоте использования занимает генеративный ИИ (генерирование текста, программного кода, изображений и пр.), которым в целом пользовались около 41% ученых. При этом молодые (до 40 лет) обращаются к использованию этой технологии заметно чаще – около 56%, нежели ученые в возрасте (70+ лет) – 33%.

Третье место поделили между собой технология распознавания речи (33%) и нейросети для анализа данных (27%). Первая оказалась более востребованной среди представителей социально-гуманитарных наук (40 в сравнении с 24% представителей точных и естественных наук), а также среди сотрудников вузов (40 в сравнении с 26% сотрудников НИИ).

Продвинутое владение ИИ связано с большим количеством освоенных технологий (табл. 2). Так, среди тех, кто оценил уровень своих навыков как высокий, выше доля пользующихся более сложными технологиями:

генеративным ИИ, нейросетями для обработки данных, распознаванием речи и др. Наиболее простая в освоении технология – машинный перевод – используется в равной степени учеными с разным уровнем навыков.

Таблица 2 (Table 2)

Доля использующих различные технологии ИИ среди ученых с разным уровнем навыков, в % (множественный выбор)
The proportion of scientists with different skill levels using different AI technologies, in % (multiple choice)

Используемая технология	Уровень владения ИИ (субъективная оценка)		
	Начальный (1 балл)	Средний (2–3 балла)	Высокий (4–5 баллов)
Машинный перевод	77,0	75,9	77,5
Генеративный ИИ	23,9	43,7	54,1
Распознавание речи	23,9	34,8	38,7
Нейросеть для обработки данных	18,6	25,3	36,9
Машинное обучение / глубокое обучение	11,5	15,2	19,8
Обработка естественного языка	8,0	13,9	17,1
Компьютерное зрение	4,4	5,1	6,3
Робототехника	1,8	1,9	4,5
Всего респондентов	113	158	111

Субъективные оценки влияния ИИ на условия труда ученых

В целом опрошенные замечают изменения в условиях научно-исследовательской деятельности, вызванные распространением ИИ. Каждый десятый счел такие изменения значительными, а 32%, напротив, не увидели вообще никаких изменений.

Содержательные оценки замеченных изменений носят амбивалентный характер (см. табл. 3). С одной стороны, ученые отмечают рост эффективности анализа и обработки данных (49%), сокращение времени на рутинные формы исследовательской деятельности за счет их автоматизации (43%), возникновение принципиально новых предметных областей для научного поиска (39%), с другой – опасаются появления новых рисков и уязвимостей для их профессиональной деятельности. Так, 44% полагают, что внедрение ИИ повлечет за собой проблемы этико-гуманистического свойства, 29% – что это приведет к смещению приоритетов финансирования в сторону проектов, использующих ИИ, 28% – что возможна подмена собственных мыслей исследователя «мыслями» алгоритмов ИИ. Кроме того, почти каждый третий указал на необходимость освоения новых компетенций для сохранения профессионального уровня.

Таблица 3 (Table 3)

Ощущение изменений от внедрения технологий ИИ в научном сообществе в целом и в индивидуальной деятельности ученых, в % от опрошенных*
Perception of changes from of AI technologies implementation in the scientific community as a whole and in the individual activities of scientists, response rate in %

Изменения от внедрения технологий ИИ	Изменения в науке в целом	Изменения в деятельности ученого
Эффективность анализа и обработки данных возросла	49	39
Возрастает важность проблемы сохранения гуманистических аспектов научного поиска	44	35
Сократилось время на рутинные формы исследовательской деятельности за счет их автоматизации	43	36
Появились принципиально новые предметные области для научного поиска	39	28
Приходится осваивать новые компетенции, чтобы сохранять профессиональный уровень	33	29
Процесс написания научных работ ускорился	31	26
Приоритеты финансирования исследований смещаются в сторону проектов, использующих ИИ	29	19
Происходит подмена собственных мыслей исследователя «мыслями» алгоритмов ИИ	28	15
С ИИ стало интереснее заниматься наукой	16	15

Примечание. *Распределение ответов на вопросы «По вашему наблюдению, какие изменения от внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) уже происходят в научно-исследовательской деятельности?» и «Какие из них вы лично почувствовали?»

Значимых различий в оценках происходящих изменений по социально-демографическим характеристикам было выявлено немного. Так, ученые старшего поколения чаще отмечали, что ИИ позволяет ускорить процесс написания научных трудов (41 против 18% в группе молодых), их меньше беспокоит возможная потеря оригинальности научной работы (20 против 40% в группе молодых), как и риски смещения приоритетов финансирования в сторону проектов, использующих ИИ (17 против 44% в группе молодых), но при этом они активнее указывали на необходимость сохранять гуманистические аспекты научного поиска (51 против 37% в группе молодых).

По сравнению с сотрудниками НИИ, представители университетской науки чаще отмечали появление новых предметных областей для научного поиска (30 и 43% соответственно), и они же в большей степени, нежели их коллеги из НИИ, обеспокоены рисками подмены собственных мыслей «мыслями» алгоритмов ИИ, что связано с преподавательской деятельностью (32 и 20% соответственно).

Представители социально-гуманитарных наук чаще, чем занимающиеся естественными и точными науками, выражали согласие с тем, что сегодня возрастает важность сохранения гуманистических аспектов

научного поиска – 57 и 30% соответственно. В свою очередь представители точных и естественных наук чаще «гуманитариев» отмечали рост эффективности анализа и обработки данных – 54 и 44% соответственно.

Экспертная оценка необходимости контроля за внедрением ИИ в научную сферу

Внедрение ИИ в научно-исследовательскую деятельность порождает этические дискуссии относительно его роли в науке. Почти половина опрошенных (49%) указала на необходимость контроля за его внедрением, при этом 27% выступили за строгие ограничения. Лишь 6% полагают, что внедрять ИИ в науку нужно без всяких ограничений, и, что показательно, каждый третий затруднился дать однозначный ответ. Последнее красноречиво говорит о том, что мнения относительно контроля за внедрением технологий ИИ в научную среду только формируются.

Необходимость в таком контроле, скорее всего, связана с риском распространения недобросовестного поведения в научной среде, к которому опрошенные причислили: выдачу текста, написанного с помощью технологий ИИ, за собственный (без указания на использование ИИ) – 82% и использование технологий ИИ в качестве источника генерации идей – 35%. Только 9% посчитали недобросовестным использовать ИИ для подбора научной литературы. Следовательно, однозначно добросовестным может быть признано лишь использование ИИ в целях упрощения рутинных действия, которые не связаны с творческим процессом научного поиска. По сути, использование ИИ трактуется как вторжение технологии в профессиональную юрисдикцию ученого [7]. Если нейросети начинают выполнять функции интерпретации данных, формулирования выводов и производства научного результата, это приведет к размыванию научно-исследовательских компетенций ученого, так что сопротивление внедрению ИИ возможно обусловлено попыткой сохранить границы профессии.

Оценки тех или иных действий с помощью ИИ как добросовестных/недобросовестных слабо зависят от возраста и ученой степени. Значимые различия проявляются между мужчинами и женщинами (среди вторых доля категорически не одобряющих использование ИИ для генерации идей на 10% выше, чем среди первых – 14 и 24% соответственно), а также между представителями разных научных специальностей (гуманитарии чаще не одобряют использование текста, написанного с помощью ИИ – 79%, нежели занятые в сфере точных и естественных наук – 62%).

Следует отметить, что перечисленные выше практики довольно редко встречаются среди ученых. Использовал ИИ для подбора научной литературы только каждый пятый и столько же признались, что замечали подобное за коллегами. ИИ для генерации идей используют всего 6% и еще 13% видели, как это делают их коллеги. Лишь 1% сообщил, что хотя бы раз за научную карьеру выдавал текст, написанный с помощью ИИ, за собственный (без указания на использование ИИ), зато замечал такое у коллег

каждый десятый. Примечательно, что даже среди тех, кто считает возможным использовать ИИ для генерации идей или подбора источников, эти практики пока еще не являются распространенными.

Таблица 4 (Table 4)

Оценки добросовестности использования ИИ в научной работе,
% от всех опрошенных
Evaluation of research integrity in using AI in scientific work, response rate in %

Способы использования технологий искусственного интеллекта	Считают добросовестным / скорее добросовестным	Делали хотя бы раз за научную карьеру или замечали у коллег	Δ (разрыв)
Использование технологий искусственного интеллекта для подбора научной литературы	74	42	+32
Выдача текста, написанного с помощью технологий искусственного интеллекта, за собственный (без указания на использование ИИ)	9	13	-4
Использование технологий искусственного интеллекта как источника генерации идей	42	18	+24

Восприятие технологий ИИ руководителями корпоративного сектора: анализ современных тенденций

Цифровая трансформация, порожденная ИИ, стала одним из ключевых факторов компетентности и, как следствие, конкурентоспособности в современном бизнесе. В этих условиях особую актуальность приобретает анализ восприятия ИИ со стороны тех, кто принимает стратегические решения, – корпоративных руководителей. Российский бизнес-сектор демонстрирует значительный прогресс в освоении технологий ИИ. Примечательно, что уже к 2024 г. более половины крупнейших российских компаний интегрировали ИИ как минимум в одну бизнес-функцию. Активным драйвером этого процесса выступает высшее руководство, что подчеркивает его стратегическую роль в цифровой трансформации.

Немалый вклад в формирование подобной среды вносит также государство, реализующее национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» с его ключевым элементом – федеральным проектом «Искусственный интеллект»¹. Координацию развития всей экосистемы взял на себя Центр развития искусственного интеллекта, созданный на базе Аналитического центра при Правительстве РФ.

¹ Дмитрий Григоренко: Правительство создает Центр развития искусственного интеллекта // Правительство России. 2025. 9 июня. URL: <http://government.ru/news/55306/> (дата обращения: 05.10.2025).

Таблица 5 (Table 5)

Восприятие технологий ИИ в корпоративной среде
Perception of AI technologies in the corporate environment

Аспект восприятия	Проявление в корпоративной практике	Данные исследований ¹
Осведомленность	Высокая степень информированности о возможностях ИИ	94% россиян в той или иной степени осведомлены о технологиях ИИ
Доверие	Преобладает прагматичное доверие, основанное на понимании практической пользы	52% россиян декларируют доверие технологиям ИИ
Опасения	Сохраняется настороженность относительно рисков внедрения	38% россиян не доверяют технологиям ИИ, опасаясь сбоев и ошибок в работе

Существенное влияние на восприятие технологий ИИ оказывает возрастной фактор. Так, по данным ВЦИОМ, уровень доверия к ним среди молодежи 18–24 лет достигает рекордных 79%, в то время как в старших возрастных группах, напротив, доминирует настороженное отношение². Эта общая тенденция находит свое прямое отражение и в корпоративной среде: молодые руководители, как правило, проявляют ббольшую открытость к технологическим новшествам.

Исследование ВЦИОМ демонстрирует преобладание прагматичного оптимизма российского бизнеса в отношении ИИ. За последние три года уровень его внедрения в отечественных организациях увеличился более чем в два раза — с 20% в 2021 г. до 43% в 2024 г.³, что свидетельствует о растущем доверии руководителей, которые все чаще видят в ИИ практическую ценность.

Проникновение ИИ кардинально меняет ландшафт традиционных управленческих функций. Изучение корпоративной практики позволяет выявить несколько ключевых векторов этой трансформации. На этапе планирования ИИ используется для анализа больших массивов данных с целью выявления рыночных трендов, выстраивания прогнозов и моделирования сценариев, представляющих аналитическую основу для выбора руководителем оптимальной стратегии [1]. В отношении организации алгоритмы ИИ в реальном времени оптимизируют распределение ресурсов, анализируют компетенции сотрудников, логистические потоки и складские запасы, а также генерируют предложения по изменению организационной структуры. В плане мотивации сотрудников ИИ помогает определить посредством методов компьютерной лингвистики психотип человека

¹ Доверие к ИИ // ВЦИОМ. 2024. 24 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii> (дата обращения: 05.10.2025).

² Там же.

³ Искусственный интеллект покоряет бизнес: внедрение ИИ в компаниях выросло в два раза // ВЦИОМ. 2024. 12 декабря. URL: <https://wciom.ru/announcements-item/iskusstvennyi-intellekt-pokorjaet-biznes-vnedrenie-ii-v-kompanijakh-vyroslo-v-dva-raza> (дата обращения: 12.10.2025).

и предложить персонализированные стимулы [12], однако финальное решение здесь остается за руководителем, т. е. человеком, обладающим эмпатией и «мягкими/гибкими навыками» (soft skills). Наконец, используемый в сфере контроля, ИИ отслеживает ключевые показатели эффективности в режиме реального времени, тогда как руководитель осуществляет общий надзор и интерпретирует данные с учетом контекста [1].

Успешными примерами цифровой трансформации могут служить международные компании вроде Unilever, применяющей нейросети для анализа мимики и речи кандидатов при найме, что позволяет минимизировать кадровые ошибки. Работает это следующим образом. ИИ сопоставляет загружаемые в него видео-интервью с кандидатами со своей базой данных по психологии и релевантными для соответствующей должности профессиональным компетенциям, анализирует степень уверенности и вовлеченности кандидата, после чего предоставляет HR-специалистам не только оценку его профессиональных навыков и степени искренности при ответах на задаваемые вопросы, но также информацию о типе личности и способности работать в команде¹. В России подобные практики активно внедряют «Сбер», «Газпромнефть», «Яндекс» и «Северсталь».

Сфера управления персоналом переживает под влиянием ИИ одну из самых значительных в своей истории метаморфоз. Согласно исследованию Mckinsey 2023 г. генеративному ИИ можно делегировать до 60–70% задач, обычно выполняемых сотрудниками HR-служб – от кадрового делопроизводства до контроля обучения². Это позволяет в значительной степени автоматизировать рекрутмент: ИИ анализирует вакансии, сортирует резюме, проводит первичные собеседования (по данным SHRM, 86,1% рекрутеров отмечают ускорение найма)³.

Реакция сотрудников на описанные изменения неоднозначна. Если автоматизация рутинных процессов высвобождает время для стратегических задач, то она же порождает опасения, связанные с усилением контроля и риском потерять работу. Исследование Ernst & Young показало, что 75% опрошенных офисных сотрудников испытывают тревогу из-за потенциального замещения их функций ИИ или негативного влияния технологии на уровень их доходов⁴.

¹ Unleashing AI in Unilever: A HR Case Study // Toolify.ai. 2024. 9 января. URL: <https://www.toolify.ai/ai-news/unleashing-ai-in-unilever-a-hr-case-study-450814> (дата обращения: 25.05.2026).

² Chui M., Hazan E. et al. The Economic Potential of Generative AI: The Next Productivity Frontier // McKinsey Global Institute. 2023. June. URL: <https://www.mckinsey.com/-/media/mckinsey/business%20functions/mckinsey%20digital/our%20insights/the%20economic%20potential%20of%20generative%20ai%20the%20next%20productivity%20frontier/the-economic-potential-of-generative-ai-the-next-productivity-frontier.pdf> (дата обращения: 25.05.2026).

³ The Evolving Role of AI in Recruitment and Retention // SHRM Labs. URL: <https://www.shrm.org/labs/resources/the-evolving-role-of-ai-in-recruitment-and-retention> (дата обращения: 25.05.2026).

⁴ Overcoming AI Anxiety: Building a Better Business // Wired. URL: <https://www.wired.com/sponsored/story/overcoming-ai-anxiety/> (дата обращения: 07.10.2025).

Доверие российских бизнес-руководителей к ИИ базируется на ряде рациональных аргументов. Первый – объективность в принятии решений, которую обеспечивают алгоритмы, и, как следствие, минимизация человеческой субъективности в процессах оценки и отбора¹. Второй – институциональная поддержка, в том числе создание Альянса в сфере искусственного интеллекта, объединяющего 17 ведущих российских компаний, и активное формирование нормативно-правовой базы².

В то же время, несмотря на оптимизм, внедрение ИИ в корпоративной сфере наталкивается на серьезные препятствия. Технологические ограничения, такие как феномен «галлюцинаций» ИИ и непрозрачность алгоритмов («черный ящик»), создают реальные бизнес-риски и затрудняют контроль качества [8]. Этические и правовые вызовы усугубляются тем, что законодательство в области ответственности за действия ИИ только формируется, и многие аспекты остаются пока в «серой зоне», включая вопросы предвзятости алгоритмов. Репутационные риски иллюстрируются случаями вроде скандала с нейросетью Gemini от Google, дававшей опасные для здоровья советы. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов сопротивление персонала, выражающееся в пассивном саботаже инициатив по внедрению ИИ.

По данным Deloitte и McKinsey, о применении ИИ хотя бы в одной бизнес-функции заявляют более 70% организаций в мире³. Эта цифра свидетельствует о глобальном распространении технологий ИИ. Однако за агрегированным показателем скрывается более сложная и неоднозначная картина. Если отделить маркетинговые заявления от реальной производственной практики, то окажется, что в США, по данным Бюро переписи населения (United States Census Bureau), на конец октября – начало ноября 2023 г. лишь порядка 3,8–3,9% компаний в среднем по стране фактически использовали ИИ в своих производственных процессах⁴, а по состоянию на период с декабря 2025 г. по май 2026 г. эта цифра менялась в диапазоне с 17 до 20% соответственно⁵. Сокращающийся с течением времени, но все еще значительный разрыв между статусами «попробовали» и «внедрили» можно назвать лейтмотивом современного этапа технологического развития.

¹ The Evolving Role of AI in Recruitment and Retention // SHRM Labs. URL: <https://www.shrm.org/labs/resources/the-evolving-role-of-ai-in-recruitment-and-retention> (дата обращения: 25.05.2026).

² Кодекс этики в сфере ИИ // Альянс в сфере искусственного интеллекта. URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2025/05/23/Кодекс_этики_20_10_1_уKu2UtZ.pdf (дата обращения: 06.10.2025).

³ State of Generative AI in the Enterprise // Stack AI. 2025. 1 августа. URL: <https://www.stack-ai.com/blog/state-of-generative-ai-in-the-enterprise> (дата обращения: 07.10.2025).

⁴ How Many U.S. Businesses Use Artificial Intelligence? Only 3.8% of Businesses Use AI to Produce Goods and Services, Highest Use in Information Sector // United States Census Bureau. 2023. 28 ноября. URL: <https://www.census.gov/library/stories/2023/11/businesses-use-ai.html> (дата обращения: 03.06.2026).

⁵ AI Use at U.S. Businesses. Large Firms with at Least 20 Employees Biggest AI Users // United States Census Bureau. 2026. 26 мая. URL: <https://www.census.gov/library/stories/2026/05/ai-use-businesses.html> (дата обращения: 03.06.2026).

Проблему масштабирования наглядно иллюстрирует и судьба пилотных проектов. Как показал свежий отчет Массачусетского технологического института (MIT), 95% таких инициатив в сфере генеративного ИИ завершаются неудачей и так и не достигают стадии промышленной эксплуатации¹. Эта статистика со всей очевидностью демонстрирует трудности, с которыми корпорации сталкиваются на пути от экспериментальной стадии к полноценной интеграции технологий ИИ в бизнес-процессы [9].

Стоит также отметить, что доверие к ИИ носит избирательный характер и напрямую зависит от сферы его применения. Наибольшее одобрение он получает в тех областях, которые воспринимаются как относительно безопасные и прозрачные: например, в работе виртуальных помощников и чат-ботов (44%)². Более сдержанное отношение к нему наблюдается в сферах, непосредственно влияющих на жизнь и безопасность людей, таких как здравоохранение и транспорт (по 28%)³. Особенно высоко недоверие к использованию ИИ в вопросах государственного управления: 53% россиян не готовы доверять искусственному интеллекту принятию окончательных решений⁴.

Одной из причин скепсиса представителей корпоративного сектора в отношении ИИ выступают разного рода ошибки. Яркой иллюстрацией последствий таковых может служить инцидент с участием консалтинговой компании Deloitte и правительства Австралии. В 2024 г. Deloitte подготовила отчет стоимостью около \$290 000, при создании которого использовалась генеративная модель Azure OpenAI GPT-4o⁵. В ходе проверки в документе были обнаружены серьезные «галлюцинации»: академические ссылки на несуществующие научные работы и вымышленных авторов, а также сфабрикованная цитата из решения Федерального суда с неверно указанным именем судьи. По результатам внутреннего расследования Deloitte признала факт использования ИИ и согласилась вернуть государству последний транш по контракту с целью разрешения ситуации и минимизации социальных издержек в купе с будущими рисками, в том числе в виде общественного недоверия к компании. Этот случай наглядно демонстрирует сохраняющиеся риски и подчеркивает критическую важность человеческого контроля при работе с ИИ, особенно в рамках ответственных государственных проектов.

Ключевым принципом взаимодействия человека и ИИ должно стать формирование сбалансированного подхода, где второй воспринимается как помощник, а не замена руководителя. Согласно меткому замечанию

¹ Estrada Sh. MIT Report: 95% of Generative AI Pilots at Companies Failing // Fortune. 2025. 18 августа. URL: <https://fortune.com/2025/08/18/mit-report-95-percent-generative-ai-pilots-at-companies-failing-cfo/> (дата обращения: 01.06.2026).

² Искусственный интеллект покоряет бизнес: внедрение ИИ в компаниях выросло в два раза // ВЦИОМ. 2024. 12 декабря. URL: <https://wciom.ru/announcements-item/iskusstvennyi-intellekt-pokorjaet-biznes-vnedrenie-ii-v-kompanijakh-vyroslo-v-dva-raza> (дата обращения: 12.10.2025).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Paoli N. Deloitte was Caught Using AI in \$290,000 Report to Help the Australian Government Crackdown on Welfare after a Researcher Flagged Hallucinations // Fortune. 2025. 7 октября. URL: <https://fortune.com/2025/10/07/deloitte-ai-australia-government-report-hallucinations-technology-290000-refund/> (дата обращения: 12.10.2025).

А. Рэя: «... человеческое сознание должно быть достаточно развито, чтобы использовать системы искусственного интеллекта только на благо человечества, обеспечивая при этом защиту человеческих ценностей, этики, неприкосновенности частной жизни, свободы и достоинства» [15, с. 21]. Не менее важно развитие ИИ-грамотности через образовательные инициативы на всех уровнях организации, которые развеивали бы мифы и формировали адекватные ожидания. Обязательным условием также является внедрение надежных систем проверки и контроля, где CEO берет на себя ответственность за этическое и законное использование технологии [10]. И наконец, критическую роль играет стимулирование организационной культуры инноваций через поощрение инициатив сотрудников, кросс-функциональный обмен опытом и проведение хакатонов [13].

Одним из способов реализации, изложенной выше программы, является институционализация роли «человека в контуре» (human-in-the-loop) и принятие человеко-ориентированного подхода (human-centered AI) [6]. Внедрение ИИ должно сопровождаться не автоматизацией с последующим сокращением штата, а перепрофилированием ролей. Задача компании — создать новые должностные инструкции и KPI, при которых ответственность сотрудника смещается с выполнения рутинных задач на контроль качества, этическую оценку и содержательное обогащение результатов, получаемых от ИИ.

Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о двойственной природе восприятия ИИ руководителями корпоративного сектора. С одной стороны, наблюдается массовое, инициируемое «сверху» и поддерживаемое государством внедрение технологий в ключевые бизнес-процессы, а с другой — сохраняется ряд барьеров: от проблем технологического характера и правовой неопределенности до сопротивления персонала. Усиление синергии между человеком и технологией требует целостной стратегии, сочетающей просвещение, внедрение систем контроля и формирование такой корпоративной культуры, где технологические инновации шли бы рука об руку со становящейся все более популярной управленческой идеей о развитии эмоционального интеллекта лидеров [14].

Заключение

Представленный анализ корпоративного ландшафта и научно-исследовательской среды выявляет сложную картину восприятия ИИ, в рамках которой явная выгода сталкивается с множественными рисками. Можно выделить следующие сходства и различия в восприятии драйверов и барьеров внедрения ИИ в двух указанных сферах.

Основной мотив использования ИИ как в корпоративной, так и в академической среде — повышение эффективности: оптимизация бизнес-процессов и научно-исследовательской работы за счет сокращения времени на рутинные операции, более быстрая и эффективная обработка информации.

Основным агентом, продвигающим инновации в бизнес-среде, является руководство компаний, формирующее стратегию развития. В академической среде импульс к использованию ИИ чаще возникает «снизу»

и является инициативой самих ученых, движимых научным интересом и/или стремлением оптимизировать собственные рабочие задачи. Несмотря на государственную поддержку, направленную на развитие ИИ, на уровне отдельных научно-исследовательских и образовательных организаций сколько-нибудь системный подход к его внедрению в их деятельность скорее отсутствует. Это негативно сказывается на эффективности использования ИИ: каждый третий принявший участие в опросе ученый отметил нехватку соответствующих навыков, а самой востребованной технологией оказался простой в использовании машинный перевод.

Если основными факторами, препятствующими внедрению ИИ в бизнес-среде, являются технологические и организационные (возможные «галлюцинации», сопротивление персонала, репутационные риски) [8], то в научной сфере главную роль играют этические барьеры: утрата оригинальности исследований, творческого начала, недобросовестное академическое поведение.

Выявленные различия в восприятии и готовности использовать ИИ в науке и бизнесе могут быть результатом различий в этических основаниях этих профессиональных сфер. Систематизация связей между этическими основаниями деятельности и практиками внедрения ИИ в организациях представлена в обзорном исследовании М. Маданчян и Х. Тахердуста [11]. Как показывают авторы, разные морально-философские традиции (в частности, утилитаризм, деонтология и этика добродетели) задают разные смысловые рамки для принятия решений, связанных с внедрением технологий. Утилитаристская логика, ориентированная на максимизацию совокупной полезности и связанная с технократическим дискурсом об эффективности, способствует позитивному восприятию ИИ как инструмента оптимизации деятельности. Соответственно, организация будет стремиться к его использованию, если выгоды от внедрения превышают потенциальные риски и издержки. Такой подход часто доминирует в бизнес-среде, где максимизация прибыли является одной из основных целей организации. Деонтологический подход, в свою очередь, делает упор на соблюдении моральных норм, обязанностей и правил и может быть выражен кантианским императивом: действуй согласно той максиме, для которой ты желаешь, чтобы она стала универсальным законом. В контексте организации такой подход при внедрении ИИ будет учитывать прежде всего соблюдение установленных требований (прозрачности, справедливости) и прав (сотрудников и клиентов), а в контексте научно-исследовательской организации – еще и ценностных и этических принципов научной работы. Как следствие, научно-исследовательские организации, опирающиеся на деонтологическую этику, могут сознательно ограничивать внедрение ИИ и стремиться к разработке четких и прозрачных стандартов его использования. Этика добродетели смещает фокус на личные качества субъекта управления – его благоразумие и справедливость, – что порождает вариативность индивидуальных реакций даже в сходных организационных условиях. Данная этика играет значимую роль в академической среде, поскольку наука функционирует не только благодаря строгим

правилам научного познания, но и профессиональным качествам ученых, таким как интеллектуальная честность, открытость к критике, добросовестность, критическое мышление, ответственность и отчетность перед научным сообществом. Опасения ученых, связанные с тем, что внедрение ИИ может «заменить» их мысли алгоритмами, во многом основаны именно на представленной этике добродетели.

Особенности ценностно-нормативных оснований научной деятельности обуславливают специфику внедрения ИИ в этой области. Так, на государственном уровне декларативная и финансовая поддержка соответствующих инициатив должна сопровождаться развитием нормативной базы и стандартов использования технологий, разработанных экспертами по результатам широкой научной дискуссии. Такие стандарты помогут урегулировать этические вопросы и выработать правила публикации результатов научных исследований, проведенных с помощью ИИ. При этом, однако, важно сохранять их [стандартов] гибкость в условиях стремительных технологических трансформаций.

На уровне отдельных организаций в условиях отсутствия единых нормативов востребованы локальные регламенты и стандарты, которые НИИ и вузы могут распространять в качестве методических рекомендаций, через курсы повышения квалификации, организацию круглых столов и дискуссий.

На индивидуальном уровне в условиях неопределенности нормативных правил важную роль приобретает профессиональная коммуникация между учеными, способствующая распространению лучших практик использования ИИ в научно-исследовательской деятельности и повышающая прозрачность научной работы.

Библиографический список

1. Баранова И. В. Риски применения искусственного интеллекта при проведении стратегического анализа // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15. № 12. С. 8221–8236. DOI: 10.18334/err.15.12.124288; EDN: VUJXIP.

2. Бурдые П. Поле науки // Социальное пространство: поля и практики / Пер. с фр.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.: ИЭС; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.

3. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации / Пер. с англ. И. Тюрина. М.: Академ. проект, 2003. 525 с.

4. Ланчаков А. Б., Филин С. А., Якушев А. Ж. Использование искусственного интеллекта в науке и образовании // Философия хозяйства. 2023. № 6(150). С. 169–187. DOI: 10.5281/zenodo.10091190; EDN: QXUSOF.

5. Петров А. А. Человек, искусственный интеллект и управление // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегод. / Отв. ред. В. И. Герасимов. Вып. 15. Ч. 1. М.: ИНИОН РАН, 2020. С. 498–505. EDN: VTHJPD.

6. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Искусственный интеллект и искусственная социальность: новые явления, проблемы и задачи для социальных наук // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 4–19. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1905; EDN: EEGSPS.
7. Abbott A. The system of professions: An essay on the division of expert labor. Chicago: University of Chicago press, 2014. 452 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226189666.001.0001.
8. Cui K. Z., Demirer M. et al. The Productivity Effects of Generative AI: Evidence from a Field Experiment with GitHub Copilot [Preprint]. 2024. URL: <https://mit-genai.pubpub.org/pub/v5iixksv> (дата обращения: 03.06.2025). DOI: 10.21428/e4baedd9.3ad85f1c.
9. Jobin A., Ienca M., Vayena E. The global landscape of AI ethics guidelines // Nature Machine Intelligence. 2019. No. 1. P. 389–399. DOI: 10.1038/s42256-019-0088-2.
10. Jobstreibizer J., Beliaeva T. et al. The impact of artificial intelligence on business models: a bibliometric-systematic literature review // Management Decision. 2025. Vol. 63. No. 13. P. 372–396. DOI: 10.1108/MD-10-2024-2309.
11. Madanchian M., Taherdoost H. Ethical theories, governance models, and strategic frameworks for responsible AI adoption and organizational success // Frontiers in Artificial Intelligence. 2025. No. 8. P. 1–14. DOI: 10.3389/frai.2025.1619029.
12. Makarius E., Mukherjee D. et al. Rising with the machines: A socio-technical framework for bringing artificial intelligence into the organization // Journal of Business Research. 2020. Vol. 120. P. 262–273. DOI: 10.1016/J.JBUSRES.2020.07.045.
13. Marocco S., Barbieri B. et al. Exploring facilitators and barriers to managers' adoption of AI-based systems in decision making: A systematic review // AI. 2024. Vol. 5. Iss. 4. P. 2538–2567. DOI: 10.3390/AI5040123.
14. Mikalef P., Islam N. et al. Artificial intelligence (AI) competencies for organizational performance: A B2B marketing capabilities perspective // Journal of Business Research. 2023. Vol. 164. P. 113998. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0148296323003569> (дата обращения: 03.06.2026). DOI: 10.1016/J.JBUSRES.2023.113998.
15. Ray A. Compassionate artificial intelligence: Frameworks and algorithms. Compassionate AI Lab, 2018. 187 p.
16. Rogers E. Diffusion of Innovations. 4th ed. Simon and Schuster, 2010. 518 p.

Получено редакцией: 31.12.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Голоухова Дарья Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии

Куманцов Артём Александрович, аспирант кафедры социологии

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.2

Perception and Use of AI Technologies in Scientific Research: Prospects and Obstacles

Daria V. Golouhova

MGIMO University, Moscow, Russia

d.v.goloukhova@inno.mgimo.ru

ORCID: 0000-0002-2202-2783

Artem A. Kumantsov

MGIMO University, Moscow, Russia

art_titan@bk.ru

ORCID: 0009-0005-5248-2915

For citation: Golouhova D. V., Kumantsov A. A. Perception and Use of AI Technologies in Scientific Research: Prospects and Obstacles. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 12–33. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.2; EDN: TURCUZ.

Abstract. This paper discusses the perception of artificial intelligence (AI) in the scientific community and the main factors determining differences in its use. The research underlying this article focused on three key aspects: 1) the level of AI penetration in scientific practice, 2) the self-assessment of scientists' digital competencies, and 3) institutional differences in the organisation of introduction of AI between the scientific and business environments. Comparing academic and corporate experiences allows us to more clearly demonstrate the specific characteristics of the scientific environment and identify the unique drivers and barriers in the field of AI technologies for the science institution.

A complex picture of technological adaptation of Russian scientists to the implementation of innovative technologies is demonstrated. Despite a formally high level of AI penetration, its rather shallow application is observed. Few scientists report advanced levels of AI proficiency, and scientists' self-assessment of their digital competencies is low, indicating a significant gap between formal use and actual adoption of these technologies.

A comparative analysis of AI development practices in academic and business environments revealed fundamental differences in organisational models associated with the prevalence of different value-based and ethical principles. The corporate sector uses a centralised approach with top-down initiatives supported by systemic investments and regulations. In the scientific community, individual initiatives prevail that is explained by the predominance of sociocultural barriers over technological ones. Scientists recognise the benefits of using AI, such as increased data processing efficiency and automation of routine operations, but simultaneously express serious concerns about ethic risks, the loss of author's originality, and the need to constantly master new skills.

The authors attribute these differences to the specific value-based and ethical principles underlying research and corporate activities. In the business environment, where utilitarian logic prevails, the AI serves as a tool for increasing efficiency. In a scientific environment where deontological ethics and virtue ethics are more pronounced, organisations face socio-cultural barriers connected with the need to avoid violation of ethical principles in academic work, as well as with the same risks from the use of AI.

Keywords: artificial intelligence, scientific activity, technological development, digital transformation, technology perception, academic environment, business environment

References

1. Baranova I. V. The risks of applying artificial intelligence in strategic analysis. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo*, 2025: 15: 12: 8221–8236 (in Russ.). DOI: 10.18334/epp.15.12.124288; EDN: VUJXIP.
2. Bourdieu P. Pole nauki. Sotsialnoye prostranstvo: polya i praktiki [Social space: fields and practices]. Transl. from Fr., ed. by N. A. Shmatko. Moscow, IES; St. Petersburg, Aleteiya, 2005: 576 (in Russ.). EDN: DMGWYB.
3. Giddens A. Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Transl. from Eng. by I. Tyurina. Moscow, Akadem. proekt, 2003: 525 (in Russ.).
4. Lanchakov A. B., Filin S. A., Yakushev A. Zh. Use of artificial intelligence in science and education. *Filosofiya khozyaystva*, 2023: 6(150): 169–187 (in Russ.). DOI: 10.5281/zenodo.10091190; EDN: QXUSOF.

5. Petrov A. A. Human, artificial intelligence and management. In XIX International scientific conference on trends and development prospects in Russia. Vol. 15. P. 1. Ed. by V. I. Gerasimov. Moscow, INION RAN, 2020: 498–505 (in Russ.). EDN: VTHJPD.
6. Rezaev A. V., Tregubova N. D. Artificial intelligence and artificial sociality: new phenomena and challenges for the social sciences. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, 2021: 1: 4–19 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1905; EDN: EEGSPS.
7. Abbott A. The system of professions: An essay on the division of expert labor. Chicago, University of Chicago press, 2014: 452. DOI: 10.7208/chicago/9780226189666.001.0001.
8. Cui K. Z., Demirer M. et al. The Productivity Effects of Generative AI: Evidence from a Field Experiment with GitHub Copilot [Preprint]. 2024. Accessed 03.06.2026. URL: <https://mit-genai.pubpub.org/pub/v5iixksv>. DOI: 10.21428/e4baedd9.3ad85f1c.
9. Jobin A., Ienca M., Vayena E. The global landscape of AI ethics guidelines. *Nature Machine Intelligence*, 2019: 1: 389–399. DOI: 10.1038/s42256-019-0088-2.
10. Jobstreibizer J., Beliaeva T. et al. The impact of artificial intelligence on business models: a bibliometric-systematic literature review. *Management Decision*, 2025: 63: 13: 372–396. DOI: 10.1108/MD-10-2024-2309.
11. Madanchian M., Taherdoost H. Ethical theories, governance models, and strategic frameworks for responsible AI adoption and organizational success. *Frontiers in Artificial Intelligence*, 2025: 8: 1–14. DOI: 10.3389/frai.2025.1619029.
12. Makarius E., Mukherjee D. et al. Rising with the machines: A sociotechnical framework for bringing artificial intelligence into the organization. *Journal of Business Research*, 2020: 120: 262–273. DOI: 10.1016/J.JBUSRES.2020.07.045.
13. Marocco S., Barbieri B. et al. Exploring facilitators and barriers to managers' adoption of AI-based systems in decision making: A systematic review. *AI*, 2024: 5: 4: 2538–2567. DOI: 10.3390/AI5040123.
14. Mikalef P., Islam N. et al. Artificial intelligence (AI) competencies for organizational performance: A B2B marketing capabilities perspective. *Journal of Business Research*, 2023: 164: 113998. Accessed 03.06.2026. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0148296323003569>. DOI: 10.1016/J.JBUSRES.2023.113998.
15. Ray A. Compassionate artificial intelligence: Frameworks and algorithms. Compassionate AI Lab, 2018: 160.
16. Rogers E. Diffusion of Innovations. 4th ed. Simon and Schuster, 2010: 518.

The article was submitted on: December 31, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Daria V. Golouhova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology

Artem A. Kumantsov, Postgraduate of the Department of Sociology

ТЕМА НОМЕРА

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В НАУКЕ И УПРАВЛЕНИИ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.3

EDN: VNLСXB

К вопросу о применении искусственного интеллекта для анализа и интерпретации данных социологических исследований

Ссылка для цитирования: Колодин Д. В., Витюнин В. С., Ватолина О. В. К вопросу о применении искусственного интеллекта для анализа и интерпретации данных социологических исследований // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 2. С. 34–55. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.3; EDN: VNLСXB.

For citation: Kolodin D. V., Vityunin V. S., Vatolina O. V. On the Application of Generative AI to the Analysis and Interpretation of Sociological Data. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 34–55. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.3; EDN: VNLСXB.

SPIN-код: 3535-7356

Колодин Дмитрий Владимирович^{1,2}

¹Приморский НИЦ социологии и гражданских инициатив,
Владивосток, Россия

²Владивостокский государственный университет,
Владивосток, Россия
info@dkolodin.ru

SPIN-код: 2551-0602

Витюнин Владислав Сергеевич^{1,2}

¹Приморский НИЦ социологии и гражданских инициатив,
Владивосток, Россия

²Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия
vityunin.vs@yandex.ru

SPIN-код: 8537-9032

Ватолина Олеся Владимировна¹

¹Тихоокеанский государственный университет,
Хабаровск, Россия

olvatolina@yandex.ru

Аннотация. Представленная статья посвящена исследованию влияния искусственного интеллекта на изменения в методиках социальных исследований. Авторы акцентируют внимание на анализе возможностей и ограничений применения технологий искусственного интеллекта для описания и анализа социологических данных. Также внимание фокусируется на восприятии экспертами сгенерированных нейросетью текстов, в сравнении с описаниями, подготовленными профессиональными аналитиками. Цель исследования – эмпирическая оценка эффективности применения искусственного интеллекта (нейросетевой языковой модели) для автоматизации описания и интерпретации табличных данных исследований на примере социальных исследований.

Рассматриваемый в статье дискурс охватывает аспекты применения цифровых технологий в социальных исследованиях, включая вопросы этики, авторских прав и плагиата, а также необходимость разработки нормативной базы, способствующей их интеграции в эмпирические исследования. Авторами разработана алгоритмическая модель интеграции данных технологий в анализ табличных данных, представляющая собой карту бизнес-процессов в нотации BPMN 2.0. Представлена концепция применения искусственного интеллекта в процессе описания табличных данных результатов социальных исследований.

Эмпирическую базу исследования составляет экспертный опрос представителей академического и профессионального социологического сообщества. Критериями для участия в опросе определены: стаж работы в области социальных исследований, звание или должность профессора/доцента в организациях высшего образования. Сбор данных осуществлялся методом структурированных заочных интервью с экспертами в формате слепого сравнения. Экспертам было предложено оценить два варианта описания таблиц данных реальных социологических исследований. Первый вариант содержал описание, подготовленное аналитиками ведущего социологического центра России. Второй вариант описания подготовлен авторами статьи с использованием нейросетевой языковой модели. В ходе исследования эксперты оценивали тексты описания таблиц данных по пяти критериям: структурированность, логика изложения, полнота, корректность применяемой терминологии, обоснованность выводов без идентификации источника приложенных текстов.

В результате установлено, что более половины экспертов предпочли описания, созданные нейросетью, отметив их преимущества в логике изложения, корректности терминологии.

Ключевые слова: социальные последствия применения искусственного интеллекта, социологические исследования, искусственный интеллект в науке, автоматизация анализа, верификация данных

Введение

Идея использования аналитических возможностей искусственного интеллекта (ИИ) в социальных науках предопределяет пересмотр традиционных представлений о работе с эмпирическими данными. Фактор интерпретационной деятельности ИИ как когнитивного процесса требует методологической строгости, логической связности и аналитической работы, обусловленной контекстуализацией.

Широкий спектр деятельности, с которой способен справляться ИИ, несет и ряд рисков: плагиат при написании работ различного уровня [13; 18], легитимность синтеза научного и учебного процесса с искусствен-

ным интеллектом [5; 11], имитация когнитивной деятельности человека, интеграция ИИ в политические [3], правовые и другие институты с участием в процессах управления, а также риски, детерминированные цифровой трансформацией [6; 17]. Общественное обсуждение вышеуказанных рисков, а также тенденций цифровой деградации [7; 8], усугубления социального неравенства, стали фактором, объединяющим информационно-технические и социальные науки, что подразумевает междисциплинарность при комплексном изучении ИИ.

Анализ использования ИИ в профессиональных и повседневных практиках рассматривается в работе С. А. Шомовой и А. Г. Качкаевой. Авторы рефлексиируют на тему трансформаций, которые приводят к «нейросетевой революции». При этом обращает на себя внимание тезис о скорости и масштабе технологического развития искусственного интеллекта и связанных с ним социальных трансформаций, поскольку они превышают интенсивность развития предшествующих технологий. С. А. Шомова и А. Г. Качкаева отмечают: «в 2023 г. нейросети прошли «точку невозврата», миновали стадию, когда их использование было доступно лишь профильным специалистам, и вошли в эпоху повсеместного внедрения, став достоянием многих сотен тысяч рядовых пользователей» [15, с. 5]. Круг пользователей нейросетей более не ограничен небольшим сообществом специалистов, поскольку стали инструментом массового пользования. Очевидно, что этот процесс – невозвратный, а нейросети уже стали частью обыденности [15]. Кроме того, эти и другие исследователи, как в академической, так и в публицистической среде соглашаются не только с тем, что нейросети стали частью повседневных практик: они применяются практически повсеместно. Российская Федерация находится в числе обладателей наиболее развитых цифровых экосистем, которые участвуют в активной интеграции ИИ как в свою деятельность, так и для трансляции его мощностей населению¹.

Интеграция ИИ в исследовательскую и аналитическую практику создает ряд вызовов для современной социальной науки. Неоднозначным остается вопрос соответствия результатов этих практик эпистемологическим стандартам социальных наук, корректности применения категориально-понятийного аппарата, обоснованности и логики герменевтики, релевантности контекстуальных отсылок. Интеллектуальные системы воспроизводят поверхностные черты научного дискурса, но их способность к смыслообразованию и критической рефлексии вызывает вопросы. Данное исследование фокусируется на потенциале искусственного интеллекта как фактора автоматизации в описании и первичной интерпретации табличных данных. Под автоматизацией понимается выполнение ИИ очерченной структурированной задачи. ИИ рассматривается как технологический драйвер, создающий условия и предпосылки для автоматизации рутинных операций, что, в свою очередь, позволяет высвободить когнитивные

¹ Искусственный интеллект в России: кто, что и как внедряет // Цифровая экономика. Бюллетень ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 2023. 26 сентября. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/862009044.pdf> (дата обращения 08.07.2025).

ресурсы исследователя. Центральным аспектом дальнейшего обсуждения становится вопрос о границах этой автоматизации и ее связи с процессом принятия научных решений.

В рамках реализации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта в РФ в 2021 г. Альянсом в сфере искусственного интеллекта¹ был разработан и подписан Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. В качестве главного аспекта был определен человеко-ориентированный подход, обозначена человеческая ответственность за моральные риски разработки и внедрения ИИ. Кодекс фиксирует этические аспекты создания, внедрения и использования технологий ИИ², которые в настоящее время не урегулированы законодательством РФ и только начинают регламентироваться актами технического регулирования³.

В рамках настоящего исследования авторы определяют искусственный интеллект как нейросетевые языковые модели, управляемые программным кодом, имитирующие интеллект человека. Стоит упомянуть, что авторы не видят в искусственном интеллекте технологического солиционизма, соглашаясь с тем, что речь идет скорее не об интеллекте, а его имитации⁴.

Теоретические основания исследования

Исследования социальных перспектив, связанных с трансформацией общества под влиянием ИИ можно разделить на два сценария: пессимистический и оптимистический. Авторы условно разделяют эти подходы на технопессимистов и технооптимистов относительно развития и интеграции ИИ в общество. Подобная дихотомия уже встречается в отечественной [4] и зарубежной академической литературе [25]. В частности, В. В. Зотов и Т. А. Василенко в своем исследовании выделяют два архетипа сервисно-цифрового (соотносимо с технооптимизмом) и социально-сетевым (соотносимо с технопессимизмом) подхода в сфере государственного и муниципального управления, где приходят к выводу о применении современных средств цифровизации в качестве «умного» управления. С. Видра и Б. Клиевник в своей работе⁵ размышляют на тему управления и принятия

¹ Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» от 10.10.2019 № 490.

² Кодекс этики в сфере ИИ // Альянс в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 19.02.2025).

³ ГОСТ Р 71657-2024. Национальный стандарт РФ: «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. Общие положения» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 01.10.2024 № 1364-ст).

⁴ «Это имитация интеллекта»: Константин Воронцов — о настоящем и будущем машинного обучения // Системный Блокъ. 2021. 7 июля. URL: <https://sysblok.ru/interviews/jeto-imitacija-intellekta-konstantin-voroncov-o-nastojashhem-i-budushhem-mashinnogo-obuchenija/> (дата обращения: 19.02.2025).

⁵ Techno-optimism and policy-pessimism in the public sector big data debate.

решений на основе больших данных. Авторы предлагают логику дихотомии технооптимизма и политического пессимизма. Технооптимизм сфокусирован на аспекте больших данных и преимуществах их использования для принятия решений. Политический пессимизм обусловлен необходимостью многогранности мышления при принятии сложных управленческих решений в бюрократических структурах. Интересно, что выводы исследований сводятся к гибриднему решению: В. В. Зотов и Т. А. Василенко предлагают автоматизировать рутинные операции и сочетать их с экспертным контролем и интерпретационной ролью человека. С. Видра и Б. Клиевник приходят к следующему выводу: технологический оптимизм и политический пессимизм необходимо балансировать и использовать совместно. Гибридизация подходов позволит повысить скорость принятия решений, при этом учесть этическую сторону вопроса.

Результаты внедрения ИИ в различные социальные практики и сферы общественной жизни через призму социологии управления рассматривались В. С. Богдановым и В. А. Шиловой. Авторы описывают дуальную перспективу гибридизации (технократическую и социально-контекстуальную), а также возникающий социальный запрос на разработку технологий, способных наполнить описанные преобразования социально-обоснованными смыслами. В целом, идеи коррелирует с тезисами, представленными выше [1].

Описанная дихотомия технопессимистического и технооптимистического сценариев проявляется в дискуссиях о воздействии искусственного интеллекта на рынок труда. Вопросы снижения количества рабочих мест и деструкция рынка звучат с 1980-х гг. [23]. Чаще других тем обсуждаются перспективы замещения ручного человеческого труда роботизированным, а интеллектуального труда искусственным интеллектом. Технопессимисты постулируют, что за глубоким развитием и широкой интеграцией ИИ в общественную жизнь последует массовое сокращение рабочих мест и следующая за ним безработица. В книге «Гонка с машиной» авторами озвучивался пессимистический сценарий развития технологий [19]. Сформулирована концепция ИИ, который не дополняет, а заменяет человеческий труд. Авторы подчеркивают, что речь идет не только о профессиях, связанных с решением рутинных задач. Изменения коснутся также интеллектуальных и творческих профессий – аналитика данных, юриспруденция, медицинская диагностика и пр., что создаст риски для рынка труда. В продолжении размышлений вышеуказанной книги, в работе «Вторая эра машин» авторы рассуждают о глубинных результатах этих процессов. По мнению Э. Бриньолфссона и Э. Макафи, рынок человеческого труда не только уменьшится емкостно, он также поляризуется. Вырастет спрос на высококвалифицированных специалистов, умеющих создавать и обучать ИИ, а также на низкоквалифицированный труд. Экономическая эффективность технологической автоматизации манипуляционных действий останется ниже, чем использование низкоквалифицированного человеческого труда.

До недавнего времени, проведенные исследования [15; 20] относительно перспектив автоматизации профессий свидетельствовали о маловероятной автоматизации творческих профессий.

Ряд исследователей в 2010-х гг. проводили исследование перспектив будущих профессий в США и с использованием математического анализа получили выводы об автоматизации почти половины рынка труда до 2033 г. Специфика профессий, попадающих в представленной модели под автоматизацию, разнородна и отражена в виде списка направлений деятельности из 702 наименований, ранжированных по вероятности замены человека машиной. Профессия социолога, занимающая 145 место в описанном списке, исторически требует сочетания аналитического мышления и понимания социальных процессов. Исследование К. Фрея и М. Осборна в 2017 г. показало, что вероятность автоматизации этой сферы около 6% в перспективе ближайших 10–20 лет. При этом, стремительное развитие ИИ ставит перед академическим сообществом вопрос о проведении границ, вероятном нормировании работы ИИ, ограничении возможностей развития [21].

Технооптимисты дискутируют о появлении новых возможностей для общества. Исследователи говорят об экономическом потенциале ИИ в части создания рабочих мест, развития экономики и повышения эффективности труда [9]. Последнее в РФ не только один из социально-политических векторов деятельности¹, но и тренд в условиях безработицы в России (на 22.01.2025 уровень безработицы 2,3%²). В данном ключе такие возможности можно расценивать как целесообразные [26]. При этом коллеги заявляют об уменьшении значения прикладной деятельности в пользу интеллектуальной и творческой, тем самым подчеркивая необходимость перехода к экономике знаний [12]. В этой связи по мнению Дж. Фурмана [22], замена человеческого труда искусственным интеллектом будет не лишать людей рабочих мест, а выявлять и создавать новые формы деятельности человека, расширяя и усиливая сферы экономики, напрямую не связанные с технологиями.

Кроме описанных выше направлений, можно упомянуть работу Б. К. Шталь и др., в которой одной из обсуждаемых проблем искусственного интеллекта выступает тенденциозность алгоритмов. В рассмотренных ситуациях [16] результатом работы автоматизированной системы подбора персонала стали гендерный и расовый перекосы, чувствительные для американского общества в либеральной парадигме 2023–2024 гг. Попытки скорректировать код в пользу более взвешенной выборки не дали положительных результатов. Авторы подчеркивают необходимость как технологического, так и социального осмысления рисков, связанных с ИИ, необходимость персональной ответственности и человеческого контроля. Также авторы поднимают вопрос угроз персональной конфиденциальности и личной свободы граждан. Для понимания этических аспектов исполь-

¹ Производительность труда // Национальные проекты России. URL: <https://национальныепроекты.рф/projects/proizvoditelnost-truda/> (дата обращения: 19.02.2025).

² Трудовые ресурсы, занятость и безработица // ФСТС. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 10.03.2025).

зования искусственного интеллекта важно учитывать не только макроуровневые проблемы, такие как дискриминация или манипуляции, но и их частные проявления.

При анализе позиций различных академических источников неизбежно выявляется противоречие: с одной стороны, технопессимисты дают консервативную точку зрения, с обоснованием недопустимости замены машиной человека в разных отраслях деятельности. С другой стороны, технооптимисты говорят об объективности процесса и неминуемом обновлении экономики и связанных с этими изменениями. Рассмотрение воздействия технологий ИИ на общество требует взвешенного подхода, особенно в контексте возможных негативных последствий. Современные исследования подчеркивают важность осознания этических рисков, связанных с развитием ИИ, таких как дискриминация, нарушение конфиденциальности и манипуляции общественным мнением [16]. Обозначенные противоречия в оценках социальных последствий массового использования искусственного интеллекта, этические дилеммы его применения в науке, образовании, а также неопределенность относительно его аналитического потенциала и возможностей в исследовательских задачах подчеркивают актуальность эмпирического изучения эффективности ИИ-инструментария в исследовательской и аналитической практике. Для решения вышеописанных проблем в исследовании предлагается модель применения ИИ для описания табличных данных, которая представлена в следующем разделе.

Модель обработки данных исследования с применением ИИ

Моделирование в области ИИ необходимо верифицировать при валидации на предмет точности, наличия ошибок, в том числе этических. После апробации и имплементации модели необходим регулярный мониторинг с целью нивелирования модельного риска [10].

Концепция применения ИИ в процессе описания табличных данных результатов исследований подразумевает выбор цифровой платформы. Он обусловлен предъявляемыми к системе требованиями и задачам. Построение бизнес-процесса производства интеллектуального продукта требует формализации для повторяемости качества и уровня создаваемых результатов. Логика системы должна исключать сбои и ошибки в интеллектуальном продукте и позволять системную воспроизводимость продукта высокого качества.

На рисунке 1 в схематичном виде представлена концепция применения ИИ в процессе описания табличных данных результатов социологических исследований. Концепция визуализирована при помощи инструментария нотации BPMN 2.0 [2].

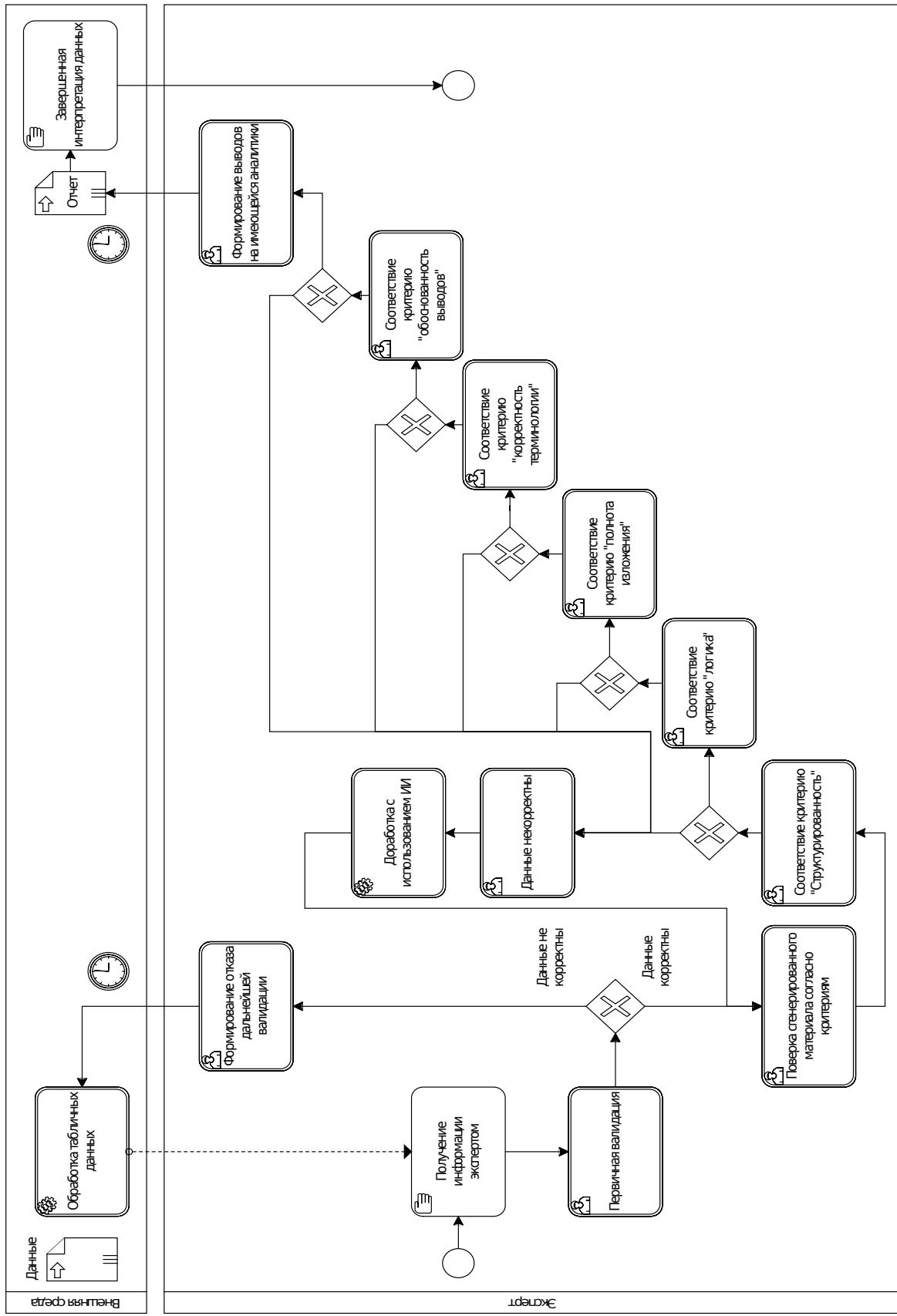

Рис. 1. Концепция применения ИИ в процессе описания табличных данных результатов социальных исследований

Figure 1. The concept of using AI in the process of describing tabular data of social research results

Процесс выполнялся в пять этапов:

1. Эксперт-социолог получает эмпирические данные и переводит их в табличную форму в программной среде математической обработки данных.

2. Данные в табличном виде вводятся в поле взаимодействия ИИ с запросом на генерацию описания. Эксперт-социолог производит первичную точечную экспертизу полученного описания по реперным точкам (преимущественно верификация значений).

3. В случае, если первичная экспертиза положительна, документ отправляется на верификацию по заданным критериям:

3.1. Экспертиза на соответствие структурированности¹.

3.2. Экспертиза на соответствие логике*.

3.3. Экспертиза полноты изложения*.

3.4. Экспертиза на корректность терминологии*.

3.5. Экспертиза обоснованности выводов*.

4. Обращение к ИИ с запросом на формирование основных выводов по верифицированным сведениям.

5. Завершение работы с данными и формирование отчета.

Для оптимизации запрос-ответного взаимодействия необходимо сопровождение и систематическое обновление базы знаний, включающих автоматически предоставляемый банк запросов-ответов по различным плоскостям исследований. На этапе обучения ИИ и накопления базы знаний необходима работа промпт-инженера, который формирует запрос, однозначно интерпретируемый ИИ. Перед запуском представленной системы необходимы пилотаж и апробация в параллельном с исследовательским центром режиме или в условиях экспериментальной площадки.

Методы эмпирического исследования

Для достижения цели исследования было проведено 24 экспертных структурированных заочных интервью в формате слепого сравнения. Исследование было ограничено данным количеством экспертов, поскольку было достигнуто эмпирическое насыщение. В качестве экспертов выступили представители академического и профессионального сообщества – практикующие социологи со стажем работы в области социальных исследований более 5 лет. Сбор данных осуществлялся через обращения к сообществам социологов в научно-исследовательские центры и образовательные организации высшего образования.

¹ В случае наличия некорректных данных по какому-либо из представленных критериев, данные отправляются на доработку в поле взаимодействия ИИ с запросом на уточнение приведенных сведений.

Таблица 1 (Table 1)

Профессиональная характеристика выборки экспертов
Professional profile of the expert sample

Характеристика	Категория	Кол-во чел. (n)
Основная исследовательская традиция	Количественные исследования	16
	Качественные исследования	8
Опыт социальных исследований	менее 10 лет	5
	10–14 лет	5
	15 лет и более	14

Профессиональная характеристика выборки представлена в таблице 1. Проводя исследование, авторы не принимали во внимание такие особенности выборки как сфера деятельности респондентов, типы населенных пунктов проживания и т. д. Также стоит упомянуть, что объем выборки экспертов не позволил выполнить статистический анализ ответов.

Опрос был направлен на оценку описаний таблиц по ряду критериев. Экспертам тема исследования была заявлена как «подходы к интерпретации и описанию данных научных исследований».

Для эмпирической части исследования были отобраны три таблицы, опубликованные в открытом доступе на официальном сайте ведущего российского центра изучения общественного мнения (далее – Центр). Каждая таблица представляла результаты всероссийского социологического опроса, включающего от 5 до 12 строк и от 2 до 9 столбцов. Формат таблиц охватывал как одномерные (например, динамика оценки социальной справедливости), так и двумерные распределения (способы оплаты в разрезе пола и возраста), в которых использовались простые меры – доли (%) от всех опрошенных или от подгрупп. Статистики центральной тенденции и разброса в представленных данных отсутствовали, что позволяло фокусироваться на сопоставлении категориальных переменных.

Тематика таблиц охватывала широкий круг социально значимых, но не специализированных вопросов: восприятие социальной справедливости, повседневные платежные практики, отношение к курьерской доставке товаров. Таким образом, тематика не предполагала высокого уровня вовлеченности респондентов и не требовала специфической экспертизы для интерпретации.

Аналитические отчеты по результатам социальных исследований, опубликованные Центром в период 2019–2024 гг., были собраны в единый массив. Каждому аналитическому отчету был присвоен уникальный порядковый номер, после чего с использованием генератора случайных чисел было выбрано три отчета. Из каждого выбранного отчета вручную были отобраны по одной таблице, различающейся по типу представленных данных: временной ряд (динамика восприятия), социально-демографическое распределение (по полу и возрасту), а также классификация открытых ответов (мотивы отказа от практики). Такой подход позволил обеспечить одновременно элемент случайности и тематическое разнообразие.

Генерация альтернативных описаний с использованием искусственного интеллекта осуществлялась в языковой модели ChatGPT 4.0. Ниже приведено исходное обращение, использованное для генерации описания первой таблицы: «Проанализируй таблицу. Напиши основные выводы к ней».

Для последующих таблиц использовалась та же структура обращения с запросом «опиши данные в аналогичном стиле». Дополнительные инструкции или обучающие примеры нейросети предоставлены не были. Это позволяет классифицировать использованные запросы как zero-shot-промпты, ориентированные на стилистическую и смысловую универсальность [14].

Сравнение текстов, подготовленных ИИ и Центром, проводилось в условиях, исключающих идентификацию источника описания. Экспертам предлагались две версии текста – «Описание 1» и «Описание 2» – без указания авторства. Порядок представления текстов варьировался случайным образом для каждой таблицы, что позволило повысить объективность оценок и нивелировать возможную предвзятость респондентов.

Инструмент опроса состоял из трех блоков, каждый из которых включал:

1. Данные в табличном виде.
2. Два предложенных описания таблицы (а. описание из отобранных всероссийских исследований, относящееся к представленной таблице; б. описание, сгенерированное искусственным интеллектом).
3. Критерии сравнения (а. структурированность; б. логика; в. полнота изложения; г. корректность применяемой терминологии; д. наличие обоснованных выводов).
4. Поле для дополнительного сравнения предложенных описаний.

Помимо перечисленных блоков в анкете было предложено заполнить информацию о себе:

- а) тип наиболее часто проводимых социальных исследований (количественная или качественная методология);
- б) стаж работы в сфере социальных исследований.

Авторский подход подразумевает, что «**Структурированность**» позволяет оценить последовательность представленной информации. «**Логика изложения**» помогает определить, соответствует ли изложение логике представленных данных. «**Полнота изложения**» позволяет оценить, насколько описание адаптировано для восприятия читателя. Оценка «**корректности применяемой терминологии**» раскрывает правильность и точность используемых терминов, и соответствие специфике данных. «**Наличие обоснованных выводов**» является критерием, направленным на оценку соответствия итоговых суждений представленным эмпирическим данным. Подразумевается наличие выводов, выраженных в строгой форме, логически следующих из анализа, проведенного на основе данных таблиц. Выводы должны быть верифицируемы.

Учитывая высокую динамику и стремительное развитие исследуемой области, считаем необходимым отметить, что в качестве нейросетевой модели, используемой для описания данных таблиц, была выбрана версия ChatGPT 4.0, актуальная на момент проведения исследования как частный случай ИИ.

Выбор обусловлен широкими функциональными возможностями ChatGPT 4.0, включающие способность генерировать тексты, близкие по стилю и содержанию к человеческому языку, а также выполнять сложные вербальные задачи [24]. ChatGPT 4.0 демонстрирует высокую эффективность при работе с большими объемами контекста, учитывает сложные взаимосвязи в данных и способен создавать текстовые материалы, соответствующие специфическим запросам пользователя. Кроме того, ChatGPT 4.0 представляет собой одну из наиболее востребованных моделей искусственного интеллекта, что подтверждается ее значительной долей на рынке ИИ-технологий (по состоянию на 17.02.2025). Это делает ее оптимальным выбором для задач, связанных с автоматизацией анализа и интерпретации данных¹.

Результаты

По результатам первого сравнения описаний таблиц было установлено, что большинство экспертов (15) отдали предпочтение описанию, составленному искусственным интеллектом. Вариант, подготовленный специалистами **Центра**, выбрали 8 респондентов и лишь один эксперт счел, что ни одно из предложенных описаний не подходит. Оценка производилась по пяти критериям и выявила следующее. Описание, составленное **Центром**, уступает варианту, предложенному искусственным интеллектом по 4 из 5 заявленных критериев (табл. 2). Эксперты оценили описание **Центра** как более структурированное, с другой стороны, текст, составленный нейросетью, получил более высокие оценки по логике изложения (14), полноте представленного материала (12), корректности терминологии (14) и наличию обоснованных выводов (14). Описание, составленное искусственным интеллектом, социологи с большей частотой признавали более кратким, логичным и понятным, однако подверглось критике за допущенные некорректные обобщения.

Во втором блоке сравнения 13 экспертов сочли описание, созданное нейросетью, более корректным. Описание, написанное **Центром**, выбрали 7 экспертов, а 4 указали на то, что ни один из предложенных вариантов не соответствует представленным данным.

¹ Chart: Which AI Companies Have Acquired the Most Funding? // Statista. 2025. 15 июля. URL: <https://www.statista.com/chart/32063/top-8-ai-startups-worldwide-according-to-capital-invested> (дата обращения: 19.02.2025).

Таблица 2 (Table 2)

**Экспертные оценки соответствия описаний (интерпретаций)
заданным критериям (Сравнение 1)**
*Expert assessments of the conformity of descriptions (interpretations)
to the specified criteria (Comparison 1)*

Агент (исполнитель) описания	Структурированность	Логика изложения	Полнота изложения	Корректность применяемой терминологии	Наличие обоснованных выводов
Центр	12	7	11	8	8
Искусственный интеллект	10	14	12	14	13
Ни одно из предложенных описаний	2	3	1	2	3
Итого	24	24	24	24	24

Оценка текста по 5 критериям показала преимущество текста, составленного искусственным интеллектом. Он получил более высокие оценки по каждому из параметров: структурированность – 15 против 8; логика изложения – 14 против 6; полнота изложения – 15 против 7; корректность терминологии – 15 против 5; наличие обоснованных выводов – 12 против 7 (табл. 3).

Эксперты указали на сложность восприятия текста, составленного **Центром**, наличие терминов, отсутствующих в исходной таблице, а также оценочных суждений, затрудняющих объективный анализ. Кроме того, часть респондентов отметила, что описание, составленное искусственным интеллектом, было доступно для понимания, но избыточно объемно, тогда как описание, составленное **Центром**, содержало разнотипные параметры, усложняющие формулировку выводов.

Таблица 3 (Table 3)

**Экспертные оценки соответствия описаний (интерпретаций)
заданным критериям (Сравнение 2)**
*Expert assessments of the conformity of descriptions (interpretations)
to the specified criteria (Comparison 2)*

Агент (исполнитель) описания	Структурированность	Логика изложения	Полнота изложения	Корректность применяемой терминологии	Наличие обоснованных выводов
Центр	8	6	7	5	7
Искусственный интеллект	15	14	15	15	12
Ни одно из предложенных описаний	1	4	2	4	5
Итого	24	24	24	24	24

В третьем сравнении 13 экспертов отдали предпочтение интерпретации, составленной искусственным интеллектом, в то время как 8 выбрали описание, выполненное Центром. Еще 3 эксперта посчитали, что ни одно из предложенных описаний не является корректным.

Оценка соответствия описаний заданным критериям показала относительно небольшие различия между двумя вариантами. Искусственный интеллект получил более высокие баллы по параметрам структурированности (13 против 9), логики изложения (12 против 10) и корректности терминологии (12 против 9). Однако по критерию полноты изложения оба описания набрали одинаковое количество положительных оценок (11). Наименьшее расхождение было зафиксировано в показателе наличия обоснованных выводов: 10 у интерпретации, составленной ИИ, против 9 у текста, выполненного Центром (табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

Экспертные оценки соответствия описаний (интерпретаций)
заданным критериям (Сравнение 3)
*Expert assessments of the conformity of descriptions (interpretations)
to the specified criteria (Comparison 3)*

Агент (исполнитель) описания	Структури- рованность	Логика изложения	Полнота изложения	Корректность применяемой терминологии	Наличие обоснованных выводов
Центр	9	10	11	9	9
Искусственный интеллект	13	12	11	12	10
Ни одно из предложенных описаний	2	2	2	3	5
Итого	24	24	24	24	24

Некоторые эксперты указали, что интерпретация ИИ отличается большей строгостью и логичностью, что делает ее подходящей для научных публикаций, тогда как интерпретация Центра более развернута и лучше подходит для представления данных широкой аудитории, например, в СМИ. Другие респонденты подчеркнули, что вариант ИИ воспринимается как более компактный, что положительно влияет на его структурированность, логику и полноту изложения.

В целом, данные исследования позволяют судить о том, что результаты работы искусственного интеллекта в рамках описания таблиц можно использовать для написания научно-исследовательских работ. Согласно полученным данным, более половины экспертов (14), участвовавших в исследовании, отдали предпочтение описаниям таблиц, сгенерированным искусственным интеллектом. В то же время треть респондентов (8) выбрали описания, подготовленные Центром, что свидетельствует о недостаточной проработанности и универсальности текстов, созданных ИИ. Авторы исследования полагают, что такое соотношение результатов не позволяет говорить о достижении достаточной взвешенности и объективности в работе искусственного интеллекта на текущем этапе его развития.

Ввиду специфики логики функционирования искусственного интеллекта, основанной на структурно-функциональном анализе и использовании обширной кластерной базы данных, ИИ демонстрирует значительные преимущества в восприятии экспертов по таким критериям, как структурированность, логичность изложения, полнота и корректность представления информации. Результаты исследования свидетельствуют о том, что ИИ чаще занимает лидирующие позиции в сравнении с описаниями, подготовленными специалистами Центра. При анализе таблиц ИИ проявил себя более эффективно, чем эксперты Центра, в аспекте наличия и обоснованности выводов. Это подчеркивает его способность к генерации логически завершенных и аргументированных заключений, что является важным критерием в научно-исследовательской деятельности. Стоит отметить, что каждый пятый эксперт указал на некорректность выводов, сгенерированных как ИИ, так и специалистами Центра. Это свидетельствует о наличии определенных ограничений в работе обеих сторон и подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования методологий анализа и интерпретации данных.

Таблица 5 (Table 5)

**Экспертные оценки соответствия описаний (интерпретаций)
заданным критериям (усредненные значения)**
*Expert assessments of the conformity of descriptions (interpretations)
to the specified criteria (average values)*

Агент (исполнитель) описания	Структури- рованность	Логика изложения	Полнота изложения	Корректность применяемой терминологии	Наличие обоснованных выводов
Центр	10	8	10	7	8
Искусственный интеллект	13	13	13	14	12
Ни одно из предложенных описаний	2	3	2	3	4
Итого	24	24	24	24	24

Результаты проведенного исследования показывают, что потенциал искусственного интеллекта в аналитике почти в два раза превосходит аналогичные человеческие возможности. Однако авторы подчеркивают, что описание, корректное на 58% в контексте интерпретации данных и формулирования выводов, может привести к некорректным, логически необоснованным результатам. Это свидетельствует о том, что говорить о технологическом детерминизме и солюционизме в социальных исследованиях на текущем этапе преждевременно. Результаты, демонстрирующие предпочтение экспертами описаний, сгенерированных ИИ по критериям логики, завершенности и аргументированности требуют критической рефлексии относительно природы самих критериев. Высокие оценки, которые получил ИИ, с одной стороны, указывают на его способность эффективно имитировать формальные аспекты научного дискурса – структуру, связность изло-

жения, корректное применение понятийного аппарата, сохраняя при этом связь с исходными данными. С другой стороны, это не тождественно глубокому пониманию проблемы и контекста, равно как и научному суждению. «Завершенность» в этом случае трактуется скорее как внутренняя непротиворечивость текста, его соответствие ожидаемым шаблонам описания данных, укоренившимся в научных традициях. «Аргументированность» представляется апелляцией к числовым табличным данным, соответствие им текста в рамках линейной логики. Способность ИИ к такой имитации говорит о его полезности как инструмента автоматизации рутинного аналитического описания, но сохраняет необходимость критической оценки сгенерированных данных, а также интерпретации описанных данных исследователем – человеком, ответственным за принятие решений в части результата исследования и конечного научного суждения.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует потенциал искусственного интеллекта в социальных исследованиях в логике автоматизации рутинных аналитических задач. Эмпирические данные, полученные в результате сравнения описаний таблиц, подготовленных аналитиками и сформированных ИИ, указывают на то, что более половины экспертов-социологов отдали предпочтение текстам, которые были созданы искусственным интеллектом. К преимуществам ИИ относятся строгость логической организации материала, точность использованной терминологии и структурированная подача информации, что говорит о способности ИИ к эффективной обработке табличных данных и генерации описаний таблиц на высоком техническом уровне.

Наличие некорректных обобщений и недостаточная адаптивность к контексту указывают на необходимость сохранения экспертного контроля при описании данных социальных исследований и формировании отчетов по результатам исследования. Энтимемы, подразумевающие замену социолога искусственным интеллектом, авторы считают преждевременными. В начале 2025 г. генеральный директор ВЦИОМ В. Федоров сообщил, что ИИ на нынешнем этапе развития не способен заменить социологов, однако ВЦИОМ планирует его использовать в своей работе¹. Данный тезис в целом созвучен результатам представленного исследования.

Вопрос применения ИИ для реализации полного жизненного цикла анализа данных исследований остается открытым. Постановка проблемы, выбор и разработка методологии, выходящей за рамки стандартизированных шаблонов, оценка теоретической и практической ценности результатов, а также формирование выводов, с учетом социального контекста и этической стороной исследования – в текущей стадии развития технологий остается за человеком-исследователем. ИИ способен служить

¹ Глава ВЦИОМ заявил, что ИИ не может заменить социологов // ТАСС. 2025. 4 января. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22821937> (дата обращения: 25.05.2026).

ценным инструментом, освобождающим исследователей и аналитиков от рутинных операций, позволяющим сосредоточиться на творческих и интерпретационных аспектах работы. Использование ИИ в качестве вспомогательного агента, выполняющего механическое описание результатов научно-исследовательских работ, при корректном применении, будет способствовать автоматизации процессов, снижению трудовой нагрузки и повышению эффективности труда социологов. Применение искусственного интеллекта для описания данных социальных исследований следует рассматривать как эволюционный шаг, сочетающий технологический солюционизм с критическим участием человека. Текущий этап может быть охарактеризован как формирование предпосылок для технологической трансформации научно-исследовательского процесса, где ключевым условием выступает сохранение баланса между автоматизацией и гуманитарным аспектом исследований.

Библиографический список

1. Богданов В. С., Шилова В. А. Социально-управленческие аспекты развития искусственного интеллекта (AI): по итогам методологического семинара ФНИСЦ РАН // Вестник института социологии. 2025. Т. 16. № 3. С. 253–263. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.13; EDN: IPFACO.
2. Гаврилина Д. Э., Манцивода А. В. Low-code и объектные электронные таблицы // Известия ИГУ. Математика. 2022. Т. 40. С. 93–103. DOI: 10.26516/1997-7670.2022.40.93; EDN: EMSESG.
3. Гришина Н. Ю., Болдырева Е. Л., Дуйсембина Е. О. Влияние интернет-технологий на процесс принятия решения как новый политический тренд (на примере компании «Кембридж Аналитика») // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10. № 1. С. 69–80. DOI: 10.18721/JHSS.10107; EDN: YAITRU.
4. Зотов В. В., Василенко Л. А. Цифровая трансформация публичного управления: единство сервисно-цифровых и социально-сетевых аспектов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3. С. 26–47. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-3-26-47; EDN: EFDDTJ.
5. Ивахненко Е. Н., Никольский В. С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 4. С. 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22; EDN: TZHINU.
6. Кисляков П. А., Меерсон А. С. и др. Устойчивость личности к социокультурным угрозам в условиях цифровой трансформации общества // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 9. С. 142–168. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-9-142-168; EDN: XCOFNN.
7. Ковальчук М. А. Влияние цифровизации на процесс общения молодежи в социально-экономической среде // Теоретическая экономика. 2021. № 9(81). С. 61–71. DOI: 10.52957/22213260_2021_9_61; EDN DWESDO.

8. Кутырев В. А. Куда сдвигать гуманитарный вектор? // Гуманитарный вектор. Философия, культурология. 2012. № 3(31). С. 9–16. EDN: OZPOCJ.

9. Лавровский Б. Л., Хайруллина М. В. и др. О производительности труда и одноименном национальном проекте // ЭКО. 2020. № 6(552). С. 111–130. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-111-130; EDN: GYAKER.

10. Никитин Н. А. Вероятностные методы учета модельных рисков при оценке инвестиций в технологии искусственного интеллекта // Инновационное развитие экономики. 2023. № 2(74). С. 123–134. DOI: 10.51832/2223798420232123; EDN: MGIFUB.

11. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. ChatGPT и искусственный интеллект в университетах: какое будущее нам ожидать? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 6. С. 19–37. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-6-19-37; EDN: GZJZIJ.

12. Рябова Е. Ю. Институциональные императивы функционирования экономики знаний // Terra Economicus. 2009. Т. 7. № 2-3. С. 27–31. EDN: PKYHXZ.

13. Сысоев П. В. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 2. С. 31–53. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53. EDN: VTAIUO.

14. Шнайдер П. А., Чернышева А. В. и др. Исследование эффективности промпт-инжиниринга и квантованных LLM в создании структуры академических курсов // Компьютерные инструменты в образовании. 2024. № 1. С. 32–44. DOI: 10.32603/2071-2340-2024-1-32-44; EDN: JGGIYT.

15. Шомова С. А., Качкаева А. Г. Между очарованием и испугом: диалог с «другим». Опыт анализа практик использования ИИ в профессиональной и повседневной жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 5. С. 3–17. DOI: 10.14515/monitoring.2024.5.2766; EDN: YVQHAJ.

16. Шталь Б. К., Шредер Д., Родригес Р. Этика искусственного интеллекта: кейсы и варианты решения этических проблем // Экономическая социология. 2024. Т. 25. № 1. С. 85–95. DOI: 10.17323/1726-3247-2024-1-85-95; EDN: HVDDTQ.

17. Южаков В. Н., Покида А. Н. и др. Цифровизация взаимодействия граждан и государства: оценка гражданами эффектов, рисков и перспектив // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 2. С. 33–73. DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-2-33-73; EDN: BRJMAM.

18. Benuyenah V. Commentary: ChatGPT Use in Higher Education Assessment: Prospects and Epistemic Threats // Journal of Research in Innovative Teaching & Learning. 2023. Vol. 16. No. 1. P. 134–135. DOI: 10.1108/JRIT-03-2023-097.

19. Brynjolfsson E., McAfee A. Race against the Machine: How the Digital Revolution is Accelerating Innovation, Driving Productivity, and Irreversibly Transforming Employment and the Economy. Lexington: Digital Frontier Press, 2011. 92 p.

20. Duckworth P., Graham L., Osborne M. Inferring Work Task Automatability from AI Expert Evidence // In Proceedings of the 2019 AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society (AIES '19). Association for Computing Machinery, New York, USA. 2019. P. 485–491. DOI: 10.1145/3306618.3314247.

21. Frey C. B., Osborne M. A. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 114. P. 254–280. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.019.

22. Furman J., Seamans R. AI and the Economy. In Innovation Policy and the Economy. Vol. 19 // NBER. 2018. P. 161–191. DOI: 10.3386/w24689.

23. Leontief W. Technological Advance, Economic Growth, and the Distribution of Income // Population and Development Review. 1983. Vol. 9. No. 3. P. 403–410.

24. Lund B. D., Wang T. Chatting about ChatGPT: how may AI and GPT impact academia and libraries? // Library Hi Tech News. 2023. Vol. 40. No. 3. P. 26–29. DOI: 10.1108/LHTN-01-2023-0009.

25. Vydra S., Klievnik B. Techno-optimism and policy-pessimism in the public sector big data debate // Government Information Quarterly. 2019. Vol. 36. No. 4. P. 1–10. DOI: 10.1016/j.giq.2019.05.010.

26. West D. M. The Future of Work: Robots, AI, and Automation. Washington: DC Brookings Institution Press, 2018. 192 p.

Получено редакцией: 8.04.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Колодин Дмитрий Владимирович, кандидат социологических наук, начальник отдела исследований и методических разработок; доцент кафедры общей и юридической психологии

Витюнин Владислав Сергеевич, ведущий социолог отдела исследований и методических разработок; аспирант

Ватолина Олеся Владимировна кандидат экономических наук, доцент высшей школы менеджмента

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.3

On the Application of Generative AI to the Analysis and Interpretation of Sociological Data

Dmitry V. Kolodin

Primorsky Research Center for Sociology and Civil Initiatives, Vladivostok, Russia;

Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

info@dkolodin.ru

ORCID: 0000-0002-4618-4242

Vladislav S. Vityunin

Primorsky Research Center for Sociology and Civil Initiatives, Vladivostok, Russia;
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

vityunin.vs@yandex.ru

ORCID: 0009-0003-0314-777X

Olesya V. Vatolina

Pacific National University, Khabarovsk, Russia

olvatolina@yandex.ru

ORCID: 0009-0006-6075-1625

For citation: Kolodin D. V., Vityunin V. S., Vatolina O. V. On the Application of Generative AI to the Analysis and Interpretation of Sociological Data. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 34–55. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.3; EDN: VNL CXB.

Abstract. This article examines the impact of artificial intelligence (AI) on changes in social research methods. The authors focus on the potential and limitations of AI use for describing and analysing sociological data. They also examine how experts perceive AI-generated texts compared to descriptions prepared by professional analysts. The purpose of this study is to empirically evaluate the effectiveness of artificial intelligence (a neural network language model) in automating the description and interpretation of tabular research data using social research as an example.

The article addresses aspects of AI application in social research, including issues of ethics, copyright, and plagiarism, as well as the need to develop a regulatory framework that facilitates the integration of AI into empirical research. The authors have developed an algorithmic model for integrating AI into tabular data analysis, representing a business process map in BPMN 2.0 notation. A concept for applying AI to the description of tabular data from social research results is presented.

The empirical basis of the study consists of an expert survey (n = 24) of representatives of the academic and professional sociological community. The criteria for participation in the survey included at least five years of experience in social research and the rank or position of professor/associate professor at higher education institutions. Data was collected through structured, in-person interviews with experts using a blind comparison format. Experts were asked to evaluate two versions of data table descriptions from real sociological studies. The first version contained a description prepared by analysts at a leading Russian sociological center. The second version was developed by the authors using a neural network language model. During the study, the experts evaluated the data table descriptions according to five criteria: structure, logical presentation, completeness, correctness of terminology, and validity of conclusions without identifying the source of the accompanying texts.

As a result, more than half of the experts preferred the AI-generated descriptions, noting their advantages in terms of logical presentation and correctness of terminology. In their conclusion, the authors formulated proposals and recommendations for expanding the use of AI in scientific practice.

Keywords: social consequences of artificial intelligence, sociological research, artificial intelligence in science, automation of analysis, data verification

References

1. Bogdanov V. S., Shilova V.A. Social and Managerial Aspects of Artificial Intelligence (AI) Development: Results of the Methodological Seminar of FCTAS RAS. *Vestnik instituta sotziologii*, 2025: 16: 3: 253–263 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.13; EDN: IPFACO.
2. Gavrilina D. E., Mantsivoda A. V. Low-Code and Object Spreadsheet. *Izvestiya IGU. Matematika*, 2022: 40: 93–103 (in Russ.). DOI: 10.26516/1997-7670.2022.40.93; EDN: EMSSEG.
3. Grishina N. Yu., Boldyreva E. L., Duysembina E. O. Online influence on decision-making process as a new political trend: Cambridge Analytica case. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019: 10(1): 69–80 (in Russ.). DOI: 10.18721/JHSS.10107; EDN: YAITRU.
4. Zotov V. V., Vasilenko L. A. Digital Transformation of Public Administration: Unity of Service Digital and Social Network Aspects. *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya*, 2023: 3: 26–47 (in Russ.). DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-3-26-47; EDN: EFDJTJ.
5. Ivakhnenko E. N., Nikolskiy V. S. ChatGPT in Higher Education and Science: a Threat or a Valuable Resource? *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2023: 32: 4: 9–22 (in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22; EDN: TZHIHU.

6. Kislyakov P. A., Meyerson A. S. et al. Personal resilience to socio-cultural threats in the context of digital transformation of society. *Obrazovanie i nauka*, 2021: 23: 9: 142–168 (in Russ.). DOI: 10.17853/1994-5639-2021-9-142-168; EDN: XCOFNN.
7. Kovalchuk M. A. The impact of digitalization on the process of communication of youth in the socio-economic environment. *Teoreticheskaya ehkonomika*, 2021: 9(81): 61–71 (in Russ.). DOI: 10.52957/22213260_2021_9_61; EDN: DWESDO.
8. Kutuyev V. A. Where to Shift the Humanities Vector? *Gumanitarnyj vektor. Filosofiya, kulturologiya*, 2012: 3(31): 9–16 (in Russ.). EDN: OZPOCJ.
9. Lavrovskiy B. L., Khayrullina M. V. On Labor Productivity and the Homonymous National Project. *ECO*, 2020: 6(552): 111–130 (in Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-111-130; EDN: GYAKER.
10. Nikitin N. A. Probabilistic Methods for Accounting Model Risks in Assessing Investments in Artificial Intelligence Technologies. *Innovacionnoe razvitie ehkonomiki*, 2023: 2(74): 123–134 (in Russ.). DOI: 10.51832/2223798420232123; EDN: MGIFUB.
11. Rezayev A. V., Tregubova N. D. ChatGPT and AI in the Universities: An Introduction to the Near Future. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2023: 32: 6: 19–37 (in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-6-19-37; EDN: GZJZIJ.
12. Ryabova E. Yu. Institutsionalnye imperativy funktsionirovaniya ekonomiki znaniy [Institutional imperatives of the knowledge economy]. *Terra economicus*, 2009: 7: 2-3: 27–31 (in Russ.). EDN: PKYHXZ.
13. Sysoyev P. V. Ethics and AI-Plagiarism in an Academic Environment: Students' Understanding of Compliance with Author's Ethics and the Problem of Plagiarism in the Process of Interaction with Generative Artificial Intelligence. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2024: 33(2): 31–53 (in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53; EDN: VTAIUO.
14. Shnayder P. A., Chernysheva A. V. et al. Exploring the Effectiveness of Prompt Engineering and Quantized Large Language Models in the Development of Academic Courses. *Kompyuternye instrumenty v obrazovanii*, 2024: 1: 32–44 (in Russ.). DOI: 10.32603/2071-2340-2024-1-32-44; EDN: JGGIYT.
15. Shomova S. A., Kachkayeva A. G. Between Charm and Fright: Dialogue with the “Other”. An Analysis of AI Practices in Professional and Everyday Life. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i socialnye peremeny*, 2024: 5: 3–17 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2024.5.2766; EDN: YVQHAIJ.
16. Shtal' B. K., Shreder D., Rodrigues R. Ethics of Artificial Intelligence: Case Studies and Options for Addressing Ethical Challenges. *Ehkonomicheskaya sociologiya*, 2024: 25: 1: 85–95 (in Russ.). DOI: 10.17323/1726-3247-2024-1-85-95; EDN: HVDDTQ.
17. Yuzhakov V. N., Pokida A. N. et al. Digitalization of Interaction Between Citizens and State: Citizens' Assessment of Effects, Risks and Prospects. *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya*, 2023: 2: 33–73 (in Russ.). DOI: 10.17323/1999-5431-2023-0-2-33-73; EDN: BRJMAM.
18. Benuyenah V. Commentary: ChatGPT Use in Higher Education Assessment: Prospects and Epistemic Threats. *Journal of Research in Innovative Teaching & Learning*, 2023: 16: 1: 134–135. DOI: 10.1108/JRIT-03-2023-097.
19. Brynjolfsson E., McAfee A. *Race against the Machine: How the Digital Revolution is Accelerating Innovation, Driving Productivity, and Irreversibly Transforming Employment and the Economy*. Lexington, Digital Frontier Press, 2011: 92.
20. Duckworth P., Graham L., Osborne M. Inferring Work Task Automatability from AI Expert Evidence. In *Proceedings of the 2019 AAAI/ACM Conference on AI, Ethics, and Society (AIES '19)*. Association for Computing Machinery, New York, USA, 2019: 485–491. DOI: 10.1145/3306618.3314247.
21. Frey C. B., Osborne M. A. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation? *Technological Forecasting and Social Change*, 2017: 114: 254–280. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.019.
22. Furman J., Seamans R. AI and the Economy. In *Innovation Policy and the Economy*. Vol. 19. *NBER*, 2018: 161–191. DOI: 10.3386/w24689.
23. Leontief W. Technological Advance, Economic Growth, and the Distribution of Income. *Population and Development Review*, 1983: 9: 3: 403–410.

24. Lund B. D., Wang T. Chatting about ChatGPT: how may AI and GPT impact academia and libraries? *Library Hi Tech News*, 2023: 40: 3: 26–29. DOI: 10.1108/LHTN-01-2023-0009.

25. Vydra S., Klievnik B. Techno-optimism and policy-pessimism in the public sector big data debate. *Government Information Quarterly*, 2019: 36: 4: 1–10. DOI: 10.1016/j.giq.2019.05.010.

26. West D. M. *The Future of Work: Robots, AI, and Automation*. Washington, DC Brookings Institution Press, 2018: 192.

The article was submitted on: April 8, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitry V. Kolodin, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Research and Methodological Development Department; Associate Professor at the Department of General and Legal Psychology

Vladislav S. Vityunin, Leading Sociologist of the Research and Methodological Development Department; Postgraduate Student

Olesya V. Vatolina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Higher School of Management

ТЕМА НОМЕРА

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В НАУКЕ И УПРАВЛЕНИИ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.4

EDN: YMECGN

О методе диагностики дисбалансов управления в условиях цифрового перехода

Ссылка для цитирования: *Калмыков Н. Н.* О методе диагностики дисбалансов управления в условиях цифрового перехода // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 2. С. 56–75. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.4; EDN: YMECGN.

For citation: Kalmykov N. N. On a Method for Diagnosing Governance Imbalances in the Context of Digital Transition. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 56–75. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.4; EDN: YMECGN.

Калмыков Николай Николаевич¹

¹МГИМО МИД России,
Москва, Россия

kalmykov@kalmykovnn.ru

SPIN-код: 7584-1720

Аннотация. В статье рассматривается метод диагностики дисбалансов управления, которые возникают в ситуации трансформирующейся социальной среды, вызванной цифровым переходом. Показано, что устойчивость управленческих результатов все чаще определяется не отдельными инструментами регулирования, а конфигурацией условий действия – институциональных правил, пространственной организации взаимодействий, цифровых процедур доступа и контроля, инфраструктуры поддержки и нормативных оснований легитимности. В этой связи социальная архитектура понимается как причинно значимая конфигурация социальной среды, распределяющая возможности и ограничения для участников управленческого процесса и тем самым формирующая устойчивые паттерны взаимодействия и социальные траектории.

Цель статьи – разработать и продемонстрировать метод диагностики межслоевых дисбалансов, применимый в задачах социологии управления. Методологическую основу составляют институциональный анализ, конфигуративный подход к причинности, исследования инфраструктур и технологически опосредованных социальных практик. Межслоевая когерентность определяется как согласованность институционального, пространственного, нормативно-смыслового и цифрового слоев среды по целям, процедурам и интерпретациям.

Предложена типология дисбалансов и система диагностических переменных, позволяющих выявлять, где именно возникает сбой: в правилах, доступности, цифровом интерфейсе, обратной связи или ожиданиях участников. Демонстрационный анализ выпол-

нен на материале цифровизации предоставления государственных и муниципальных услуг и процедур идентификации доступа. Кейс рассматривается как социальная архитектура доступа, где нормативные требования, Единая система идентификации и аутентификации, цифровые и офлайн-каналы, сервисная поддержка и пользовательские ожидания должны работать согласованно. Для интерпретации пользовательских эффектов привлекаются опубликованные работы о цифровом публичном управлении и цифровизации обратных связей, а также результаты пилотной апробации диагностической логики в нескольких цифровых контурах, что задает дополнительную опору для методической проверки предлагаемого подхода.

Показано, что цифровой переход следует анализировать не только как внедрение электронных инструментов, но и как изменение условий исполнения управленческих решений. Метод может использоваться при анализе публичных услуг, цифровых сервисов и организационных регламентов в тех случаях, когда результат зависит от согласованности правил, инфраструктуры, интерфейсов и ожиданий участников.

Ключевые слова: социология управления, социальные архитектуры, межслоевая когерентность, управляемость, институциональная среда, цифровая инфраструктура, социальная диагностика

Введение

Цифровой переход меняет не только набор управленческих инструментов, но и условия исполнения управленческих решений. Электронные сервисы, цифровые процедуры доступа и новые каналы взаимодействия усиливают зависимость результата от того, насколько согласованы формальные правила, инфраструктура поддержки и ожидания участников. Если эта согласованность нарушается, возникают побочные эффекты: разрыв между нормой и практикой, имитационное исполнение, рост издержек обращения за услугой, обходные стратегии и снижение доверия.

Для социологии управления такая ситуация означает методологическую проблему: описания управленческих режимов и институтов обычно фиксируют правила, полномочия и процедуры, но не всегда показывают, как действует вся среда исполнения решения. В отечественной социологии управления эта линия связана с уточнением предмета и инструментария дисциплины [8], а также с исследовательскими программами, где реформирование системы управления рассматривается через условия управляемости и механизмы их воспроизводства [6].

В статье различаются социальная среда и социальная архитектура управленческого взаимодействия. Социальная среда понимается как совокупность условий действия, в которых находятся участники управленческого процесса: правил, каналов доступа, инфраструктуры, цифровых процедур и ожиданий участников. Социальная архитектура — это не сама совокупность условий, а способ их взаимной связи: причинно значимая конфигурация, которая делает управленческое решение исполнимым либо,

напротив, порождает сбои. Поэтому диагностика направлена не на «общество вообще» и не на всю среду в целом, а на тот участок связей между условиями, где возникает рассогласование.

Ключевым понятием, используемым в статье, является межслоевая когерентность – согласованность четырех групп условий: институциональных правил, пространственной и сервисной доступности, нормативно-смысловых ожиданий участников и цифровых процедур. Ниже эти группы рассматриваются как слои социальной среды. При низкой когерентности точечное изменение одного элемента не дает устойчивого эффекта: например, цифровой сервис может быть формально запущен, но оставаться труднодоступным из-за сложной идентификации, недостатка поддержки или недоверия пользователей. Для объяснения таких ситуаций продуктивна конфигуративная логика причинности: результат зависит не от одной переменной, а от сочетания условий [11; 18].

Проблема исследования состоит в том, что управленческие сбои часто описываются через недостаток отдельных инструментов, хотя причина может находиться в рассогласовании нескольких условий сразу. Поэтому нужен метод, который позволяет увидеть, где именно возникает сбой и какие элементы среды требуют корректировки. С практической точки зрения это означает: выбор управленческих инструментов должен соотноситься не только с целями изменений, но и с условиями, в которых эти инструменты будут применяться [12; 13], включая режимы координации и распределенное принятие решений [9]. Иными словами, речь идет о переходе от «управления инструментами» к «управлению конфигурациями».

В статье представлен метод диагностики межслоевых дисбалансов в управляемых социальных системах, который помогает выявить, в каком элементе конфигурации возникает проблема (в правилах, доступности, цифровом интерфейсе, обратной связи или в ожиданиях участников) и как это связано с устойчивыми управленческими сбоями.

Теоретико-методологические основания исследования

Социальная архитектура как конфигурация условий действия

Для анализа управляемости принципиально важно различать два уровня: а) управленческие инструменты и решения (регламенты, программы, санкции, стимулы) и б) конфигурацию условий, в которых эти инструменты начинают действовать и производить устойчивые социальные эффекты. В исследованиях коллективного действия устойчивость результатов связывается с правилами, механизмами поддержания кооперации и социальными нормами [17], а институциональный анализ показывает, как институты воплощаются в организациях и практиках [19]. Однако в современных управляемых системах решающим становится не

только наличие правил, но и их согласованность с пространственными условиями взаимодействия, символическими основаниями легитимности и цифровыми процедурами доступа и обратной связи.

В более развернутом виде социальная архитектура понимается как проектируемая или исторически сложившаяся конфигурация условий действия, которая распределяет возможности и ограничения и тем самым влияет на повторяемые способы взаимодействия и возможные траектории участников. В таком определении «архитектура» – это не метафора формы, а указание на конфигуративный характер причинности: результат зависит не только от отдельных элементов, но и от того, как они согласованы между собой.

Слои социальной среды и их управленческая функция

В целях диагностики выделяются четыре слоя, соответствующие ключевым контурам управляемости.

Институциональный слой включает формальные правила, организационные процедуры, распределение полномочий и ответственности, режимы контроля и санкций. Этот слой задает «официальную» модель ожидаемых действий и типовые механизмы принуждения и стимулирования [15; 19].

Пространственный слой фиксирует материально-пространственную организацию взаимодействий: доступность точек получения услуги, каналов поддержки, транспортную связанность, географию сервисов и плотность контактов. Он показывает, насколько легко участнику реально воспользоваться предусмотренной процедурой и какие издержки (время, перемещение, деньги, необходимость посредника) возникают при ее исполнении.

Нормативно-смысловой слой включает основания признания правил, представления о справедливости процедуры, доверие к институтам и ожидания участников. Носителями этих ожиданий выступают пользователи услуг, сотрудники организаций-исполнителей, управленцы и профессиональные группы, вовлеченные в реализацию решений. Этот слой поддерживает или подрывает доверие и тем самым влияет на управляемость не через принуждение, а через согласие с правилами [21].

Цифровой слой состоит из платформенных процедур, алгоритмов, интерфейсов, метрик и инфраструктур доступа. Его роль не сводится к «инструментам автоматизации»: цифровые компоненты становятся частью практик и формируют функциональные возможности интерфейса и ограничения, перераспределяя видимость, возможности участия и способы обратной связи [14; 16]. При этом инфраструктурные свойства цифрового слоя часто «невидимы» до момента сбоя, но именно они задают границы доступности и интерпретации для акторов [20].

Выделение слоев носит аналитический характер. В реальности эффекты возникают на стыках правил, инфраструктуры, ожиданий и цифровых процедур. Поэтому диагностика направлена не на описание каждого элемента в отдельности, а на поиск точек рассогласования между ними.

Причинная логика «среда → паттерны → траектории»

Переход от описания институтов к описанию социальных архитектур опирается на реалистскую интуицию о том, что социальные структуры обладают причинными свойствами, реализующимися через механизмы и практики. Морфогенетический подход подчеркивает, что структура и агентность связаны во времени: свойства среды предрасполагают к определенным действиям, действия воспроизводят или трансформируют структуру [10]. В применении к социологии управления это означает, что управленческие решения не «производят результаты» напрямую, а включаются в средовые механизмы и соотносятся с уже существующими распределениями возможностей и ограничений.

В предлагаемой в статье причинной схеме среда задает вероятностное пространство действий, в котором формируются и стабилизируются паттерны – типовые повторяющиеся способы координации, исполнения, обхода и согласования. В свою очередь паттерны формируют траектории – устойчивые последовательности состояний и результатов: например, типы включенности, мобильности, доступа к услугам, или варианты организационного поведения. В этой логике диагностика социальной архитектуры должна фиксировать не только наличие правил и ресурсов, но и то, какие паттерны они делают вероятными.

Межслоевая когерентность как ключевая переменная управляемости

Межслоевая когерентность определяется как степень согласованности слоев среды по трем параметрам: а) целевой согласованности (совпадение целевых ориентиров и критериев успешности), б) процедурной согласованности (согласование правил, каналов доступа, режимов контроля и обратной связи), в) интерпретационной согласованности (общие рамки легитимности и смысла, поддерживающие исполнение) [21].

Для социологии управления критичным является то, что когерентность проявляется в управленческих эффектах опосредованно – через стабильность обратных связей, воспроизводимость практик исполнения и снижение транзакционных издержек координации. В отечественных исследованиях это проблемное поле связывается, в частности, с социальными детерминантами организации государственного стратегического управления и с условиями согласования управленческих контуров [3], а также с вопросами субъектности регионов в реформировании управленческой системы, где рассогласования институциональных и территориальных условий проявляются как устойчивые барьеры изменений [5].

Когерентность не является простой суммой «качества» слоев. Возможна ситуация, когда институциональные правила детализированы и формально корректны, но цифровой слой делает доступ к процедурам асимметричным (через интерфейсы и фильтры), а нормативно-смысловой слой не поддерживает легитимность решений; либо пространственная

организация повышает издержки исполнения, и тогда формальные инструменты воспроизводят разрыв между «правилами» и «жизнью». Такие случаи требуют языка диагностики дисбалансов.

Отличие от смежных подходов

Предлагаемый нами подход пересекается с институционализмом, исследованиями инфраструктур и проектированием управленческих инструментов, но имеет собственный фокус. Если институциональный анализ объясняет управляемость через правила, роли и санкции, то в нашем случае решающими становятся согласованность нескольких групп условий действия и точки рассогласования между ними. В свою очередь технологические объяснения цифровизации фиксируют влияние инструментов и алгоритмов, тогда как в настоящей статье цифровой слой рассматривается в качестве части общей архитектуры среды и оценивается через его вклад в распределение доступов, издержек исполнения и легитимности.

Во-первых, в отличие от классического институционального анализа, который склонен рассматривать институты как центральный носитель порядка, предлагаемый подход фиксирует множественность условий действия и рассматривает управляемость как эффект их согласованности, включая правила, нормы кооперации и институциональные практики [17; 19].

Во-вторых, в отличие от технологического детерминизма, цифровой слой трактуется как часть практик и инфраструктур, задающих функциональные возможности интерфейса и ограничения; это позволяет включать цифровые факторы в общую логику среды, а не выносить их в отдельный «IT-блок» [14; 16; 20].

В-третьих, в отличие от инструменталистского понимания управления как набора мер, в данной статье оно трактуется как корректировка конфигурации условий действия, где выбор инструментов соотносится с диагностикой среды. Тем самым подход соотносится с проектированием управленческих инструментов, но переводит его в социологический язык условий действия и конфигуративной причинности [12; 13].

Наконец, для объяснения причинных связей между конфигурациями условий и социальными результатами используется конфигуративная логика: одни и те же эффекты могут порождаться различными комбинациями условий, а отсутствие эффекта не симметрично его наличию. Это позволяет строить типологии дисбалансов и описывать «условия управляемости» как набор конфигураций, а не как линейную зависимость от одной переменной [11; 18]. Настоящая статья не претендует на построение универсальной теории среды, а предлагает ограниченный, но воспроизводимый диагностический язык для задач социологии управления.

Межслоевая когерентность и дисбалансы: диагностическая рамка

Логика диагностики: от описания слоев к выявлению причинных условий

Задача диагностики в предлагаемом подходе состоит не в построении «описательного портрета» среды, а в выявлении причинно значимых условий управляемости: тех сочетаний возможностей и ограничений, которые делают одни паттерны взаимодействия вероятными, а другие – маловероятными. В силу конфигуративного характера причинности один и тот же социальный результат может порождаться различными комбинациями условий, поэтому диагностическая рамка должна быть чувствительна к сочетаниям и асимметрии причинных связей [11; 18].

Процедура диагностики включает три шага. На первом шаге описываются условия действия в каждом слое: институциональном, пространственно-сервисном, нормативно-смысловом и цифровом. На втором шаге оценивается согласованность этих условий: поддерживают ли они один и тот же управленческий результат или создают противоречивые требования для участников. На третьем шаге выявленные несоответствия классифицируются как дисбалансы, что позволяет определить зону управленческого вмешательства.

Определение межслоевой когерентности

Межслоевая когерентность означает, что цели, процедуры и интерпретации, заданные разными слоями социальной среды, не противоречат друг другу и поддерживают исполнение управленческого решения:

- *целевая когерентность*: соответствие целей и критериев успешности, задаваемых разными слоями (например, совпадают ли институциональные ключевые показатели эффективности (KPI) с фактической логикой цифровых метрик и с нормативными ожиданиями участников);
- *процедурная когерентность*: согласованность правил доступа, каналов участия, режимов контроля и обратной связи между слоями;
- *интерпретационная когерентность*: согласованность смысловых рамок, через которые пользователи, исполнители и управленцы признают правила понятными и справедливыми, а исполнение связывают с ожидаемым результатом [21].

Когерентность рассматривается как переменная управляемости. При высокой когерентности условия действия складываются в более предсказуемые паттерны, а управленческие инструменты получают поддерживающую среду. При низкой когерентности растет вероятность разрывов между формальными требованиями и практиками, а также вероятность появления обходных стратегий.

Типология межслоевых дисбалансов

Для целей диагностики предлагается авторская типология межслоевых дисбалансов, фиксирующая наиболее распространенные формы рассогласования.

D1. Нормативно-институциональный разрыв – формальные правила существуют, но участники не воспринимают их как понятные или справедливые; исполнение становится имитационным или конфликтным [15; 21].

D2. Институционально-цифровое рассогласование – цифровые процедуры доступа, интерфейсы и метрики меняют фактические правила игры по сравнению с формально заявленными регламентами, создавая асимметрию доступа или непрозрачность критериев [14; 16].

D3. Институционально-пространственный дисбаланс – правила и стандарты предполагают исполнение, которое пространственно и инфраструктурно «дорого» или недоступно; транзакционные издержки исполнения провоцируют обходные практики и неформальные режимы.

D4. Цифрово-нормативный дисбаланс – цифровые метрики и алгоритмы начинают оценивать результат иначе, чем его воспринимают участники процедуры; это подрывает доверие и готовность участвовать, особенно при распределении прав, услуг или ресурсов.

D5. Инфраструктурный дисбаланс – инфраструктура доступа, включая цифровую, не обеспечивает устойчивой совместимости процедур и практик; сбои проявляются как повторяющиеся барьеры, исключение отдельных групп и необходимость обходных решений [20].

D6. Многоузловой дисбаланс – цепочки рассогласований, когда изменение в одном слое порождает цепочку несоответствий в других (типично для реформ с активной цифровизацией и сменой ключевых показателей эффективности).

Типология не претендует на исчерпывающую таксономию, но задает рабочий язык для сопоставимых диагностических заключений. В практическом применении она должна помогать не усложнять описание, а быстро определить, где именно возник разрыв: в правилах, доступе, цифровой процедуре, инфраструктуре или доверии участников.

Диагностические переменные и индикаторы по слоям

Ниже задан минимальный набор переменных, достаточный для воспроизводимой диагностики. В каждом слое выделяются: а) правила доступа и участия, б) механизмы контроля / обратной связи, в) распределительные эффекты (кому и что становится доступным или недоступным), г) устойчивость/адаптивность.

Институциональный слой:

1. *Степень формализации правил* (наличие регламентов, стандартов, закрепленных процедур).

2. *Распределение полномочий и ответственности* (ясность ролей, наличие «разрывов ответственности»).
3. *Контур контроля и санкций* (кто контролирует, как, с какими последствиями).
4. *Контур стимулов и KPI* (какие показатели считаются успехом, как они связаны с целями).
5. *Процедуры обратной связи и коррекции* (встроенные механизмы пересмотра правил).

Интерпретация: высокая формализация и сильный контроль сами по себе не гарантируют управляемости, если они не когерентны с другими слоями. В этом смысле институциональные переменные выступают как «условия», реализующиеся только в конфигурации [19].

Пространственный слой:

1. *Доступность точек получения услуги и каналов поддержки* (территориальная, транспортная и временная доступность).
2. *Пространственная концентрация сервисов и точек принятия решений* (централизация/децентрализация).
3. *Плотность и частота офлайн-взаимодействий* (возможности личного контакта, точки координации).
4. *Издержки исполнения* (время, перемещения, денежные затраты как условия выполнения правил).

Интерпретация: пространственные барьеры повышают издержки соблюдения правил и могут переводить формально универсальные процедуры в фактически селективные.

Нормативно-смысловой слой:

1. *Легитимность правил и решений* (признание обоснованности и справедливости) [21].
2. *Согласованность смысловых рамок* (как участники понимают цель и критерии успеха).
3. *Уровень доверия к институтам и процедурам* (как условие добровольного исполнения).
4. *Нормативная приемлемость санкций/стимулов* (воспринимаются ли последствия как справедливые).

Интерпретация: нормативно-смысловой слой поддерживает добровольное следование правилам и доверие к процедурам. Его рассогласование с цифровыми метриками и ключевыми показателями эффективности особенно критично в распределительных процедурах.

Цифровой слой:

1. *Процедуры доступа* (порог входа, требования к идентификации, цифровые барьеры).
2. *Прозрачность алгоритмов и критериев* (понятность правил сортировки, отбора, приоритизации).
3. *Интерфейсные возможности и ограничения* (какие действия «легко» / «трудно» совершить через интерфейс) [14].
4. *Метрики и их управленческая роль* (что измеряется, и как метрики превращаются в стимулы).
5. *Инфраструктурная устойчивость* (сбои, совместимость, поддержка пользователей) [20].

Интерпретация: цифровой слой не нейтрален. Он может усиливать управляемость (за счет прозрачности и обратной связи) или снижать ее (за счет селективных барьеров, непрозрачности и смещения целей в сторону «управления метриками») [14].

Правила интерпретации: как выявлять когерентность и дисбалансы

Диагностика сопоставляет ключевые связки между слоями: цели и показатели, правила и доступ, цифровые процедуры и обратную связь, санкции и ожидания участников.

1. *Правило целевой связки*: ключевые показатели эффективности и метрики должны быть согласованы с целями, а цели – разделяемы в нормативно-смысловом слое. Несогласование трактуется как риск имитационности и «управления показателями».

2. *Правило доступности*: формальные права и процедуры должны быть подкреплены реально доступными каналами обращения и обратной связи. Если таких каналов нет, универсальные правила начинают работать избирательно.

3. *Правило обратной связи*: наличие процедур коррекции в институциональном слое должно подкрепляться цифровыми и офлайн-каналами обратной связи и признанием этих каналов участниками.

4. *Правило легитимности последствий*: санкции и распределительные эффекты должны быть интерпретируемы как справедливые и обоснованные, иначе растет вероятность обходов и конфликтов [21].

Результатом интерпретации является диагностическое заключение о доминирующих дисбалансах (D1–D6) и уровне когерентности (высокая, средняя или низкая) по трем параметрам (цели, процедуры, интерпретации).

Качественная шкала диагностической оценки

Для сопоставимости случаев возможна формализация диагностики в виде качественной шкалы межслоевой когерентности. Такая шкала не является статистическим измерением, не замещает интерпретацию и не претендует на универсальный рейтинг, а выступает как инструмент систематизации.

Технически рамка допускает простую балльную оценку (например, 0–2) по ключевым переменным каждого слоя с последующей оценкой когерентности по описанным выше правилам. При этом основной методологический риск – «метрическая иллюзия» – снимается двумя ограничениями: а) шкала используется только совместно с качественным описанием дисбалансов, б) сравнение производится между сопоставимыми объектами и при фиксированной диагностической процедуре.

Переход от диагностики к управленческим интервенциям

Диагностика межслоевых дисбалансов приобретает управленческое значение тогда, когда выявленные рассогласования переводятся в проектирование изменений среды. В рамках предлагаемого подхода управление трактуется как корректировка конфигурации условий действия, осуществляемая через изменение слоев социальной среды.

Такой подход отличается от понимания управления как простого набора мер. В классической традиции анализ инструментов управления рассматривал государственную или организационную политику как выбор и комбинацию средств регулирования [12]. В условиях цифровизации публичного управления важно различать два эффекта: цифровые сервисы могут повышать скорость и прозрачность процедур, но одновременно создавать новые барьеры для тех, кому не хватает навыков, поддержки или понятных каналов обращения [1]. Поэтому оценивать цифровой переход только по факту внедрения электронного инструмента недостаточно.

Межслоевая когерентность не рассматривается как альтернатива «умному регулированию». В логике статьи она выступает условием его работоспособности. Цифровые инструменты обратной связи дают управленческий эффект только тогда, когда они согласованы с правилами доступа, инфраструктурой поддержки и ожиданиями участников. При отсутствии такой согласованности «умное регулирование» рискует превратиться в управление показателями, а не в механизм повышения качества управляемости [7]. Исследования проектирования управленческих инструментов также показывают, что эффективность мер зависит от контекста их применения и согласованности механизмов воздействия [13].

Переход от диагностики к интервенциям включает четыре шага:

- идентификация доминирующих дисбалансов (D1–D6) и уточнение их причинного узла;
- выбор зоны управленческого вмешательства (институциональный, пространственный, нормативно-смысловой или цифровой слой);

- проектирование композиции инструментов (изменение правил, процедур доступа, инфраструктуры поддержки, режимов обратной связи);
- согласование интервенции с режимом координации (включая распределенное принятие решений и совместное производство результата) [9].

Для повышения воспроизводимости управленческого вывода целесообразно использовать компактную матрицу соответствия: дисбаланс → целевая зона вмешательства → набор инструментов → ожидаемый эффект (табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Матрица перехода от диагностики к интервенциям (сокращенная)

Diagnostic-to-Intervention Transition Matrix (Abridged)

Тип дисбаланса	Диагностический симптом	Целевая зона вмешательства	Типовые инструменты	Риск при игнорировании
D1 Нормативно-институциональный	Формальные правила не поддерживаются признанием	Нормативно-смысловой + институциональный	Пересборка целей и критериев, коммуникация легитимности, изменение санкций	Имитационность исполнения, конфликт
D2 Институционально-цифровой	Цифровые процедуры фактически меняют правила	Цифровой + институциональный	Переработка процедур доступа и интерфейсов, прозрачность критериев, корректировка регламентов	Селективность доступа, обходы
D3 Институционально-пространственный	Высокая «цена» соблюдения правил	Пространственный + институциональный	Перераспределение точек доступа, сервисная инфраструктура, снижение издержек	Рост транзакционных издержек, неформальность
D4 Цифрово-нормативный	Метрики и алгоритмы противоречат ожиданиям справедливости	Цифровой + нормативно-смысловой	Настройка метрик, объяснимость критериев, процедуры апелляции	Снижение доверия, отказ от участия
D5 Инфраструктурный	Систематические сбои и несовместимость каналов	Инфраструктура + цифровой	Устойчивость, совместимость, поддержка пользователей	Исключение групп, фрагментация
D6 Многоузловой	Каскад рассогласований	Межслоевой узел	Согласованный пакет инструментов	Эффект «реформы без ожидаемого результата»

Таким образом, управленческая интервенция в рамках рассматриваемой модели представляет собой не точечное регулирование, а согласованное изменение нескольких условий действия: правил, каналов доступа, инфраструктуры поддержки, цифровых процедур и режимов координации.

Применение предложенной диагностической рамки

Материал и метод

Для демонстрации возможностей рамки выбран типовой для современной управленческой практики контур: цифровизация предоставления государственных и муниципальных услуг и сопряженные с ней процедуры идентификации и доступа. Теоретико-методологическую основу исследования составили работы по социологии управления, институциональному анализу, конфигуративной причинности и исследованиям цифрового публичного управления. Эмпирико-аналитическую опору демонстрационного кейса составили:

– нормативно-правовые основания (документы) цифровизации предоставления государственных и муниципальных услуг и процедур идентификации доступа;¹

– опубликованные социологические исследования цифровизации обратных связей и ее социальных эффектов в социологии управления [7], а также работы, раскрывающие социально-управленческие условия реформирования и стратегического управления [3; 5; 6].

Метод включает качественный анализ нормативных документов и вторичный анализ социологических работ о цифровом доступе и обратной связи. Такое понимание диагностики опирается на традицию прикладной социологии и социальной диагностики, где анализ состояния объекта связывается с выявлением условий действия, ограничений и последствий управленческого воздействия [2; 4]. Нормативные документы используются для выделения требований к доступности, процедурам и идентификации, а научные публикации – для интерпретации социальных эффектов цифровизации. Далее эти данные сопоставляются с описанными выше диагностическими переменными и классифицируются через типологию дисбалансов. Выбор кейса носит демонстрационный характер и нужен для проверки работоспособности диагностического языка на типовом контуре публичного управления, а не для исчерпывающего описания всей проблематики цифровизации услуг.

В данном кейсе социальная архитектура доступа понимается как сочетание нормативных требований, процедуры идентификации через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА), каналов цифрового и офлайн-обращения, сервисной поддержки и ожиданий пользователей относительно понятности и справедливости процедуры. Поэтому анализ касается не всей системы государственного управления, а кон-

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 28.11.2011 № 977 «О федеральной государственной информационной системе “Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме”»; Федеральный закон РФ от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

кретного контура исполнения услуги, в котором цифровой инструмент начинает работать вместе с правилами, инфраструктурой и пользовательскими ожиданиями.

Поскольку при подготовке данной статьи не проводился авторский массовый опрос пользователей государственных услуг, реакция акторов учитывалась нами через вторичный анализ опубликованных социологических работ о цифровом публичном управлении и цифровизации обратных связей [1; 7]. Эти работы позволяют рассматривать цифровой доступ не только как техническое подключение к сервису, но и как социальную ситуацию, в которой значимы понятность пользовательского маршрута, доверие к процедуре, возможность получить поддержку и снизить издержки обращения.

Дополнительным ориентиром при проверке применимости диагностической логики послужил опыт трех пилотных диагностических разработок автора, выполненных на агрегированных и обезличенных данных в разных цифровых контурах: информационная работа с молодежью, пользовательские ожидания при обращении к цифровой издательской платформе и карьерно-практическое сопровождение студентов. Эти материалы не используются как самостоятельная доказательная база настоящей статьи и не подменяют анализ выбранного кейса. Поскольку часть этих материалов находится в стадии публикационной подготовки, они не включаются в библиографический список и рассматриваются только как опыт методической апробации. Их значение состоит в предварительной проверке одной и той же диагностической логики на разных управляемых цифровых средах. Во всех трех случаях проявляется сходный тип разрывов: между каналами и пользовательским действием, цифровыми инструментами и обратной связью, институциональными ожиданиями и фактическими маршрутами участия. Поэтому демонстрация фиксирует не только нормативные требования, но и пользовательские эффекты, которые могут превращать формально универсальную цифровую процедуру в фактически селективную.

Результаты диагностики: переменные и дисбалансы

В институциональном слое 210-ФЗ задает установку на регламентацию и стандартизацию предоставления услуг (включая требования к порядку, срокам и доступности). Это соответствует высокой формализации правил и явному закреплению процедур. Одновременно постановление № 977 фиксирует ЕСИА как нормативную основу цифровой идентификации и тем самым вводит обязательный «цифровой порог» участия.

Диагностика по ключевым переменным показывает следующую конфигурацию (табл. 2). Оценка в таблице носит авторский демонстрационный характер. Она основана на сопоставлении нормативных требований, научных публикаций о цифровом доступе и предложенных диагностических переменных и не является результатом массового опроса или экспертного измерения. Ее задача – показать логику применения метода.

Таблица 2 (Table 2)

Диагностическая конфигурация цифровизации процедур доступа (фрагмент)
Diagnostic configuration of digitalization of access procedures (fragment)

Узел диагностики	Диагностическая переменная	Наблюдение по материалу	Итоговая оценка
Институциональный слой	Формализация правил и процедур	Нормативно закреплённые стандарты предоставления услуг	Высокая
Институциональный слой	Обратная связь и коррекция	Процедуры зафиксированы нормативно, но фактические каналы обратной связи зависят от реализации и сервисной инфраструктуры	Средняя
Цифровой слой	Процедуры доступа и идентификации	ЕСИА задаёт обязательные условия цифрового доступа; возможен рост порогов входа для части пользователей	Средняя или высокая (барьер)
Цифровой слой	Прозрачность критериев и процедур	Нормативная фиксация идентификации не равна прозрачности пользовательских сценариев и критериев отказа или сбоя	Средняя
Пространственный слой	Издержки исполнения	В ряде сценариев цифровой доступ сопряжен с офлайн-действиями (подтверждение, обращение, поддержка), что повышает транзакционные издержки	Средняя (барьер)
Нормативно-смысловой слой	Легитимность последствий	Риск снижения легитимности возникает, когда затруднения доступа трактуются как «проблема пользователя», а не как дефект среды [7].	Средняя (риск)

Сопоставление переменных позволяет выделить доминирующие дисбалансы.

Во-первых, наблюдается институционально-цифровой дисбаланс (D2): нормативное ожидание универсального и стандартизированного доступа «перепрошивается» цифровыми условиями идентификации и пользовательскими сценариями входа. При отсутствии компенсирующих механизмов (альтернативные каналы, поддержка, понятные процедуры апелляции) универсальность процедуры становится условной.

Во-вторых, проявляется институционально-пространственный дисбаланс (D3): цифровая процедура в ряде случаев сопряжена с офлайн-издержками (время, транспорт, необходимость обращения за поддержкой), что увеличивает стоимость соблюдения формально универсальных правил и провоцирует посредничество и обходные практики.

В-третьих, возникает риск цифрово-нормативного дисбаланса (D4): метрики эффективности цифровизации (скорость, доля электронных обращений) начинают конкурировать с нормативным ожиданием справедливой доступности, а «слабые» пользователи оказываются смыслово исключёнными. Этот риск обсуждается в отечественной социологии управления как смещение от «умного регулирования» к «умному управлению» без социально ориентированной обратной связи [7].

Выводы для редизайна среды

На основе предложенной матрицы диагностическое заключение D2–D4 переводится в направления корректировки условий действия:

- цифровой слой: снижение порогов входа, повышение прозрачности процедур и критериев, расширение интерфейсных сценариев для разных групп, формализация понятных процедур апелляции;
- институциональный слой: синхронизация регламентов с фактическими цифровыми процедурами, корректировка ключевых показателей эффективности в сторону показателей доступности и качества обратной связи;
- пространственный слой: снижение офлайн-издержек доступа через распределение точек поддержки и альтернативные каналы подтверждения и сопровождения;
- нормативно-смысловой слой: укрепление легитимности цифровых процедур через рамки справедливости и объяснимости, предотвращение стигматизирующих интерпретаций пользовательских затруднений.

Демонстрация показывает, что цифровизация услуг может быть рассмотрена как изменение социальной архитектуры доступа и обратной связи. Управленческая эффективность в этом контуре зависит от согласования слоев среды, а не только от внедрения цифрового инструмента.

Заключение

Предложенный метод диагностики показывает, что управленческий сбой в условиях цифрового перехода не всегда связан с отсутствием нужного инструмента или недостаточной детализацией регламента. Нередко проблема возникает на стыке нескольких условий: формальных правил, цифровых процедур, доступности каналов обращения, инфраструктуры поддержки и ожиданий участников. Именно такую конфигурацию условий в статье предложено рассматривать как социальную архитектуру управленческого взаимодействия. Она не подменяет собой общество в целом или систему государственного управления, а позволяет выделить тот участок среды, где решение становится исполнимым либо, напротив, начинает порождать непредвиденные эффекты.

В статье показано, что межслоевая когерентность может использоваться как рабочая диагностическая переменная. Она позволяет оценивать, насколько согласованы правила, инфраструктура, нормативно-смысловые ожидания и цифровые процедуры, через которые реализуется управленческое решение. Если эти условия поддерживают друг друга, повышается предсказуемость исполнения и устойчивость обратной связи. Если они рассогласованы, возрастают риски имитационного исполнения, обходных практик, роста издержек и снижения доверия.

Авторская типология дисбалансов D1–D6 предназначена не для построения новой классификации ради самой классификации, а для практической диагностики. Она может применяться при анализе цифровых государственных и муниципальных услуг, организационных регламентов, сервисных процедур, каналов обратной связи, программ цифровизации и территориальных управленческих контуров. Ее использование позволяет точнее определить, где именно требуется корректировка: в правилах, инфраструктуре доступа, цифровом интерфейсе, процедурах обратной связи или в нормативно-смысловых основаниях доверия.

Ограничение предложенного подхода состоит в том, что он требует достаточного описания условий действия и не заменяет полноценного эмпирического исследования пользовательского опыта. В дальнейшем метод нуждается в проверке на сопоставимых кейсах: в сфере публичных услуг, цифровых платформ, регионального управления и организационных изменений. Такая проверка позволит уточнить диагностические переменные, снизить риск субъективности оценок и определить, какие типы дисбалансов наиболее часто приводят к сбоям управления в условиях цифрового перехода.

Библиографический список

1. Василенко Л. А. Цифровой прорыв: достаточно ли умным в цифровом государстве будет публичное управление и насколько умны элита и граждане // *Цифровая социология*. 2021. Т. 4. № 3. С. 6–15. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-3-6-15; EDN: HDGNUP.

2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Прикладная социология: методология и методы: учебное пособие. М.: Альфа-М: ИНФРА-М, 2009. 416 с.

3. Корнилович В. А. Социальные детерминанты организации государственного стратегического управления // *Вестник Института социологии*. 2020. Т. 11. № 2. С. 126–140. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.644; EDN: CNEJUI.

4. Кравченко С. А. Социология. Социальная диагностика жизни: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 296 с.

5. Мерзляков А. А. Феномен субъектности регионов в решении проблем реформирования отечественной системы управления // *Вестник Института социологии*. 2018. Т. 9. № 2. С. 48–65. DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.508; EDN: USMTOV.

6. Тихонов А. В. Проблема реформирования системы управления в стране: к истории разработки исследовательской программы // *Вестник Института социологии*. 2018. Т. 9. № 2. С. 10–26. DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.506; EDN: XRKWIX.

7. Тихонов А. В., Богданов В. С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // *Социологические исследования*. 2020. № 1. С. 74–81. DOI: 10.31857/S013216250008325-0; EDN: VSDAAV.

8. Щербина В. В. Обосновано ли существование социологии управления как специальной социолого-регулятивной теории? // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 57–65. DOI: 10.31857/S013216250013727-2; EDN: FILOVZ.
9. Ansell C., Gash A. Collaborative Governance in Theory and Practice // Journal of Public Administration Research and Theory. 2008. Vol 18. No. 4. P. 543–571. DOI: 10.1093/jopart/mum032.
10. Archer M. S. Morphogenesis versus structuration: on combining structure and action // The British Journal of Sociology. 2010. Vol. 61. Suppl. 1. P. 225–252. DOI: 10.1111/j.1468-4446.2009.01245.x.
11. Fiss P. C. Building Better Causal Theories: A Fuzzy Set Approach to Typologies in Organization Research // Academy of Management Journal. 2011. Vol. 54. No. 2. P. 393–420. DOI: 10.5465/amj.2011.60263120.
12. Hood C. The Tools of Government. L.: Macmillan, 1983. 178 p. DOI: 10.1007/978-1-349-17169-9.
13. Howlett M. The Policy Design Primer: Choosing the Right Tools for the Job. L.: Routledge, 2019. 152 p. DOI: 10.4324/9780429401046.
14. Leonardi P. L. When Flexible Routines Meet Flexible Technologies: Affordance, Constraint, and the Imbrication of Human and Material Agencies // MIS Quarterly. 2011. Vol. 35. No. 1. P. 147–167. DOI: 10.2307/23043493.
15. March J. G., Olsen J. P. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. N. Y.: Free Press, 1989. 227 p.
16. Orlikowski W. J. Sociomaterial Practices: Exploring Technology at Work // Organization Studies. 2007. Vol. 28. No. 9. P. 1435–1448. DOI: 10.1177/0170840607081138.
17. Ostrom E. Collective Action and the Evolution of Social Norms // Journal of Economic Perspectives. 2000. Vol. 14. No. 3. P. 137–158. DOI: 10.1257/jep.14.3.137.
18. Ragin C. C. Redesigning Social Inquiry: Fuzzy Sets and Beyond. Chicago: University of Chicago Press, 2009. 240 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226702797.001.0001.
19. Scott W. R. Institutions and Organizations: Ideas, Interests, and Identities. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2014. 360 p.
20. Star S. L., Ruhleder K. Steps Toward an Ecology of Infrastructure: Design and Access for Large Information Spaces // Information Systems Research. 1996. Vol. 7. No. 1. P. 111–134. DOI: 10.1287/isre.7.1.111.
21. Suchman M. C. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches // Academy of Management Review. 1995. Vol. 20. No. 3. P. 571–610. DOI: 10.5465/amr.1995.9508080331.

Получено редакцией: 06.03.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Калмыков Николай Николаевич, кандидат социологических наук, докторант кафедры социологии

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.4

On a Method for Diagnosing Governance Imbalances in the Context of Digital Transition

Nikolay N. Kalmykov

MGIMO University, Moscow, Russia

kalmykov@kalmykovnn.ru

ORCID: 0000-0002-9620-9225

For citation: Kalmykov N. N. On a Method for Diagnosing Governance Imbalances in the Context of Digital Transition. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 56–75. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.4; EDN: YMECGN.

Abstract. This article examines a method for diagnosing governance imbalances that arise in the context of a transforming social environment caused by the digital transition. It is shown that the sustainability of governance outcomes is increasingly determined not by individual regulatory instruments, but by the configuration of operating conditions—institutional rules, the spatial organisation of interactions, digital access and control procedures, support infrastructure, and the normative foundations of legitimacy. In this regard, social architecture is understood as a causally significant configuration of the social environment that distributes opportunities and constraints for participants in the governance process, thereby shaping stable patterns of interaction and social trajectories.

The purpose of this article is to develop and demonstrate a method for diagnosing interlayer imbalances applicable to the tasks of sociology of governance. The methodological framework is based on institutional analysis, a configurational approach to causality, and research into infrastructures and technologically mediated social practices. Interlayer coherence is defined as the consistency of the institutional, spatial, normative-semantic, and digital layers of the environment in terms of goals, procedures, and interpretations.

A typology of imbalances and a system of diagnostic variables are proposed to identify where exactly failures occur: in rules, accessibility, digital interfaces, feedback, or participant expectations. A demonstration analysis is conducted using the digitalisation of state and municipal services and access identification procedures. The case is considered as a social architecture of access, where regulatory requirements, the Unified Identification and Authentication System (ESIA), digital and offline channels, service support, and user expectations must work in concert. To interpret user effects, published works on digital public governance and the digitalisation of feedback loops are used, as well as the results of a pilot test of diagnostic logic in several digital environments, providing additional support for the methodological validation of the proposed approach.

It is demonstrated that digital transition should be analysed not only as the introduction of electronic tools but also as a change in the conditions for implementing management decisions. The method can be used in the analysis of public services, digital services, and organisational regulations in cases where the outcome depends on the consistency and coordination of rules, infrastructure, interfaces, and participant expectations.

Keywords: sociology of governance, social architectures, interlayer coherence, governance, institutional environment, digital infrastructure, social diagnostics

References

1. Vasilenko L. A. Digital breakthrough: will public administration be smart enough in a digital state and how smart are elites and citizens? *Tsifrovaya sotsiologiya*, 2021: 4: 3: 6–15 (in Russ.). DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-3-6-15; EDN: HDGNUP.
2. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. *Prikladnaya sotsiologiya: metodologiya i metody* [Applied sociology: Methodology and methods]. Moscow, Alfa-M, INFRA-M, 2009: 416 (in Russ.).
3. Kornilovich V. A. Social determinants in organizing government strategic management. *Vestnik instituta sotziologii*, 2020: 11: 2: 126–140 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.644; EDN: CNEJUI.
4. Kravchenko S. A. *Sociology. Social diagnosis of life*. Moscow, Yurait, 2016: 296 (in Russ.).
5. Merzlyakov A. A. The phenomenon of regional subjectness in solving the issue of reforming Russia's system of government. *Vestnik instituta sotziologii*, 2018: 9: 2: 48–65 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.508; EDN: USMTOV.
6. Tikhonov A. V. The problem with reforming our country's system of government: addition to the history of developing a research program. *Vestnik instituta sotziologii*, 2018: 9: 2: 10–26 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2018.25.2.506; EDN: XRKWIX.

7. Tikhonov A. V., Bogdanov V. S. From “smart regulation” to “smart management”: the social problem of digitalizing feedback loops. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 1: 74–81 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250008325-0; EDN: VSDAAV.
8. Shcherbina V. V. Is the existence of management sociology justified as a special sociological-regulatory theory? *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2021: 3: 57–65 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250013727-2; EDN: FILOVZ.
9. Ansell C., Gash A. Collaborative Governance in Theory and Practice. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2008: 18: 4: 543–571. DOI: 10.1093/jopart/mum032.
10. Archer M. S. Morphogenesis versus structuration: on combining structure and action. *The British Journal of Sociology*, 2010: 61(Suppl. 1): 225–252. DOI: 10.1111/j.1468-4446.2009.01245.x.
11. Fiss P. C. Building Better Causal Theories: A Fuzzy Set Approach to Typologies in Organization Research. *Academy of Management Journal*, 2011: 54: 2: 393–420. DOI: 10.5465/amj.2011.60263120.
12. Hood C. *The Tools of Government*. London, Macmillan, 1983: 178. DOI: 10.1007/978-1-349-17169-9.
13. Howlett M. *The Policy Design Primer: Choosing the Right Tools for the Job*. London, Routledge, 2019: 152. DOI: 10.4324/9780429401046.
14. Leonardi P. L. When Flexible Routines Meet Flexible Technologies: Affordance, Constraint, and the Imbrication of Human and Material Agencies. *MIS Quarterly*, 2011: 35: 1: 147–167. DOI: 10.2307/23043493.
15. March J. G., Olsen J. P. *Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics*. New York, Free Press, 1989: 227.
16. Orlikowski W. J. Sociomaterial Practices: Exploring Technology at Work. *Organization Studies*, 2007: 28: 9: 1435–1448. DOI: 10.1177/0170840607081138.
17. Ostrom E. Collective Action and the Evolution of Social Norms. *Journal of Economic Perspectives*, 2000: 14(3): 137–158. DOI: 10.1257/jep.14.3.137.
18. Ragin C. C. *Redesigning Social Inquiry: Fuzzy Sets and Beyond*. Chicago, University of Chicago Press, 2009: 240. DOI: 10.7208/chicago/9780226702797.001.0001.
19. Scott W. R. *Institutions and Organizations: Ideas, Interests, and Identities*. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2014: 360.
20. Star S. L., Ruhleder K. Steps Toward an Ecology of Infrastructure: Design and Access for Large Information Spaces. *Information Systems Research*, 1996: 7: 1: 111–134. DOI: 10.1287/isre.7.1.111.
21. Suchman M. C. Managing Legitimacy: Strategic and Institutional Approaches. *Academy of Management Review*, 1995: 20: 3: 571–610. DOI: 10.5465/amr.1995.9508080331.

The article was submitted on: March 6, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay N. Kalmykov, Candidate of Sociological Sciences, Doctoral candidate in the Department of Sociology

ТЕМА НОМЕРА

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В НАУКЕ И УПРАВЛЕНИИ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.5

EDN: YVRFBD

Соотношение формальных и неформальных практик платформенной занятости в России (на примере Профи.ру)¹

Ссылка для цитирования: Баймурзина Г. Р., Садретдинова Э. В., Коровкина Н. В. Соотношение формальных и неформальных практик платформенной занятости в России (на примере Профи.ру) // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 2. С. 76–98. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.5; EDN: YVRFBD.

For citation: Baimurzina G. R., Sadretdinova E. V., Korovkina N. V. The Ratio of Formal and Informal Platform Employment Practices in the Russian Federation (Based on Profi.ru). *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 76–98. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.5; EDN: YVRFBD.

SPIN-код: 3325-3020

Баймурзина Гузель Римовна^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;

²Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

guzrim@mail.ru

SPIN-код: 6778-8726

Садретдинова Эвеллина Винеровна¹

¹Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия

golichev@mail.ru

SPIN-код: 2663-5336

Коровкина Наталья Владимировна¹

¹Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия

korovkina-natalya@list.ru

¹ Исследование финансируется РНФ, проект № 23-18-00775.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, нацеленного на выявление потенциально возможных и фактически существующих моделей занятости на цифровых платформах исходя из степени легализации и соотношения формальных и неформальных практик. На данный момент платформенная занятость в России носит преимущественно неформальный или полужурформальный характер, а границы между формальной и неформальной занятостью существенно размыты. В работе предложена концептуальная схема анализа, основанная на трактовке формальности и неформальности практик как биполярного признака, образующего непрерывный континуум, а не жестко дихотомической характеристики. Это позволяет более точно отразить многообразие реальных трудовых стратегий участников цифровых платформ. На основе полуструктурированных интервью с исполнителями заказов на Профи.ру, различающихся возрастом, профессией и регионом проживания, были выделены пять моделей платформенной занятости: чистая полная платформенная занятость на постоянной основе; чистая неполная платформенная занятость на постоянной основе; неполная платформенная занятость в комбинации со стандартной занятостью; непостоянная (эпизодическая) чистая платформенная занятость; непостоянная (эпизодическая) платформенная занятость в комбинации со стандартной занятостью. Для каждой модели описаны специфика легализации, мотивы участия, социально-демографический состав работников. Показано, что уровень легализации зависит от стабильности дохода, требований заказчиков, личных установок исполнителя и институциональных ограничений.

Научная новизна настоящей работы заключается в систематизации имеющихся знаний о платформенной занятости и апробации концептуальной схемы ее анализа в контексте соотношения формальных и неформальных практик. Полученные результаты имеют важное значение для совершенствования социальной политики и регулирования занятости. Они могут быть использованы для разработки дифференцированных мер поддержки, адресных программ легализации и гибких форм социальной защиты, ориентированных на разные категории платформенных работников.

Ключевые слова: цифровая платформа, платформенная занятость, стратегии занятости, неформальная занятость, самозанятость, налогообложение, риски, перспективы платформенной занятости

Введение

Ранее проведенные исследования [4; 13; 26] показывают, что большая часть платформенной занятости¹ в современной России является неформальной, сложноуправляемой и чревата социальными и экономическими рисками. При этом проблема соотношения формальности и неформальности в платформенной занятости относится к числу наименее изученных, что обусловлено как отсутствием достоверных данных о платформенной и неформальной занятости, так и преобладающей традицией анализа занятости через призму дихотомических характеристик: формальная-неформальная, полная-неполная/частичная, стандартная-нестандартная и др.

¹ Платформенная занятость – нестандартная форма занятости, при которой получение заказа и выполнение работы происходит через цифровые сервисы (сайты, приложения), выступающие в качестве посредников между заказчиком и исполнителем.

В реальной жизни нерегламентированность платформенной экономики способствует стихийному формированию разнообразных моделей занятости, часто комбинирующих формальные и неформальные практики. Исполнители, реализуя услуги на платформе, сочетают легализованную и неформальную самозанятость; используют платформы для подработок, продолжая работать на основном месте, где трудовые отношения регулируются ТК РФ; реализуют трудовой потенциал, мало востребованный на формальном и/или локальном рынках труда (предпенсионеры, пенсионеры, мигранты, женщины с малолетними детьми, молодежь без опыта работы, жители периферийных территорий) и т. д. Очевидно существование различий в уровне вовлеченности разных категорий исполнителей в платформенную занятость, мотивах участия в ней, моделях организации труда, режимах и статусах занятости. Это свидетельствует о наличии потребности в разработке продуманных и эффективных подходов к регулированию платформенной занятости.

Платформенная занятость представляет собой экспериментальное поле, где работники тестируют и реализуют различные модели трудового поведения с разным соотношением формальных и неформальных практик. Наблюдение и анализ экономического поведения работников на цифровых платформах может подсказать оптимальные варианты институционализации платформенной экономики и занятости.

Цель данной работы – выявить потенциально возможные и фактически существующие модели занятости на цифровых платформах исходя из степени легализации и соотношения формальных и неформальных практик.

Современное состояние исследований по проблеме

Несмотря на распространенные заявления о том, что платформенная занятость имеет преимущественно неформальный или полужурформальный характер [12; 14], данных, в какой степени она формализована или, наоборот, неформализована, практически нет, как нет и концептуальных подходов к такому анализу. В настоящем разделе представлены результаты наиболее релевантных исследований, отталкиваясь от которых, авторы статьи конструировали концептуальные рамки для изучения соотношения платформенной и неформальной занятости.

Исходное, основополагающее положение нашего подхода заключается в трактовке формальности и неформальности практик как биполярного признака, образующего непрерывный континуум, а не жестко дихотомической характеристики. Такой подход существенно повышает соответствие научных результатов наблюдаемой действительности [1; 21]. Наиболее ярко его преимущество проявляется при изучении платформенной экономики, где традиционные границы между формальной и неформальной занятостью размываются [22; 23]. С этой точки зрения продуктивным представляется подход К. Уильямса [24], выделившего ряд моделей неформальной занятости в зависимости от ее характера (наемный труд или самозанятость)

и декларированности доходов от нее. Отмечается, что при оценке степени неформальности занятости необходимо обращать внимание на долю неформальной работы в наемном труде, поскольку формальная и неформальная оплачиваемая работа часто пересекаются: наемным работникам иногда выплачиваются две зарплаты – официальная и дополнительная незадекларированная. Наше исследование показало, что данный подход отражает существующие модели платформенной занятости, сочетающие как формальные, так и неформальные практики. Излагаемые ниже результаты, полученные российскими авторами, подтверждают это.

Так, по итогам исследования фрилансерского сегмента платформенной занятости, проводимого Д. О. Стребковым и А. В. Шевчуком [13, с. 340], в ходе которого отслеживалась динамика форм закрепления договоренностей с заказчиками с 2009 по 2019 г., оказалось, что доля фрилансеров, работающих с заказчиками преимущественно на основе официального договора, оставалась практически неизменной (12%) на протяжении всего периода и только к 2019 г. увеличилась до 15%.

Выбор формальных и неформальных трудовых практик часто обусловлен уровнем вовлеченности исполнителя в платформенную занятость: является ли она для него основной, дополнительной или эпизодической [12, с. 53]. Согласно оценкам НИУ ВШЭ, опирающимся на данные выборочных онлайн-обследований населения России в возрасте от 18 до 72 лет, в 2024 г. платформенная занятость являлась основной для 1,8–2,8 млн человек, при этом около 3,8% обозначили свой статус в качестве неработающих, но на вопрос о вовлеченности в платформенную занятость ответили утвердительно. Среди них наиболее значимую долю составили формально неработающие пенсионеры (42,1%), временно безработные (16,8%), учащиеся, не имеющие постоянной работы по найму (13,7%), домохозяйки (13,5%) и женщины в отпусках по уходу за детьми (12,5%) [2, с. 5–6]. В исследовании НИУ ВШЭ имеются также данные о соотношении формальных и неформальных практик. Среди тех, для кого платформенная занятость является основной, доля оформляющих надлежащим образом все реализуемые услуги составила 51,6%, около пятой части (22,1%) работали полностью неформально, 14,3% – действовали в зависимости от отношений с заказчиком и других обстоятельств. Вместе с тем авторы признают, что более или менее достоверных данных о том, как соотносятся формальные и неформальные практики среди работников, для которых платформенная занятость не является основной, выявить не удалось [2, с. 11–12].

Приведенные данные НИУ ВШЭ довольно близки к итогам Обследования рабочей силы Росстата (ОРС) 2024 г., по данным которого среднегодовая численность занятых с помощью платформ составила 2994 тыс. человек, или 4,1% всех занятых вообще. Среди платформенно занятых студенты составили 1,4%, пенсионеры по возрасту (в том числе по выслуге лет, на льготных условиях) – 4,2%, пенсионеры по инвалидности – 0,7%. Лица, чья работа на платформах является основной, составляют 15,5% всех неформально занятых в России, а вкуче с занятыми на цифровых платформах в качестве дополнительной работы, на платформенную заня-

тость в 2024 г. приходилось 16,6% всего объема неформальной занятости¹. Подавляющая часть платформенной занятости (на 90–92%) относится к неформальному (некорпорированному) сектору экономики, и здесь открывается непаханое поле для социологов. Наличие официального статуса самозанятого (плательщика налога на профессиональную деятельность или НПД) или индивидуального предпринимателя без наемных работников не является однозначным маркером формальности на рынке труда. Во-первых, согласно методологии Международной организации труда (МОТ и, соответственно, ОРС), эти хозяйствующие субъекты не относятся к корпорированному, формальному сектору экономики, а во-вторых, их налоговые режимы легко сочетаются с неформальными практиками оплаты «в обход кассы».

Полнее особенности вовлечения в дополнительную занятость, регулярную или эпизодическую, раскрываются в контексте концепции вторичной занятости, под которой обычно подразумевают наличие дополнительной работы или доходного занятия работающих граждан в формальном или неформальном секторах экономики при наличии основной работы [10, с. 60]. В более широком смысле ко вторичной занятости относят также дополнительную занятость по отношению к различным статусам незанятости (трудовая деятельность пенсионеров, учащихся) [7, с. 73], что может быть применено к упомянутой выше группе работников, идентифицировавших себя как неработающие, но при этом имевших дополнительные доходы от платформенной занятости.

По оценкам А. Н. Покиды и др., в 2022 г. распространенность вторичной занятости среди работающего населения России составляла около 33,2% (что эквивалентно 24,4 млн чел.), из которых 10,9% подрабатывали постоянно (не менее одного раза в неделю), 7,7% – несколько раз в месяц, 14,6% – эпизодически (несколько раз в год) [10, с. 61]. Почти в половине случаев (45,4%) вторичная занятость не оформлялась официально. Только 24,3% указали, что всегда оформляли трудовой договор, а еще 20,7% делали это в зависимости от обстоятельств. Чем более эпизодический характер имела дополнительная занятость, тем реже она легализовывалась, при этом инициатором неформальных отношений чаще являлись сами работники, а не работодатели [10, с. 64]. Также авторы показали, что среди самозанятых на дополнительной работе налог на профессиональный доход (НПД) используется в 2,5 раза реже, чем среди самозанятых по основной работе [10, с. 65]. Оценки А. Н. Покиды и др. резко контрастируют с данными ОРС, согласно которому в 2024 г. дополнительную работу имели всего 1,9% занятого населения, т. е. 1,4 млн человек, из которых 188,4 тыс. подрабатывали с помощью платформ².

В более раннем исследовании, проведенном А. В. Кученковой в 2018 г. в рамках исследовательского проекта «Прекариат – новое явление в социально-экономической структуре общества» [7, с. 76], о вовлеченности во вторичную занятость (подработках и совместительстве) сообщили 22,3% опрошенных (что больше соответствует результатам, полученным

¹ Рассчитано авторами по микроданным ОРС за 2024 г., Росстат.

² Расчеты авторов по микроданным ОРС за 2024, Росстат.

А. Н. Покидой и др., нежели данным ОРС). Было выявлено, что имеющие вторичную занятость работники в два раза чаще трудились на условиях нестандартной или неформальной занятости и зачастую имели неполное рабочее время на основной работе [7, с. 74–77]. На основании полученных эмпирических результатов, автор пришла к выводу, что прогнозы о снижении уровня вторичной занятости не отражают (на тот момент) реальную действительность. Соглашаясь в целом с этим утверждением, добавим, что последующее развитие платформенной занятости еще больше актуализировало проблемы вторичной и множественной занятости. Вторичная занятость является одним из ключевых признаков в классификации режимов платформенной занятости, а множественность – одной из характерных особенностей гиг-¹ или шэринг-экономики² [16; 17].

Эксперты отмечают важность выявления разных групп работников, вовлеченных в платформенную занятость, в зависимости от уровня доходов и затрачиваемого времени. Так, если человек в среднем работает на платформе менее 10 часов в неделю и зарабатывает менее 25% своего дохода, его следует причислить к маргинальной группе³. Если 10-часовая работа приносит более 25% доходов, работник принадлежит уже ко вторичной группе. К основной же относятся те, кто зарабатывает на платформе более 50% своего дохода и затрачивают более 10 часов в неделю [18, с. 129]. Подобная схема может быть применена к классификации моделей платформенной занятости по основаниям «временные затраты на работу» и «вклад в общие трудовые доходы». Это позволит идентифицировать группы работающих с разной степенью зависимости от платформенной занятости и скорректировать государственную социальную политику в соответствующей ее части. Заметим, что критерий «половина общих доходов» довольно часто используется в зарубежных исследованиях как важный социальный индикатор (для оценки критического) уровня платформенной занятости (см., напр.: [19]). К сожалению, в данной статье указанный аспект не раскрывается из-за методических ограничений, связанных с формулировкой вопроса о доходах.

В литературе встречаются также и другие оценки соотношения платформенной и неформальной занятости. Анализируя статус занятости платформенных работников по данным ОРС за 2023 г., Р. И. Капелюшников и Д. И. Зинченко обнаружили, что среди занятых на некорпорированных предприятиях их доля достигает 35%, среди занятых у индивидуальных предпринимателей/физических лиц – около 8%, а среди занятых на корпорированных предприятиях – менее 2% [6]. Результаты мониторинга

¹ Гиг-экономика – модель рынка труда, при которой компании отдают предпочтение не наемным штатным сотрудникам, а фрилансерам, выполняющим определенные задания или участвующим в краткосрочных проектах.

² Шеринг-экономика – модель, предполагающая возможность использования товаров без их приобретения, например, на условиях аренды/совместного пользования.

³ Авторы исследования выявляют социальные группы в зависимости от временных затрат на платформенный труд и объем полученных доходов. Названия групп: маргинальная, вторичная и основная – даются по отношению к платформенной занятости. Так, основная группа посвящает ей много времени и получает значимый доход, а маргинальная, наоборот, уделяет мало времени и имеет мало дохода.

Центра стратегических разработок показали, что в конце 2023 г. 31% платформенных занятых имели статус самозанятых, 7% являлись индивидуальными предпринимателями, 7% работали на условиях ГПХ (без оформления самозанятости или ИП), 19% работали на платформе без правового оформления, 37% были оформлены по ТК РФ¹. Очевидно, что цифры хоть не сопоставимы между собой, но явно указывают на многообразие моделей участия в платформенной занятости, а также на сложность в разграничении формальных и неформальных практик в ней.

Методологическая и эмпирическая основы исследования

Отправными методологическими положениями представленного исследования являются следующие определения и подходы.

1. Платформенные работники – это лица, использующие приложение или веб-сайт для поиска клиентов, желающих приобрести услугу (не товар) за деньги [9, с. 10]. Платформенная занятость определяется как нестандартная форма занятости, осуществляемая при посредничестве цифровых платформ, которые предоставляют облачную инфраструктуру и сервисы для поиска и выполнения работы [9, с. 10].

2. Под стандартной занятостью в рамках данного исследования понимается «занятость по найму в режиме полного рабочего дня на основе бессрочного трудового договора при нормированной заработной плате под непосредственным руководством работодателя или назначенных им менеджеров» [11, с. 24].

3. Реализация принципа рациональности экономического поведения предполагает, что лицо, принимающее решение, всегда выбирает наиболее предпочтительную для себя альтернативу из числа доступных, максимизируя не только экономический результат, но и полезность, связанную с имеющимися ограничениями, образом жизни и ценностями. Иными словами, занятые на платформе имеют представление о ее возможностях и ограничениях и исходя из них подбирают максимально эффективные для себя форму организации труда и режим работы.

4. Нерегламентированность платформенной экономики способствует стихийному формированию разнообразных моделей занятости, предполагающих разный уровень вовлеченности и зачастую являющихся комбинацией формальных и неформальных практик, стандартной и нестандартной занятости.

5. Исходя из приведенных выше положений, выявленных другими исследователями фактов и результатов собственного эмпирического исследования, авторами данной статьи была разработана концептуальная схема анализа платформенной занятости в контексте соотношения в ней формальных и неформальных практик (табл. 1).

¹ В основном, это курьеры и таксисты, работающие через специальные мобильные приложения.

Таблица 1 (Table 1)

**Модели платформенной занятости,
различающиеся содержанием в них неформальной занятости**
Platform employment models differing in the content of informal employment within them

Модель платформенной занятости	Только платформенная занятость	Комбинация: платформенная (основная) + стандартная	Комбинация: стандартная (основная) + платформенная
Постоянная и полная вовлеченность	Уровень легализации может быть абсолютно любым	Не выявлено	Не выявлено
Постоянная неполная вовлеченность	Уровень легализации может быть абсолютно любым	Преимущественно неформальная	Преимущественно неформальная
Непостоянная эпизодическая вовлеченность	Преимущественно неформальная	Не выявлено	Преимущественно неформальная

В таблице 1 представлены режимы платформенной занятости, различающиеся по степени вовлеченности в нее, характеру сочетания со стандартной занятостью и уровню легализации занятости. На основе сочетания этих режимов были выделены пять моделей платформенной занятости с различным содержанием в них неформальной занятости:

- чистая полная платформенная занятость на постоянной основе;
- чистая неполная платформенная занятость на постоянной основе;
- неполная платформенная занятость на постоянной основе в комбинации со стандартной занятостью;
- непостоянная (эпизодическая) платформенная занятость;
- непостоянная (эпизодическая) платформенная занятость в комбинации со стандартной занятостью.

6. Термин «практики» используется намеренно для выделения неформальных элементов и аспектов в рамках оформленной самозанятости. Примечательно, что самозанятость, являясь легализованной формой занятости, не относится к формальному сектору экономики, и это существенно осложняет разграничение, анализ и понимание специфики формальной и неформальной занятости. Согласно методологическим положениям МОТ и, соответственно, ОРС самозанятые и ИП без наемных работников относятся к неформальному сектору экономики, что не мешает, однако, большинству самозанятых считать свою деятельность легальной и формальной.

7. В статье используется юридический (легалистский) подход к определению неформальной занятости, критериями которой являются: а) отсутствие у работающего официального оформления у работодателя и/или регистрации бизнеса, б) неуплата налогов и страховых взносов [3]. Данный подход позволяет учитывать работников, частично или полностью исключенных из системы социальных гарантий. Несмотря на возможность

официальной регистрации самозанятых и индивидуальных предпринимателей, редко кто из них делает добровольные взносы в социальные фонды, тем самым ограничивая свой доступ к механизмам социальной защиты, включая трудовые гарантии и пенсионное обеспечение.

8. Тип платформы обуславливает состав и организационно-правовой статус исполнителей и заказчиков, спектр предоставляемых услуг, особенности ценообразования, наличие и соотношение практик формальной и неформальной деятельности, а также влияет на восприятие своей работы работниками. Некоторые платформы пользуются популярностью среди заказчиков и исполнителей за возможность принимать гибкие и автономные решения [15; 27] и зачастую воспринимаются как партнеры. Платформы с алгоритмическим управлением, напротив, чаще рассматриваются как работодатели, ограничивающие свободу исполнителей [25]. В связи с этим при анализе платформенной занятости важно понимать, о каком типе платформ идет речь, поскольку результаты исследования, проведенного на базе одного типа платформ, могут оказаться нерелевантными для других (например, алгоритмизированных) сегментов платформенной занятости.

Эмпирическую базу исследования составили 70 полуструктурированных интервью с платформенными работниками разного уровня квалификации, зарегистрированными на Профи.ру и предоставляющими разные виды услуг: репетиторами, IT-специалистами, бухгалтерами, юристами, финансовыми консультантами, специалистами индустрии красоты, спортивными тренерами, мастерами по ремонту, домашним персоналом, артистами и др. По типу региона проживания информанты распределились следующим образом: 1) столица и финансовые центры (Москва, Московская обл., Санкт-Петербург, Ленинградская обл.) – 25 чел. (в том числе 14 человек, предоставляющих услуги онлайн, и 11 – офлайн); 2) южные регионы России с опорой на аграрные отрасли и туризм (Краснодарский край, Ростовская область) – 25 чел. (13 с возможностью работать онлайн, 12 – офлайн); 3) регионы Урала и Сибири с опорой на промышленность (Республика Башкортостан, Новосибирская и Свердловская обл.) – 20 чел. (12 онлайн, 8 офлайн). При отборе информантов контролировались пол (женщины – 53%, мужчины – 47%) и стаж работы на платформе (не менее года).

Модели платформенной занятости

Чистая полная платформенная занятость на постоянной основе

Согласно полученным нами данным уровень легализации занятости при этой модели может быть любым: от полностью формальной до неформальной. Примеры полностью формальной работы на платформе единичны. К ним относятся стартапы, выросшие в работающий в рамках правового поля бизнес: «Я консультируюсь с бухгалтерами и юристами.

Я хочу работать по закону» (муж., 35 л., репетитор, руководитель онлайн-школы)¹; «У меня ИП, я весь доход перевозжу через ИП» (муж., 22 г., системный администратор).

Преимущественно формальная платформенная занятость тоже слабо представлена. Иногда легальный бизнес сочетает практики формальной работы с привлечением персонала на условиях стандартной занятости и неформальной – с привлечением самозанятых на условиях аутсорса в целях снижения социальных расходов: *«6 человек на постоянку и 3 на аутсорсе, если загрузка будет большая» (жен., 30 л., юрист).*

Подобного рода исполнители формализуют свою деятельность благодаря возможностям платформы по расширению клиентской базы, а также за счет хороших отзывов от постоянных клиентов: *«Это [регистрация на платформе] было первое, с чего я начал, и благодаря этой платформе я смог хороших результатов добиться» (муж., 35 л., руководитель онлайн-школы); «Когда мы начинали, вся лидогенерация была связана с тем, что меня уже знали» (жен., 30 л., юрист).*

Условиями успешной работы информанты называли длительность пребывания на платформе и понимание особенностей ее функционирования, накопленный опыт и авторитет в своей профессиональной сфере. Если опыт работы через цифровые платформы оказывается более успешным, нежели в найме, это приводит к полному переходу к платформенной занятости. В эту категорию работников вошли репетиторы (получающие возможность работать исключительно онлайн и не тратить дополнительное время на поездки на работу; расширить географию и количество клиентов), юристы, специалисты по ремонту (всегда пользующиеся спросом у населения), фотографы и видеографы: *«Пришлось уходить [с работы по найму], потому что если я в найме зарабатываю в месяц 40 тысяч, а на фрилансе [с применением платформы] я могу заработать больше [за меньшее время]» (жен., 28 л., фотограф); «В первый же месяц, работая только через платформу, я успел заработать с заявок 120 тысяч» (муж., 19 л., проектирование, изготовление, сборка и ремонт мебели).*

Информанты с полной занятостью на платформе и зарегистрированные в качестве плательщиков налога на профессиональную деятельность, самозанятые или ИП, оказались самой многочисленной категорией в выборке. Граница между формальной и неформальной занятостью в их случае подвижна, зависит от конкретной ситуации (требует или нет заказчик чек/договор), а также воли и решения самозанятого относительно соблюдения правил.

Некоторые информанты (меньшинство) считают свою занятость формальной, поэтому всегда, даже если заказчик не требует, настаивают на оформлении договоров, выписывают счет и отправляют чеки за проведенные работы: *«Выставляю счет со своего расчетного счета, и человек оплачивает. Потом я отправляю через “Мой налог” чек об оплате» (жен., 48 л., бухгалтер).*

¹ Это единственный информант, которому оплата за участие в исследовании производилась не на личный счет, а на расчетный счет возглавляемой им онлайн-школы.

Большинство опрошенных признались, что регистрируют только часть доходов: *«Иногда люди [т. е. заказчики] не спрашивают, могут отправить [деньги] на другую карту, с которой мы уже работали»* (жен., 37 л., юрист); *«Прошу всех наличкой. Клиентам говорю: я могу заплатить налог или могу купить еще одну настольную игру»* (жен., 43 г., репетитор).

Часть платформенных работников полностью находятся в тени, что чаще обосновывается нестабильным или небольшим доходом: *«Не вижу такого дохода, чтобы оформляться как самозанятой»* (жен., 35 л., веб-дизайнер); *«Чеки нет [не выдаю]. Могу предложить расписку с паспортными данными, что получила [оплату]»* (жен., 17 л., кинолог, зоопсихолог).

В ситуациях, когда заказчики требуют чек/договор, исполнители могут прибегать к помощи третьих лиц: *«Недавно приходилось закрывать самозанятость, поэтому пока работаю через самозанятость подруги»* (жен., 23 г., веб-дизайнер).

Таким образом, лица, имеющие полную занятость на платформах, могут вести как целиком формальную деятельность, так и полуформальную или неформальную. Отличительной чертой этой модели занятости является потенциальная возможность легализации, что проявляется в декларируемых намерениях: *«Думаю, может, самозанятым сделаться или ИП, чтобы спокойно налоги платить»* (муж., 30 л., копирайтер, репетитор); *«В связи с последними всеми правками, событиями в законах... возможно, придется [оформлять самозанятость]»* (жен., 35 л., веб-дизайнер).

Исходя из особенностей вовлечения в платформенную занятость в эту категорию также включили тех, кто благодаря платформе существенно сократил затрачиваемое на работу время при получении достаточного или сопоставимого с другой формой занятости доход: *«Не 8 часов, как в офлайн-бизнесе, а 4 часа – это комфортно»* (жен., 48 л., бухгалтер); *«4 дня в неделю по 4 часа, при этом доход только вырос»* (муж., 35 л., репетитор, руководитель онлайн-школы); *«Если работать 20 часов в неделю и зарабатывать достаточное количество денег, этого может быть достаточно»* (муж., 47 л., бизнес-консультант). Критерием полной занятости здесь выступают: достаточность получаемого дохода, отсутствие мотивов для расширения занятости, время, выделяемое для работы – не менее 16 часов в неделю.

В основе выбора чистой платформенной занятости могут лежать разные мотивы: неприемлемость жестких условий стандартной занятости, стремление к большей эффективности, гибкости и автономии, к самореализации и балансу между работой и личной жизнью: *«Сама себе устраиваю график, могу устроить больничный, отпуск, выходной»* (жен., 30 л., бровист); *«Благодаря этой работе я провожу больше времени с семьей, особенно с сыном»* (муж., 36 л., ведущий мероприятий), *«Мне не нравится, когда вот это отношение: я директор – ты подчиненный»* (жен., 35 л., веб-дизайнер); *«Кто попробовал свободу, тот не хочет больше идти в найм»* (муж., 42 г., сантехник).

Модель чистой платформенной занятости близка к предпринимательской деятельности: исполнителю приходится принимать на себя все риски (безработицы, нестабильного дохода и др.) и самостоятельно заниматься поиском клиентов. Платформа играет ключевую роль в поиске заказчиков, поскольку не только агрегирует огромный рынок сбыта, но и позволяет накапливать опыт и формировать репутацию (через систему отзывов) практически с нуля.

Чистая неполная платформенная занятость на постоянной основе

Чистую неполную платформенную занятость на постоянной основе чаще всего выбирают студенты и молодежь с недостаточным опытом работы, женщины с малолетними детьми, люди с ограниченными возможностями здоровья, лица без профессионального образования, для которых платформенная занятость открывает возможности, недоступные на формальном рынке труда. Женщины часто связывают свои истории прихода на платформу с рождением ребенка: *«У меня это совпало с уходом в декрет»* (жен., 43 г., репетитор начальной школы); *«Я отправила ребенка в школу, я была матерью-одиночкой, [требовалось,] чтобы у меня была менее ответственная работа»* (жен., 44 г., клининг)¹.

Молодежь поколения Z – люди с выраженным стремлением к свободе, индивидуализму и самореализации. Такие работники часто не приемлют стандартную занятость. Они могут оставаться на платформе до последнего и искать дополнительную работу в цифровом пространстве, пока не возникнут форс-мажорные обстоятельства, требующие найти стандартную занятость с более высоким доходом: *«Я не хотела устраиваться на постоянный график. Мне по складу личности не подходит»* (жен., 25 л., кинолог); *«Я созреваю до других платформ. Фриланс оказался крайне нестабильной штукой... Нужно быть везде»* (жен., 23 г., 3D художник).

Данная модель занятости характерна и для лиц с ограниченными возможностями здоровья, которые вынуждены обращаться к платформенной занятости, чтобы найти заказы не только с ограничением по времени, но и по условиям труда: *«Много лет [на Профи.ру] не появлялся. Не нужно было... Потом я вырос на Профи.ру после операции, когда стал ограничен в возможностях»* (муж., 57 л., электромонтажник).

Иногда работники переходят из полной чистой платформенной занятости в неполную. Как правило, так поступают те, кто имеет значительный опыт работы на платформе, но в силу обстоятельств столкнулся с утратой / существенным сокращением / снижением качества заказов: *«В этом году спад сильный идет по клиентам. У меня в последнее время немного заказов»* (жен., 39 л., графический дизайнер). Выход из ситуации, в отличие

¹ Информант со временем сменила модель платформенной занятости: после того как ребенок подрос, а информант повторно вышла замуж и родила второго, она трудоустроилась официально по найму и в настоящее время совмещает стандартную занятость с непостоянной платформенной в случае потребности в дополнительном доходе.

от молодежи, они обычно ищут в стандартной занятости: *«Я сейчас ищу на HeadHunter работу. Есть потребность в доходе стабильном»* (жен., 39 л., 3D-моделирование, графический дизайнер)».

Бывают также случаи добровольного выбора неполной платформенной занятости на постоянной основе (менее 16 часов в неделю). Работники высокой квалификации по востребованной специальности, имеющие достаточно высокий доход, порой намеренно ограничивают продолжительность рабочего времени для сохранения здоровья, достижения баланса между работой и личной жизнью: *«Больше одного-двух занятий [в день] не беру. Желание не перетрудиться, эмоционально и профессионально выгореть»* (жен., 49 л., репетитор). Уровень легализации занятости при этом может различаться, что обусловлено личностными качествами и соображениями безопасности: *«Планирую это сделать [легализоваться], потому что не знала, насколько это будет стабильно. Годы показали, что надо оформлять самозанятость»* (жен., 49 л., репетитор).

Во всех приведенных выше примерах, исключая последний, неполная платформенная занятость является вынужденной и недостаточной. Из-за скромного дохода работникам приходится сочетать формальные и неформальные практики: *«Самозанятость здесь имеет значение, потому что иногда просят выставить счет, у меня есть отдельная карточка, на которую я получаю деньги, с которой налог списывается»* (муж., 57 л., электромонтажник); *«Как самозанятый я оформлена. [Но] не пробиваю [чеки]»* (жен., 25 л., кинолог).

В случае уменьшения количества заказов и ухудшения материального положения работники предпочитают уходить полностью в неформальные практики: *«Нет, поскольку иногда у меня вообще нет [денег]... даже на оплату квартиры, я не оформляюсь. Как выйду на хороший доход, планирую оформить»* (жен., 23 г., 3D художник).

Таким образом, для этой модели полная формальная занятость является потенциально возможной, однако в действительности преобладают полуформальные и неформальные практики.

Неполная платформенная занятость на постоянной основе в комбинации со стандартной занятостью

Неполная платформенная занятость на постоянной основе в комбинации со стандартной занятостью в большинстве случаев предполагает, что платформа является дополнительным источником доходов. Часы работы на платформе интегрируются в свободное от основной деятельности время и редко превышают 16 часов в неделю: *«Я этим занимаюсь в свободное от работы время»* (муж., 33 л., тренер по безопасному вождению); *«Я работаю два по два... В свой выходной день могу поехать, повесить человеку пару люстр и получить денежку»* (муж., 33 г., электромонтажник).

Среди мотивов обращения к платформенной занятости в качестве дополнительной встречаются желание получить легкий заработок, отвлечься от рутины основной работы, самореализоваться: *«Мне инте-*

ресно. Я всегда люблю что-то новое, непонятное» (муж., 34 г., системный администратор). Поскольку заработок с помощью цифровых платформ для таких работников не является жизненно необходимым, им свойственно избирательное отношение к подбору клиентов и отказ от заказов в случае высокой общей загруженности или плохого самочувствия: *«Я беру [заявки] только в городе Уфа. Если у меня есть возможность отказаться и побыть с семьей, то без проблем»* (муж., 33 г., тренер по безопасному вождению).

Нередок также и мотив дополнительного заработка: *«Есть основная работа, а при этом зарплата не очень высокая и нужно было добирать деньги»* (муж., 41 г., системный администратор). Подобная занятость часто характеризует начало карьерного пути, а также распространена в сфере творческих услуг: среди репетиторов по вокалу, музыке, дикторов, ведущих, дизайнеров и т. п. Здесь основным мотивом становится стремление выйти на полную занятость и получать доход, закрывающий основные потребности: *«Золотых гор хотелось. Что сейчас выйдет на меня какой-нибудь директор “Мосфильма” и предложит мне озвучить несколько десятков фильмов»* (муж., 38 л., диктор).

Комбинация, в которой платформенная занятость рассматривается как основная / потенциально основная, а стандартная – как дополнительная, встречается среди лиц среднего и старшего возраста, задумывающихся о будущей пенсии: *«Я официально занята ради стажа... потому что мне в 55 лет обрубili пенсию [из-за повышения пенсионного возраста]»* (жен., 56 л., садовник); *«Какая-то гарантия есть, пенсия идет, насчитывается»* (жен., 36 л., репетитор, музыкант).

Некоторые платформенные работники обращаются к работе по найму / держатся за уже имеющуюся ради сохранения профессии (работа на платформе приносит доход, но не является по специальности) или для души (работа по найму не особо денежная, но дает удовлетворение от процесса): *«Чтобы сохранить камерный оркестр [в музыкальной школе], жертвую возможностью заработать больше [на платформе]»* (жен., 36 л., репетитор, музыкант); *«Работаю разработчиком в организации. Не особо связано с репетиторством [на платформе]»* (муж., 23 г., репетитор).

Работники комбинируют платформенную и стандартную занятость в разных вариациях, что позволяет компенсировать недостатки той и другой, обеспечивает стабильность, дает возможность экспериментировать с новыми видами деятельности и приносит дополнительный доход.

Легализация занятости при данной модели также проявляется по-разному. Кто-то крайне ответственно относится к налогообложению в режиме самозанятости, но такой случай единичный: *«Как появилась самозанятость, я была в первых рядах людей, которые ее оформили. [...] Даже когда [клиенты] отмахиваются, говорят “не надо” [чек], я отправляю без разговоров»* (жен., 36 г., репетитор, музыкант). Другие, напротив, не формализуются на платформе по причине запрета со стороны официального работодателя или институциональных ограничений: *«Статус самозанятости для фрилансеров нельзя активировать, если*

у тебя есть ИП, а ИП у меня используется для других задач» (муж., 30 л., разработчик, репетитор). Большинство же просто не видит необходимости в оформлении дополнительной занятости, объясняя свое решение нестабильным заработком, малым числом заказов, отсутствием просьб направить чек или тем, что считает себя законопослушным, поскольку платит налоги по официальному месту работы.

Модель непостоянной (эпизодической) чистой платформенной занятости

Модель непостоянной (эпизодической) чистой платформенной занятости предполагает, что занятость на платформе является нерегулярной и нередко с большими перерывами. Реализуется подобный формат при следующих условиях. Во-первых, получение дохода в процессе занятости вряд ли выступает ведущим мотивом, так как сложно найти единовременные редкие заказы, обеспечивающие высокий заработок. Следовательно, человек, занятый только на платформе, но эпизодически, должен обладать альтернативными источниками доходов: например, иметь пассивный доход (от вкладов, сдачи недвижимости в аренду и пр.) либо находиться на содержании (супруга, других членов семьи). Во-вторых, мотивом занятости в этом случае может быть стремление уйти от рутины повседневных домашних дел, заняться тем, что интересно. Возможность монетизировать хобби становится приятным бонусом, когда удается совместить увлечение и получение дохода. В-третьих, для таких работников важен личный комфорт в организации трудовой деятельности. Они предпочитают работать спокойно, не особо напрягаясь, чтобы работа не мешала другим аспектам жизни.

Среди опрошенных нам попался только один информант с данной моделью занятости, для которого работа на платформе – это прежде всего дело для души: *«У меня хорошая работа, мне многие об этом говорят, поэтому я очень люблю свою работу. Это больше мое любимое дело» (жен., 34 г., стилист).*

Деньги при этом не играют ключевой роли, поскольку у информанта имеются альтернативные источники дохода: *«Я могу уехать на зимовку на полгода [и не работать в это время]. [...] У меня есть и страхование, и есть “пенсия” [пассивный доход]» (жен., 34 г., стилист).* Гораздо важнее оказывается комфорт в процессе трудовой деятельности: *«У меня свободный график. Если дети болеют, я не иду работать. У меня приоритет семьи и себя» (жен., 34 г., стилист).*

В рамках данной модели полная формализация занятости не имеет особого смысла, связанные с ней издержки (оформление ИП, строгий налоговый режим) не оправданы, так как работы немного, и при необходимости человек, не зависящий от платформенного заработка, без особого ущерба может от нее отказаться. Логичнее для таких работников сочетать формальные и неформальные практики (например, оформиться как самозанятый) или же полностью уйти в неформальные без уплаты налогов. Наш инфор-

мант демонстрирует сочетание формальных и неформальных практик: оформлена самозанятой и при необходимости по запросу клиента может оформить чек и заплатить налоги: *«Если нужен чек, я могу прислать»* (жен., 34 г., стилист).

Непостоянная (эпизодическая) платформенная занятость в комбинации со стандартной занятостью

Непостоянная (эпизодическая) платформенная занятость в комбинации со стандартной занятостью отличается разнообразием условий и мотивов обращения. Так, она может быть вызвана необходимостью решить конкретные экономические задачи: например, срочно достать средства для крупных покупок. В этом случае речь идет о *добровольной* непостоянной платформенной занятости в комбинации со стандартной: *«В любой момент я смогу найти подработку дополнительную, если мне это будет нужно»* (жен., 34 л., копирайтинг). Особенно это характерно для занятых в сферах ремонта и клининга – услуг, востребованных в любое время, по которым даже отмечается растущий спрос: *«Летом могу вообще не заходить на Профи.ру, зимой могу заходить чаще»* (муж., 33 г., электромонтажник); *«Когда я с ребенком нахожусь, бывает, что всю зиму я на Профи.ру не заходила. Как только понадобился заказ, захожу»* (жен., 44 г., клининг).

Вынужденная непостоянная платформенная занятость в комбинации со стандартной характерна для депривированных категорий населения: людей предпенсионного возраста, с ограниченными возможностями здоровья, мигрантов, а также для молодежи в начале карьеры, если заработок по месту стандартной занятости маленький, а на платформе при отсутствии опыта заказы редкие и небольшие: *«Я зарабатываю деньги [на платформе], потому что я начинающий специалист по меркам 1С, у меня не очень большая зарплата»* (муж., 37 л., программист); *«Платформа-то, если бы активно помогала, я бы рад был, но пока особой пользы я не почувствовал»* (муж., 65 л., массажист).

К данному режиму платформенной занятости нередко обращаются и при ухудшении условий по месту стандартной занятости: *«Я сидел [на основной работе], у меня с телефона даже данная платформа удалена была. Сидел на работе, ситуация была маленько с работой [не очень хорошая]. Установил [платформу]»* (муж., 33 г., тренер, водитель).

Основным мотивом занятых при непостоянной платформенной занятости в комбинации со стандартной является получение заработка: *«Если вдруг, по какой-то причине этих денег [от стандартной занятости] не хватает, я залезаю на Профи[.ру]»* (муж., 41 г., сисадмин).

Для работников с вынужденной непостоянной платформенной занятостью в комбинации со стандартной свойственно нестабильное материальное положение и уход в неформальные практики как попытка сохранить скудный бюджет. Работники с добровольной непостоянной платформенной занятостью не видят смысла в оформлении и легализации, так как доход им приносит стандартная занятость, а отсутствие эпизодических подрабо-

ток через платформу можно пережить. Некоторые информанты связывали невозможность формализации на платформе с запретами со стороны официального работодателя: «У меня на основной работе не приветствуется это [оформление как самозанятого или ИП]» (муж., 59 л., электрик).

Анализ данной модели осложняется неустойчивым статусом работника, поскольку в случае его изменения (улучшения ситуации с доходами в рамках стандартной занятости, увеличения заказов на платформе, изменения ситуации в семье) может измениться не только уровень легализации трудовой деятельности (от ухода в «тень» окончательно до минимизации неформальных практик), но и масштаб присутствия на платформе (от расширения и перехода к постоянному участию в платформенной занятости до полного ухода с платформы).

Заключение

В работе представлена концептуальная схема анализа платформенной занятости исходя из уровня легализации трудовых отношений на цифровых платформах. На основе сочетания режимов платформенной занятости, различающихся по 1) степени вовлеченности в нее, 2) характеру сочетания со стандартной занятостью и 3) уровню легализации, были выделены пять моделей платформенной занятости. Это позволило концептуализировать имеющиеся знания о платформенной занятости и ее видах, привести их в более стройную систему и выявить некоторые закономерности. Так, установлено, что чем более эпизодический характер имеет платформенная занятость, тем реже она оформляется официально. Чистая полная занятость на платформе близка по своему содержанию к предпринимательской деятельности, а уровень легализации может быть любым – от полной формализации до полной неформальности в зависимости от стабильности дохода, требований заказчиков, личных установок и институциональных факторов. Последнее указывает на необходимость более детального анализа формальных и неформальных практик даже в рамках внешне формализованных отношений вследствие их обусловленности разными факторами: индивидуальными, общими экономическими, социальными и др.

Характерные для платформенной занятости гибкость и невысокий порог вхождения отражаются в своеобразной текучести выявленных моделей, которые не являются постоянными и могут перетекать из одной в другую под влиянием внутренних и внешних факторов, а выбор между формальными и неформальными практиками часто обусловлен рациональным социоэкономическим поведением. К внутренним факторам относятся социально-статусные характеристики самого работника (пол, возраст, место жительства); семейное положение, наличие детей, их возраст и количество; характер отношений в семье, наличие поддержки с ее стороны, в том числе материальной; состояние здоровья работника; спектр профессиональных услуг/работ, которые исполнитель предлагает на платформе; личностные особенности работника, система его ценностных

ориентаций; изменение жизненных обстоятельств (переезд в другой населенный пункт/регион, необходимость сочетать работу с учебой); наличие стандартной занятости в жизни работника и др. К числу внешних – особенности социально-экономического положения региона, где проживает и работает исполнитель; изменение рыночной ситуации, спроса на услуги со стороны заказчиков; тип платформы, условия работы на ней и их изменение; возможность работать на платформе исключительно онлайн, офлайн или сочетая данные режимы; изменение условий официальной занятости (при наличии); стабильность занятости, смена режима работы, увеличение/уменьшение доходов от нее; отношение со стороны официального работодателя (при наличии такового) к платформенной занятости своих сотрудников и ее легализации (возможность/невозможность регистрации самозанятости, ИП). Каждый из этих факторов и их комбинации могут сработать как в сторону «притяжения» работника в платформенную занятость, так и в сторону «выталкивания» из нее, повлиять на изменение ее масштабов, уровня формализации и режима.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке государственной социальной политики, совершенствовании регулирования платформенной экономики и общей политики занятости населения. Выявленные модели отличаются не только уровнем легализации занятости, но и специфическим социально-демографическим составом тех, кто к ним прибегает. Представленная концептуальная схема анализа может стать основой для совершенствования статистики занятости, в частности платформенной и неформальной.

Библиографический список

1. Барсукова С. Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М.: ВШЭ, 2015. 215 с.
2. Бирюкова С. С., Синявская О. В. Платформенная занятость как способ заработка: кто считает платформы своей основной работой // НЭП: Новости экономического поведения. М.: НИУ ВШЭ, 2025. Вып. 6. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/1075402222.pdf> (дата обращения: 21.06.2026).
3. Гимпельсон В. Е., Зудина А. А. «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? // Вопросы экономики. 2011. № 10. С. 53–76. DOI: 10.32609/0042-8736-2011-10-53-76; EDN: OFPVIV.
4. Демьянова А. В., Талакаускас Д. С. Платформенная занятость: между гибкостью и неформальностью // Цифровая экономика. 2025. № 109. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1103679146.pdf> (дата обращения: 12.05.2026).
5. Забелина О. В., Сергеева М. В. Платформенная занятость в Российской Федерации: масштабы, правовые особенности и тенденции развития // Социально-трудовые исследования. 2024. № 4(57). С. 8–20. DOI: 10.34022/2658-3712-2024-57-4-8-20; EDN: SLQKMY.

6. Капелюшников Р. И., Зинченко Д. И. Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть I: дистанционная занятость // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 6. С. 157–181. DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2654; EDN: JOEAJB.
7. Кученкова А. В. Вторичная занятость в контексте процессов прекаризации на российском рынке труда // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 73–83. DOI: 10.31857/S013216250006659-7; EDN: SBOINU.
8. Платформенная занятость: вызовы и возможные решения. М.: ЦСР, Апрель 2022. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/6ca/krk89ha0yxx3ystja243obvc7ly8bntv.pdf> (дата обращения: 01.05.2026).
9. Платформенная занятость: определение и регулирование. М.: НИУ ВШЭ, 2021. URL: https://ncmu.hse.ru/data/2021/05/26/1438190156/Доклад_Платформенная_занятость_002.pdf (дата обращения: 01.05.2026).
10. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В., Покида И. А. Вторичная занятость работающего населения на современном рынке труда // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 1. С. 60–67. EDN: RNSDJX.
11. Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2021. 400 с.
12. Синявская О. В., Бирюкова С. С. и др. Платформенная занятость в России: динамика распространенности и ключевые характеристики занятых. Экспертный доклад. М.: НИУ ВШЭ, 2024. 64 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-4067-1; EDN: LPKRMS.
13. Стребков Д. О., Шевчук А. В. Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 527 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1; EDN: GYGZLX.
14. Черных Е. А. Социально-демографические характеристики и качество занятости платформенных работников в России и мире // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 2. С. 172–187. DOI: 10.15838/esc2021.2.74.11; EDN: MULDYZ.
15. Cansoy M., Eddy S. et al. Homines diversi: heterogeneous earner behaviors in the platform economy // Sociologica. 2020. No. 14. P. 143–165. DOI: 10.6092/issn.1971-8853/11508.
16. Doucette M. H., Bradford W. D. Dual job holding and the gig economy: Allocation of effort across primary and gig jobs // Southern Economic Journal. 2019. No. 85(4). P. 1217–1242. DOI: 10.1002/soej.12338.
17. Dvouletý O., Tykačová A. Single and multiple job holders: comparative study of working hours and earnings // International Journal of Economic Policy Studies. 2025: No. 19(1). P. 119–133. DOI: 10.1007/s42495-024-00144-0.
18. Handbook on measuring digital platform employment and work. OECD Publishing, Paris, 2023. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/03/handbook-on-measuring-digital-platform-employment-and-work_f4c975ea/0ddcac3b-en.pdf (дата обращения: 12.05.2026). DOI: 10.1787/0ddcac3b-en.

19. Huws U., Spencer N. H. et al. Work in the European gig economy: Research results from the UK, Sweden, Germany, Austria, the Netherlands, Switzerland and Italy. Brussels: FEPS, UNI Europa, UH, 2017. URL: <https://grupo.us.es/iwpr/wp-content/uploads/2018/02/work-in-the-european-gig-full-report-pppdf.pdf> (дата обращения: 12.05.2026).
20. Kuhn K. M., Maleki A. Micro-entrepreneurs, Dependent Contractors, and Instaserfs: Understanding Online Labor Platform Workforces // *Academy of Management Perspectives*. 2017. No. 31(3). P. 183–200. DOI: 10.5465/amp.2015.0111.
21. *Linking the Formal and Informal Economy: Concepts and Policies* / Ed. by B. Guha-Khasnobis, R. Kanbur, E. Ostrom. Oxford: Oxford University Press, 2006. 294 p.
22. Maric S., Schüßler E. S., Thäter L. Neither employment nor self-employment: avenues towards functional platform-mediated work systems // *British Journal of Industrial Relations*. 2025. No. 63(2). P. 287–304. DOI: 10.1111/bjir.12855.
23. Nazurah A. M. Gig Economy: Is it a trap or stepping stone for the informal sector? // *Information management and business review*. 2024. Vol. 16. No. 3. P. 28–38. DOI: 10.22610/imbr.v16i3S(I)a.4201.
24. Williams C. C. Out of the shadows: a classification of economies by the size and character of their informal sector // *Work, Employment and Society*. 2014. No. 28(5). P. 735–753. DOI: 10.1177/0950017013501951.
25. Wood A. J., Graham M. et al. Good Gig, Bad Gig: autonomy and algorithmic control in the global gig economy // *Work, Employment and Society*. 2018. No. 33(1). P. 56–75. DOI: 10.1177/0950017018785616.
26. Xu Y., Liu D. Decent work for the digital platform workers. A preliminary survey in Beijing // *Digital Law Journal*. 2021. Vol. 2. No. 1. P. 48–63. DOI: 10.38044/2686-9136-2021-2-1-48-63.
27. Yao Y. Uberizing the legal profession? Lawyer autonomy and status in the digital legal market // *British Journal of Industrial Relations*. 2019. Vol. 58. No. 3. P. 483–506. DOI: 10.1111/bjir.12485.

Получено редакцией: 26.11.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баймурзина Гузель Римовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории региональных исследований качества жизни; главный специалист Научной лаборатории социальных и демографических исследований Института гуманитарных и социальных наук

Садретдинова Эвеллина Винеровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Института гуманитарных и социальных наук

Коровкина Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью Института гуманитарных и социальных наук

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.5

The Ratio of Formal and Informal Platform Employment Practices in the Russian Federation (Based on Profi.ru)¹

Guzel R. Baimurzina

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia;
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
guzrim@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1844-2689

Evellina V. Sadretdinova

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
golichev@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1665-5370

Natalya V. Korovkina

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
korovkina-natalya@list.ru

ORCID: 0000-0003-1716-109X

For citation: Baimurzina G. R., Sadretdinova E. V., Korovkina N. V. The Ratio of Formal and Informal Platform Employment Practices in the Russian Federation (Based on Profi.ru). *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 76–98. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.5; EDN: YVRFBD.

Abstract. This article presents the results of a study aimed at identifying potentially possible and actual employment models on digital platforms (using the Profi.ru platform as an example) based on the degree of legalisation and the ratio of formal and informal practices. Currently, platform employment in Russia is predominantly informal or semi-formal, and the boundaries between formal and informal employment are significantly blurred. The paper proposes a conceptual framework for analysis based on the interpretation of formality and informality as a bipolar characteristic forming a continuum, rather than a strictly dichotomous characteristic. This allows for a more accurate reflection of the diversity of actual employment strategies of digital platform participants. Based on 70 semi-structured interviews with Profi.ru contractors, varying in age, profession, and region of residence, five models of platform employment were identified: pure full-time platform employment on a permanent basis; pure part-time platform employment on a permanent basis; part-time platform employment in combination with standard employment; casual (episodic) pure platform employment; casual (episodic) platform employment in combination with standard employment. For each model, the specifics of legalisation, motivations for participation, and the socio-demographic composition of workers are described. It is shown that the level of legalisation depends on income stability, client requirements, personal attitudes of the contractor, and institutional constraints.

The scientific novelty of this study lies in its systematisation of existing knowledge on platform employment and the testing of a conceptual framework for its analysis in the context of the relationship between formal and informal practices. The obtained results are important for improving social policy and employment regulation. They can be used to develop differentiated support measures, targeted legalisation programmes, and flexible forms of social protection aimed at different categories of platform workers.

Keywords: digital platform, platform employment, employment strategies, informal employment, self-employment, taxation, risks, prospects for platform employment

References

1. Barsukova S. Yu. Essays on informal economy, or sixteen shades of grey. Moscow, VShE, 2015: 215 (in Russ.).
2. Biryukova S.S., Sinyavskaya O. V. Platform employment as a method of earning: who considers the platform as the main job. In *NEP: Novosti ekonomicheskogo povedeniya*. Moscow, NIU VShE, 2025: 6. Accessed 21.06.2026. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/1075402222.pdf> (in Russ.).
3. Gimpelson V. E., Zudina A. A. Informal Workers in the Russian Economy: Who Are They and How Many? *Voprosy ekonomiki*, 2011: 10: 53–76 (in Russ.). DOI: 10.32609/0042-8736-2011-10-53-76; EDN: OFPVIV

¹ The research is funded by the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00775.

4. Demyanova A. V., Talakauskas D. S. Platform employment: between flexibility and informality. *Cifrovaya ekonomika*, 2025: 109. Accessed 12.05.2026. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1103679146.pdf> (in Russ.).
5. Zabelina O. V., Sergeeva M. V. Digital platform employment in Russia: scale, legal features and development trends. *Socialno-trudovye issledovaniya*, 2024: 4(57): 8–20 (in Russ.). DOI: 10.34022/2658-3712-2024-57-4-8-20; EDN: SLQKMY.
6. Kapeliushnikov R. I., Zinchenko D. I. Digital forms of employment in the Russian labor market. Part I. Distant employment. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2024: 6: 157–181 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2024.6.2654; EDN: JOEAJB.
7. Kuchenkova A. V. Secondary Employment in the Context of Precarization on the Russian Labor Market. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 9: 73–83 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250006659-7; EDN: SBOINU.
8. Platform Employment: Challenges and Possible Solutions. Moscow, CSR, April 2022. Accessed 01.05.2026. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/6ca/krk89ha0yxx3ystja243obvc7ly8bntv.pdf> (in Russ.).
9. Platform Employment: Definition and Regulation. Moscow, NIU VShE, 2021. Accessed 01.05.2026. URL: https://ncmu.hse.ru/data/2021/05/26/1438190156/Report_Platform_Employment_002.pdf (in Russ.).
10. Pokida A. N., Zybunovskaya N. V., Pokida I. A. Secondary Employment of the Working Population in the Modern Labor Market. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*. 2023: 30: 1: 60–67. (in Russ.). EDN: RNSDJX.
11. Precarious Employment: Origins, Criteria, and Features. Ed. by Zh. T. Toshchenko. Moscow, Ves' Mir, 2021: 400 (in Russ.).
12. Sinyavskaya O. V., Biryukova S. S. et al. Platform employment in Russia: The dynamics of prevalence and key characteristics of employed individuals. Analytical report. Moscow, NIU VShE, 2024: 64 (in Russ.). DOI: 10.17323/978-5-7598-2494-7; EDN: LPKRMS.
13. Strebkov D. O., Shevchuk A. V. What do we know about freelancers? Sociology of free employment. Moscow, NIU VShE, 2022: 527 (in Russ.). DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1; EDN: GYGZLX.
14. Chernykh E. A. Socio-demographic characteristics and quality of employment of platform workers in Russia and the world. *Ekonomicheskie i socialnye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 2021: 14: 2: 172–187 (in Russ.). DOI: 10.15838/esc2021.2.74.11; EDN: MULDYZ.
15. Cansoy M., Eddy S. et al. Homines diversi: heterogeneous earner behaviors in the platform economy. *Sociologica*, 2020: 14: 143–165. DOI: 10.6092/issn.1971-8853/11508.
16. Doucette M. H., Bradford W. D. Dual job holding and the gig economy: Allocation of effort across primary and gig jobs. *Southern Economic Journal*, 2019: 85(4): 1217–1242. DOI: 10.1002/soej.12338.
17. Dvouléty O., Tykačová A. Single and multiple job holders: comparative study of working hours and earnings. *International Journal of Economic Policy Studies*. 2025: 19(1): 119–133. DOI: 10.1007/s42495-024-00144-0.
18. Handbook on measuring digital platform employment and work. OECD Publishing, Paris, 2023. Accessed: 12.05.2026. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/03/handbook-on-measuring-digital-platform-employment-and-work_f4c975ea/0ddcac3b-en.pdf. DOI: 10.1787/0ddcac3b-en.
19. Huws U., Spencer N. H. et al. Work in the European gig economy: Research results from the UK, Sweden, Germany, Austria, the Netherlands, Switzerland and Italy. Brussels, FEPS, UNI Europa, UH, 2017. Accessed: 12.05.2026. URL: <https://grupo.us.es/iwpr/wp-content/uploads/2018/02/work-in-the-european-gig-full-report-pppdf.pdf>.
20. Kuhn K. M., Maleki A. Micro-entrepreneurs, Dependent Contractors, and Instaserfs: Understanding Online Labor Platform Workforces. *Academy of Management Perspectives*. 2017: 31(3): 183–200. DOI: 10.5465/amp.2015.0111.
21. Linking the Formal and Informal Economy: Concepts and Policies. Ed. by B. Guha-Khasnobis, R. Kanbur, E. Ostrom. Oxford, Oxford University Press, 2006: 294. DOI: 10.1093/0199204764.001.0001.

22. Maric S., Schüßler E. S., Thäter L. Neither employment nor self-employment: avenues towards functional platform-mediated work systems. *British Journal of Industrial Relations*. 2025; 63(2): 287–304. DOI: 10.1111/bjir.12855.
23. Nazurah A. M. Gig Economy: Is it a trap or stepping stone for the informal sector? *Information management and business review*. 2024; 16: 3: 28–38. DOI: 10.22610/imbr.v16i3S(I).a.4201.
24. Williams C. C. Out of the shadows: a classification of economies by the size and character of their informal sector. *Work, Employment and Society*. 2014; 28(5): 735–753. DOI: 10.1177/0950017013501951.
25. Wood A. J., Graham M., et al.. Good Gig, Bad Gig: autonomy and algorithmic control in the global gig economy. *Work, Employment and Society*. 2018; 33(1): 56–75. DOI: 10.1177/0950017018785616.
26. Xu Y., Liu D. Decent work for the digital platform workers. A preliminary survey in Beijing. *Digital Law Journal*, 2021; 2: 1: 48–63. DOI: 10.38044/2686-9136-2021-2-1-48-63.
27. Yao Y. Uberizing the legal profession? Lawyer autonomy and status in the digital legal market. *British Journal of Industrial Relations*, 2019; 58: 3: 483–506. DOI: 10.1111/bjir.12485.

The article was submitted on: November 26, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Guzel R. Baimurzina, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher at the Laboratory for Regional Quality of Life Research; Chief Specialist at the Scientific Laboratory for Social and Demographic Research, Institute of Humanities and Social Sciences

Evellina V. Sadretdinova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Institute of Humanities and Social Sciences

Natalya V. Korovkina, Senior lecturer of the Department of Sociology and Youth Work, Institute of Humanities and Social Sciences

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ В СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.6

EDN: AYYMVA

Социальные эффекты креативных кластеров в российских мегаполисах (на примере Москвы)

Ссылка для цитирования: Гудкова Я. А., Пузанова Ж. В. Социальные эффекты креативных кластеров в российских мегаполисах (на примере Москвы) // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 2. С. 99–116. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.6; EDN: AYYMVA.

For citation: Gudkova Ya. A., Puzanova Zh. V. Social Effects of Creative Clusters in Russian Megacities (using Moscow as an Example). *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 99–116. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.6; EDN: AYYMVA.

SPIN-код: 9606-0609

Гудкова Яна Александровна¹

¹Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

gudkova-yaa@rudn.ru

SPIN-код: 6188-3980

Пузанова Жанна Васильевна¹

¹Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

puzanova-zhv@rudn.ru

Аннотация. В статье представлены результаты авторского исследования, направленного на выявление социальных эффектов креативных кластеров г. Москвы, их влияния на городскую среду и социальную структуру. В последнее десятилетие креативные кластеры стали значимым элементом городской инфраструктуры, способствующим экономическому, культурному и социальному развитию мегаполисов. Их появление, как правило, связано с ревитализацией бывших промышленных территорий и активизацией локальных сообществ. Влияние таких пространств выходит за рамки исключительно экономических и культурных эффектов, сказываясь на социальной структуре города, доступности территорий и формировании новых практик. Несмотря на растущий интерес к креативным кластерам, их социальные эффекты в российском контексте остаются недостаточно изученными. Теоретической основой исследования послужили концепция производства пространства А. Лефевра и разработки Ш. Зукин. В соответствии с ними креативные кластеры трактуются как пространства, где пересекаются культурные практики, экономические интересы

и процессы социальной дифференциации. Эмпирическую базу исследования составили уличные интервью с москвичами, которые проживают в районах расположения креативных кластеров, сформированных преимущественно на месте бывших промышленных зон. Особое внимание уделяется визуальному кодированию пространства через институционализированные и низовые формы искусства, в столкновении которых проявляется борьба за символическое право на город. Исследование выявило разнонаправленный характер влияния креативных кластеров на городскую среду. С одной стороны, они способствуют ревитализации территорий, формированию новых сообществ и повышению субъективного чувства безопасности, а с другой – меняют структуру потребления, трансформируют городскую инфраструктуру, ограничивают доступность отдельных территорий для различных социальных групп. Научное значение статьи заключается в выделении ключевых социальных эффектов креативных кластеров: визуализации, экономизации, социального контроля, коммеморации и самоисключения, – отражающих взаимосвязь пространственных трансформаций и социальной структуры города. Полученные результаты могут служить основой для дальнейших исследований трансформации российских городских пространств.

Ключевые слова: креативные кластеры, креативные индустрии, городское пространство, российские города, социальные эффекты, социально-пространственная дифференциация, джентрификация

Введение

В последнее десятилетие креативные кластеры становятся важным элементом жизненной среды крупных городов. По данным Федерации креативных индустрий, на январь 2025 г. в России насчитывалось более 250 офлайн-площадок, предоставляющих возможности для развития креативных индустрий, – арт-кластеры, музеи, дома культуры, творческие центры и др.¹ Около трети из них (≈30%) сосредоточены в Центральном федеральном округе, занимающем первое место по количеству такого рода организаций, на втором месте – Сибирский (18%). Эти данные согласуются с результатами анализа, проведенного Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ в рамках проекта «Рейтинг креативных регионов России»: в топ-4 креативных регионов за 2024 г. вошли Москва, Санкт-Петербург, Новосибирская и Томская области².

Число креативных кластеров в России с каждым годом растет, что обусловлено комплексом экономических, социокультурных и институциональных факторов, а также трансформацией общественных ценностей и ориентацией экономической системы на новые формы деятельности. Законодательная поддержка способствует закреплению отмеченного тренда. За последние 5 лет в России был принят ряд государственных

¹ Каталог инфраструктурных организаций и проектов в сфере креативных индустрий России // Федерация креативных индустрий. URL: <https://map.creative-russia.ru/#table> (дата обращения: 27.05.2026).

² Рейтинг креативных регионов России: 2024 / Под ред. Л. М. Гохберга, Е. С. Куценко. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1019255529.pdf> (дата обращения: 27.05.2026).

актов и инициатив, направленных на поддержку креативного сектора экономики. В частности, принятие Федерального закона № 330-ФЗ «О развитии креативных индустрий в Российской Федерации» создало правовую основу для расширения сферы креативных кластеров и стимулирования частных инициатив.

Креативные кластеры в российских городах формируются преимущественно на территории бывших промышленных зон, проходящих процесс ревитализации, и превращаются в центры культурной, образовательной и экономической активности. Подобные проекты характерны как для зарубежных, так и российских мегаполисов, однако для России это явление более новое.

Первые креативные пространства в странах Запада, например Монмартр в Париже и Гринвич-Виллидж в Нью-Йорке, появились еще в середине XIX в. Они словно выростали «снизу», часто возникая по инициативе творческих сообществ писателей, художников, актеров и пр. В России создание креативных кластеров началось с 2000-х гг. Центр дизайна и архитектуры Artplay в Москве можно считать одним из первых подобных проектов, который запустил процесс ревитализации бывших промышленных зон и их преобразование в креативные площадки.

Креативные кластеры как локальные платформы, где реализуются социальные и экономические практики креативных индустрий, и сегодня остаются тесно связаны с творческими практиками. Так, опрос АЦ ВЦИОМ (май 2025 г.) показал, что креативные индустрии воспринимаются большей частью россиян в одинаковой степени и как сфера творческой самореализации, и как возможность для извлечения прибыли¹.

Теоретическая база исследования

Исследования креативности в городской среде представляют собой междисциплинарную область, где пересекаются социология города, урбанистика, география, экономика и др. научные дисциплины. Как результат, их лингвистическое поле и понятийный аппарат постоянно обогащаются схожими терминами. Слова «креативные», «культурные», «творческие», иногда «арт» применительно к кластерам или пространствам часто рассматриваются как близкие по своему лексическому значению и нередко используются в качестве синонимов. Это может вызывать неоднозначность в их интерпретации. В западном дискурсе более распространен термин «креативный кластер», который акцентирует внимание на экономическом измерении и сетевой структуре взаимодействий внутри креативных индустрий [16].

В российских социологических исследованиях чаще встречается понятие «креативное пространство», по своему смысловому наполнению близкий к «третьему месту» Р. Ольденбурга, которым обозначают пространства, располагающиеся между домом и работой и выполняющие функции

¹ Россия – креативная наша держава! // АЦ ВЦИОМ: Аналитический обзор. 2025. 13 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-kreativnaja-nasha-derzhava> (дата обращения: 25.05.2026).

социализации, коммуникации и формирования сообществ [11]. В данной интерпретации креативные пространства служат не только местами для коммуникации и неформальных взаимодействий, но и предоставляют местным сообществам площадку для самовыражения и формирования локальной идентичности в купе с культурным капиталом [5; 7], что делает их важным элементом публичной сферы. З. Ю. Желнина и Е. Ю. Терещенко предлагают различать понятия «кластер» и «пространство», трактуя последнее шире – «как место сосредоточения человеческих ресурсов, событий, а также место, изменяющее социальное поведение» [5, с. 226]. В отличие от «пространства», «кластер» локализован в границах, определенных нормативными актами.

В настоящей статье под *креативным кластером* будет пониматься институционально оформленный субъект креативных индустрий, обладающий правовым статусом, единой территорией, управленческой структурой и экономической функцией, а под *креативным пространством* – общественное пространство, территориально сформированное вокруг ядра, коим является креативный кластер.

Теоретическая рамка исследований креативных кластеров формируется на стыке нескольких направлений социологии города. В западной науке ключевым является подход, опирающийся на концепции креативного класса и «креативного города», которые представлены в работах Р. Флориды [14] и Ч. Лэндри [9]. Данные авторы связывают развитие городской среды с притоком представителей креативного класса и созданием условий для культурного и инновационного производства. В свою очередь теоретики критической урбанистики (Ш. Зукин [6], П. Маркузе [17], Д. Харви [15]) указывают на противоречивый характер этих процессов, отмечая, что креативные индустрии способствуют не только экономическому росту, но и социально-пространственной дифференциации.

Концепция производства пространства А. Лефевра рассматривает город как социально-культурный конструкт, формируемый не только физической инфраструктурой, но также практиками, символикой, нормами и институциональными отношениями. По Лефевру, пространство создается через взаимодействие социальных акторов, их повседневные практики и власть, при этом каждый его элемент отражает соотношение сил, интересов и возможностей разных групп. В рамках данной логики право на город выступает как принцип, подчеркивающий право жителей участвовать в формировании, освоении и определении значения городского пространства, а не только пользоваться им [8]. Художественные практики и культурные инициативы в креативных кластерах можно рассматривать в качестве конкретных механизмов реализации этого права. Посредством них акторы символически «захватывают» территории, нередко меняя их социальный ландшафт и культурный статус.

Изменение социального ландшафта городской территории неизбежно запускает процесс джентрификации, понимаемой как социально-пространственная трансформация районов, сопровождающаяся замещением менее обеспеченных групп населения более состоятельными, ростом стоимости жилья и изменением инфраструктуры. При этом само понятие

джентрификации остается дискуссионным: в российской социологии обсуждается его принципиальная применимость к локальному контексту, тогда как в зарубежных исследованиях ведутся споры относительно границ обозначаемого им феномена, механизмов протекания и нормативной оценки [1].

Ш. Зукин соотносит процессы джентрификации с культурной политикой и эстетизацией городских пространств, ведущих к вытеснению уязвимых групп и формированию новых границ доступа [6]. В данном контексте креативные кластеры предстают частью более широкого механизма капитализации города, где культурные практики тесно связаны с изменениями в социальной структуре и пространственном неравенстве.

В отечественной социологии изучение креативных кластеров носит преимущественно эмпирический характер и осуществляется на материале отдельных кейсов из разных российских городов. Предметный диапазон таких исследований весьма широк и отражает их междисциплинарный характер: молодежные практики и социализация молодежи [3], управленческие особенности организации креативных пространств [5], социально-пространственная дифференциация [4], городской активизм и вовлеченность [13], культурные стратегии молодежи [12] и пр.

Вместе с тем в российской научной литературе, посвященной обсуждаемой тематике, прослеживается ряд «белых пятен»: например, отсутствует комплексная систематизация социальных эффектов креативных кластеров, которая учитывала бы локальную, институциональную и культурную специфику. В целях восполнения указанного пробела авторами настоящей статьи было проведено исследование, ориентированное на изучение роли креативных кластеров в жизни горожан (жителей Москвы) и выявление социальных эффектов их функционирования в мегаполисе.

Эмпирическая база и методика исследования

Исследование проводилось авторами в марте 2025 г. методом уличного интервью с горожанами, проживающими во внутригородских муниципальных образованиях (районах) города Москвы, на территории которых расположены креативные кластеры. Основным критерием отбора информантов являлось проживание в соответствующем муниципальном образовании в течение 5 и более лет, а вообще в Москве – более 15 лет. Введение данного ограничения должно было обеспечить включенность опрашиваемых в жизнь района и его историю, а также фактическое знание его основных объектов, в том числе креативных кластеров. Всего в исследовании приняло участие 30 человек старше 18 лет (18 женщин и 12 мужчин), преимущественно проживающих в Центральном административном округе (ЦАО) г. Москвы (22 чел.), где расположена большая часть наиболее известных на сегодняшний день столичных креативных кластеров. Также опрашивались жители Северо-Восточного (СВАО) и Южного (ЮАО) административных округов, где тоже имеются креативные площадки. Гайд интервью состоял из четырех блоков – социально-демографического (возраст, сфера деятельности, район и период проживания в нем) и трех основ-

ных: 1) точки притяжения в районе, 2) креативные кластеры района, 3) восприятие креативных кластеров и изменений в районе. Сводная информация по административным округам, муниципальным образованиям, количеству опрошенных и характеристикам кластеров представлена в таблице 1.

Таблица 1 (Table 1)

**Характеристики изучаемых креативных кластеров
и количество опрошенных жителей**

Characteristics of the studied creative clusters and the number of surveyed residents

Административный округ, муниципальное образование	Характеристики креативных кластеров ¹	Количество информантов
ЦАО, Якиманка	<p>Дом культуры «ГЭС-2». Год открытия: 2021. <i>Бывшее назначение:</i> обеспечение энергией отдельных объектов столичной городской инфраструктуры. <i>Современное назначение:</i> выставочное пространство, пространства для проведения образовательных и культурных мероприятий, кафе, книжный магазин, коворкинг.</p> <p>Арт-кластер «Красный Октябрь». Год открытия: 2007. <i>Бывшее назначение:</i> производство шоколада и кондитерских изделий. <i>Современное назначение:</i> выставочное пространство, мастерские, коворкинги и офисные помещения, музей, кафе и рестораны.</p>	6
ЦАО, Басманный	<p>Центр дизайна и архитектуры Artplay. Год открытия: 2003. <i>Бывшее назначение:</i> бронзо-меднолитейный, чугунолитейный и арматурный завод и фабрика манометров (завод «Манометр»).</p> <p><i>Современное назначение:</i> предоставление аренды архитектурным и дизайнерским бюро, шоурумы, офисы, Университет креативных индустрий, выставочные пространства и студии, заведения общепита и др.</p> <p>Центр современного искусства «Винзавод». Год открытия: 2007. <i>Бывшее назначение:</i> производство вина. <i>Современное назначение:</i> выставочные залы, креативные мастерские, галереи, мастер-классы, рестораны и кафе.</p> <p>Центр творческих индустрий «Фабрика». Год открытия: 2005. <i>Бывшее назначение:</i> производство бумаги. <i>Современное назначение:</i> пространство для работы и творчества, показ экспериментальных некоммерческих художественных проектов и поддержка современных авторов.</p>	13

¹ Перечислены наиболее известные креативные пространства района.

Продолжение таблицы 1

Административный округ, муниципальное образование	Характеристики креативных кластеров ¹	Количество информантов
ЦАО, Пресненский	<p>«Трехгорная мануфактура». Год открытия: 2008. <i>Бывшее назначение:</i> текстильное производство. <i>Современное назначение:</i> бизнес-центр, бутики, ночные клубы, заведения общепита.</p>	3
СВАО, Бутырский	<p>«Дизайн-завод» (ранее – «Дизайн-завод “Флакон”»). Год открытия: 2009. <i>Бывшее назначение:</i> хрустально-стеклянный завод по производству парфюмерной посуды. <i>Современное назначение:</i> проведение культурных мероприятий, шоурумы, фестивали. Хлебозавод № 9. Год открытия: 2019. <i>Бывшее назначение:</i> выпекание хлебобулочных изделий. <i>Современное назначение:</i> расположение шоурумов российских брендов, выставочное пространство, аренда помещений.</p>	5
ЮАО, Даниловский	<p>Культурный центр ЗИЛ. Год открытия: 2012. <i>Бывшее назначение:</i> Дворец культуры для рабочих. <i>Современное назначение:</i> культурный центр для детей и подростков.</p>	3

Примечание. Составлено авторами по материалам исследования.

Результаты исследования

В ходе анализа полученных данных был выявлен широкий спектр социальных эффектов, которые кластеры оказывают на городскую среду. В первую очередь они проявляются в пространственно-социальной плоскости: касаются взаимодействия акторов с пространством и того, как оно воспринимается. Такие эффекты носят разнонаправленный характер и либо способствуют интеграции жителей в жизнь кластера, либо ограничивают их участие.

Прежде всего, креативные кластеры выступают драйверами ревитализации пространств, которые ранее воспринимались как небезопасные или заброшенные. Наиболее ярко это проявилось на примере территорий вблизи Курского вокзала, где располагается несколько общественно-деловых и креативных зон, в том числе Artplay и «Винзавод». По свидетельствам информантки, принадлежащей к старшему поколению, еще недавно прогулки в том месте были сопряжены с тревогой: *«И тут ходить было, конечно, стремно, особенно вечером, потому что вокзал рядом. Ну, серьезные бандиты тут гулять не будут, а вот мелкая шпана. Там*

люди пропадали, там грабили, там всякое разное. Пока вот “Винзавод” не активировался и не началась более-менее такая активная жизнь, так сейчас нормально» (жен., Басманный). Ее слова подтвердила другая информантка: «Раньше тут немножечко было, как бы вам сказать, ну не то, чтобы опасно, но немножко так тревожно. Вечером пройти было страшно, особенно под мостом. Сейчас как-то вот бесстрашно мы ходим, в любое время дня и ночи» (жен., Басманный). Эти наблюдения согласуются с концепцией «глаз, устремленных на улицу» Дж. Джекобс [2]: постоянный поток посетителей, событий и активностей формирует эффект социального контроля, вследствие чего снижается вероятность возникновения стихийной криминогенности.

Наряду с изменением восприятия безопасности, креативные кластеры становятся также значимыми драйверами пространственно-экономической трансформации. Довольно отчетливо это проявилось в случае с «Дизайн-заводом» (ранее – «Дизайн-завод “Флакон”»), развитие которого стимулировало масштабные изменения близлежащего пространства. Согласно информантам, с развитием кластера в районе стали появляться кафе, магазины, жилые комплексы, необходимые транспортные решения. Постепенно сформировалась целая «экосистема». «Дизайн-завод» превратился в значимый городской ориентир, наличие которого учитывали в своих планировочных решениях даже такие крупные девелоперские проекты, как «Савеловский Сити».

Впрочем, не все креативные кластеры оказывают положительный эффект на преобразование близлежащей территории. Так, ЦТИ «Фабрика» в восприятии части местных жителей ассоциируется скорее с маргинализацией примыкающего к ней пространства, чем с его оживлением. В отличие от «Винзавода» или Artplay, здесь фиксируется низкий поток посетителей и ограниченный спектр культурных событий, что препятствует формированию устойчивого чувства безопасности и социальной включенности. Для многих местных жителей эта площадка незнакома, а те, кто о ней все же знали, порой отзывались негативно: «Когда там [на ЦТИ «Фабрика»] что-то заканчивается... Такое идет в пьяном виде... кричат» (муж., Басманный), и противопоставляли другим, более известным кластерам. Данная характеристика указывает на то, что отсутствие достаточной посещаемости и включенности местных сообществ в жизнь кластера приводит к формированию стигматизирующего представления о нем. Как следствие, позитивной ревитализации территории не происходит.

В то же время описанную ситуацию, если следовать логике Ш. Зукин, можно трактовать не только как провал ревитализационного проекта, но и как форму сопротивления джентрификации. Поскольку пространство не стало массово институционализированным и не превратилось в площадку престижного потребления, оно не запустило процессы вытеснения уязвимых групп и не вошло в категорию элитарных культурных кластеров. Иными словами, «Фабрика» может восприниматься как зона низовой автономии, которая сохраняет менее коммерциализированный характер. В этом смысле маргинализированный статус пространства хоть и снижает его привлекательность в глазах широкой публики, одновременно позволяет сохра-

нить доступный потребительский ландшафт и избежать сценария вытеснения уязвимых групп, характерный для более институционализированных кластеров. Эта «маргинализированность» оказывается, по сути, формой культурного разнообразия, когда в городе сохраняются территории с альтернативными практиками и менее стандартизированным образом жизни.

Таким образом, создание креативных кластеров может запускать разные, подчас амбивалентные, сценарии. В одних случаях новые площадки, как это произошло с Artplay и «Винзаводом», становятся драйверами позитивной трансформации и символического закрепления территории, что, однако, сопряжено с рисками джентрификации, а в других – как с «Фабрикой» – могут остаться на периферии культурного поля без вовлечения массовой аудитории, но тем самым сыграть роль своеобразного противовеса процессам вытеснения и коммерциализации.

Ревитализация территории ведет к изменению ее визуального облика и сопровождается добавлением символических объектов, маркирующих пространство. Отличительной особенностью всех креативных кластеров является демонстрация творческих элементов: скульптур, стрит-арта, арт-объектов и пр. Стены зданий большинства креативных зон украшены муралами и граффити. Иногда такая арт-трансформация приводит к столкновению институализированных акторов и контркультурного сообщества. Подобные конфликты возникают в ситуациях, когда креативный эксперимент встраивается в повседневное городское пространство без достаточного «перевода» с художественного языка на понятный широкой аудитории, в результате чего эстетическая провокация не влечет за собой символическое осмысление, а воспринимается как визуальное нарушение привычной среды [10].

Так, вблизи кластеров Artplay и «Винзавода» обнаруживаются разнообразные формы уличного искусства – от муралов до теггинга. По пути от станции метро «Курская» к этим площадкам можно наблюдать пространственное разграничение данных практик: на одной стороне стены размещены преимущественно муралы, а на противоположной (за железнодорожными путями) – граффити в форме райтинга¹. Теоретическое объяснение данного феномена содержится в концепции производства пространства А. Лефевра [8]. Согласно ей стрит-арт – это способ переосмысления и символического захвата территории, особенно в районах, которые ранее были индустриальными и ныне проходят процесс ревитализации. Муралы в креативных пространствах составляют часть институционализированной культуры: они согласованы, курируются, формируют визуальный образ пространства, а в случае с Artplay еще и регулярно обновляются. Райтинг, напротив, является маркером неформального, стихийного присутствия, часто ассоциирующегося с «низовыми» практиками самовыражения. Контраст и столкновение между разными видами стрит-арта символизирует границу, разделяющую «официальный» и «контркультурный» город.

¹ Мурал – крупноформатное настенное изображение на фасадах зданий и других архитектурных поверхностях; теггинг – простая форма граффити, представляющая нанесение авторской подписи (тега); райтинг – сложные граффити-композиции с использованием стилизованных шрифтов и художественных приемов.

Другим примером арт-трансформации территории служит скульптура швейцарского художника Урса Фишера «Большая глина № 4», выставлявшаяся на набережной у «ГЭС-2» с 2021 по 2025 г. Согласно задумке автора проекта, работа символизирует исходный импульс к творчеству и созиданию, воплощая момент формирования художественного замысла в материальной форме. Вместе с тем объект был выполнен в логике современного искусства, предполагающего вариативность интерпретаций. Как отмечают А. К. Мамедов и соавторы, анализирувавшие данный кейс, инсталляция носила провокативный характер, апеллируя к эстетике намеренного отторжения, и предполагала включение зрителя в рефлексивный диалог [10, с. 47]. Появление скульптуры вызвало широкий общественный резонанс и стало предметом дискуссий среди москвичей. Горожане отнюдь не всегда бывают готовы к подобному включению, и зачастую воспринимают такого рода эстетический вызов как «безвкусный» объект визуального шума [10, с. 48].

«Не люблю я ее [«Большую глину № 4»], терпеть не могу», – признался один из наших информантов (муж., Якиманка). В условиях повседневного использования городского пространства попытка «поговорить с горожанином» оказалась воспринята негативно значительной частью жителей, породила противоречивые реакции и эффект неприятия. В августе 2021 г. социологическая компания Russian Field провела опрос среди москвичей, по итогам которого выяснилось, что большинству (77%) арт-объект совершенно или скорее не нравится. Тем не менее примерно половина респондентов сообщили о своем желании глубже разобраться в замысле автора, что свидетельствует об амбивалентности восприятия и наличии разрыва между интересом к современному искусству и отсутствием доступных механизмов его интерпретации в публичном пространстве. Около трети москвичей ассоциировала скульптуру с продуктами жизнедеятельности и лишь 1 из 10 опрошенных увидел в ней глину¹. Косвенным индикатором конфликтности стала выставленная возле арт-объекта охрана, что дополнительно маркировало дистанцию между ним и горожанами.

В связи с внешнеполитическими обстоятельствами инсталляция, которая должна была простоять на набережной чуть меньше года, «прожила» там почти четыре. Только в конце июля 2025 г. ее демонтировали, после чего на том же месте установили другой арт-объект – «Садовую лопатку» авторства К. Олденбурга и К. ван Брюгген, которая тоже породила волну обсуждений, но уже не столь острую и масштабную. Новая инсталляция также сопровождается активными медиаторскими практиками, реализуемыми «ГЭС-2»: экскурсиями-обсуждениями, образовательными форматами и работой с аудиторией через социальные сети, призванными снизить уровень символического конфликта и способствовать более инклюзивному восприятию современного искусства в публичном пространстве.

¹ Москвичам подложили кучу: социологи выяснили у горожан их отношение к новой шумевшей инсталляции // Russian Field. URL: <https://russianfield.com/glina4> (дата обращения: 27.05.2026).

Контраст между институционализированным и неформальным искусством в представленных примерах отражает борьбу за символическое право на город. В логике А. Лефевра это право предполагает возможность для разных социальных групп определять облик города и участвовать в использовании его пространства. Однако в условиях институционализации уличное искусство превращается в инструмент культурной политики и маркетинга, закрепляющий за территорией «официальные» коды. В результате контркультурные формы творческого выражения оказываются маргинализированными и вытесняются на периферию. Описанный процесс представляет собой обратную сторону джентрификации, которую Ш. Зукин связывает с культурным освоением территории и замещением спонтанных низовых практик эстетизированными и управляемыми формами. Иными словами, муралы в креативных кластерах не только украшают фасады, но и символизируют институциональное закрепление новых норм. В свою очередь райтинг выступает напоминанием о конфликтном характере производства пространства и о тех группах, чьи права на город остаются ограниченными. Как в случае со стрит-артом, так и в случае с арт-объектами, можно наблюдать борьбу между официальным городом, где культурное содержание регулируется институциями, и «низовым», где массовое восприятие отвергает предложенные символы или иронизирует над ними.

Значимым социальным эффектом креативных кластеров является сохранение архитектурного наследия и формирование коллективной памяти. Во всех изученных нами пространствах присутствуют акцентные исторические элементы, которые напоминают посетителям о бывшем назначении места или личностях, связанных с ним: в «ГЭС-2» это объекты, которые ранее служили производственным оборудованием, а на «Трехгорной мануфактуре» – мемориальные доски в память о рабочих фабрики, участвовавших в восстании 1905 г. Историческими отсылками служат также названия кафе, магазинов, внутренних помещений, располагающихся на территории пространств. Например, на «Винзаводе» сохранились исторические названия цехов: Цех Белого, Цех Красного, Большое Винохранилище, а на Хлебозаводе № 9 можно найти универмаг «Марсаков», названный по фамилии советского инженера Г. П. Марсакова, создателя кольцевого конвейера для изготовления хлеба.

Для местных жителей представляется ценным то, что производственные здания не были уничтожены, а получили новое наполнение: *«Нравится, что его [«Красный Октябрь»] не снесли. Архитектура вообще, такая индустриальная»* (муж., Якиманка). У жителей старших поколений новые пространства порой оказываются тесно связаны с личными воспоминаниями. Так, жительница Бутырского района, беседуя с нами, рассказала, что некогда на месте Хлебозавода № 9 *«пахло булочками, и нас, детей, угощали свежим хлебом»* (жен., Бутырский). Подобные переживания демонстрируют, как индустриальные здания превращаются в «места памяти», сохраняющие связь с прошлым через запахи, визуальные образы, индивидуальные истории.

Креативные кластеры выступают площадками формирования новых форм коммеморативных практик, где прошлое сберегается не только через архитектуру, но и через новые нарративы, встроенные в идентичность места. Именно коллективное признание наделяет эти здания статусом культурного артефакта и закрепляет их как элементы городской памяти. Пространство становится ареной для «переосмысления» и «символического захвата» через институционализированный стрит-арт и исторические отсылки в названиях кафе или арт-объектов.

Наряду с включенностью креативные площадки могут также порождать дистанцирование и самоисключение. Часть горожан, даже положительно оценивающих реконструкцию, не посещают новые пространства в силу тех или иных причин: *«Сейчас Трехгорка очень сильно питьевое заведение. Мне это не нравится, на самом деле. То есть я не за это, но то, что она симпатичная, она красивая в целом как пространство»* (муж., Пресненский). Жители старших возрастов признаются, что в подобных местах им *«делать нечего»*, *«это места для молодежи»*, а им *«это неинтересно»*. У некоторых информантов сложился амбивалентный характер взаимодействия с кластером: с одной стороны, они отмечают, что пространство им не подходит в силу возраста или субъективного восприятия как странного, а с другой – все же посещают конкретные точки: *«Там довольно странные для нас места, необычные, потому что они в основном для молодежи. Я люблю там просто прогуливаться, на людей смотреть. Там много заведений, кофейку попить приятно. Вообще хорошая территория»* (жен., Бутырский). Дистанцирование проявляется и через деление территории на «свою–чужую». По словам жительницы Бутырского района, хотя она любит слушать доносящуюся из тех мест музыку и наблюдать за молодежью, но поддержала соседей, решивших огородить придомовую территорию с целью защититься от вандализма: *«Здесь не было загородки, поэтому здесь ходил кто угодно, ну, соответственно, там... И люди ходят разные, понимаете, здесь молодежь довольно-таки неформальная. Неформальные люди, они ведут себя неформально, они все ломают, рисуют. Там, кстати, есть магазин такой специальный, с такими вот штучками... баллончики. Вот они их очень любят, очень портят, естественно, фасады, да и машины тоже»* (жен., Бутырский).

Подобные формы дистанцирования и самоисключения можно трактовать как проявление конфликтного характера производства пространства. Разделение территории на «свою» и «чужую» отражает неравномерность реализации права на город: одни группы активно осваивают новые креативные зоны, другие – сознательно отказываются от участия, ограничиваясь внешним наблюдением или минимальным присутствием. Дистанцирование жителей становится не только выражением отстраненности, но и формой пассивного отказа от борьбы за символическое присвоение территории, где культурные коды задаются преимущественно молодыми и более мобильными аудиториями.

Мультифункциональность – одна из черт современных общественных пространств, в том числе креативных, которая накладывает отпечаток на формирование новых поведенческих практик, объединяющих культурные, образо-

вательные и потребительские сценарии. Так, посетители «ГЭС-2» используют кафетерии не только как места отдыха, но и как площадки для работы и учебы, что способствует возникновению гибридных форм труда и досуга.

Особую роль в новых креативных пространствах играют практики потребления. На территории кластеров нередко размещаются заведения общепита разного уровня, торгово-выставочные зона (например, в Artplay), брендовые (такие как универмаг концептуальных марок «Марсаков» на Хлебозаводе № 9) и крафтовые магазины, которые предлагают посетителям эксклюзивные продукты или товары. Креативные кластеры дают возможность совершить необычную покупку: *«Ну, если допустим что-то хочу купить в подарок или себе там еще что-то, я, наверное, первым делом сюда поеду, нежели в какой-нибудь торговый центр или еще какое-то заведение, потому что здесь можно найти что-то такое необычное»* (муж., Бутырский). Иными словами, посещение кластера превращается не только в культурное событие, но и в акт демонстративного потребления, а экономическая эксклюзивность товаров, в свою очередь, усиливает символическую элитарность места. Предложение «уникальных вещей» формирует особую логику посещения: приход в кластер становится способом демонстрации культурного капитала и принадлежности к определенной социальной группе.

Описанные потребительские практики тесно связаны с пространственно-экономической трансформацией районов. Рост престижности территории, обусловленный креативным наполнением и культурным капиталом кластеров, стимулирует девелоперскую активность и повышает привлекательность жилой застройки. Нередко в таких районах наблюдается тенденция к увеличению стоимости недвижимости и аренды, что отражается на повседневных расходах местных жителей, отмечающих постепенное исчезновение доступной инфраструктуры: *«Вот здесь нет магазинов, нет аптеки. Все далеко, надо бегать на Пресню»* (жен., Пресненский). Подобное также является проявлением джентрификации и продовольственной сегрегации, когда рост цен и изменение потребительской инфраструктуры вытесняют менее обеспеченные группы населения. Происходит перенос социального пространства в физическое: более состоятельные акторы закрепляют свои позиции, а уязвимые группы оказываются исключенными из обновленных районов. Однако важно отметить, что данная тенденция удорожания жизни характерна в целом для большинства центральных районов любых мегаполисов.

Итак, анализ полученных в ходе проведения исследования данных позволил выделить пять ключевых социальных эффектов московских креативных кластеров.

1. Эффект социального контроля. Постоянное присутствие посетителей и проведение мероприятий создают эффект социального контроля, который способствует повышению чувства безопасности в районе.

2. Эффект визуального кодирования. Муралы, арт-объекты и институционализированные формы искусства закрепляют за территорией новый социальный и культурный статус, но также могут провоцировать конфликты между «официальной» и «контркультурной» городской идентичностью.

3. Эффект пространственно-экономической трансформации. С одной стороны, креативный кластер формирует целую «экосистему» новых объектов, становясь драйвером девелоперских проектов, а с другой – рост привлекательности территории ведет к удорожанию жизни, формирует продовольственную сегрегацию и запускает процессы джентрификации, закрепляя тем самым социальное неравенство.

4. Коммеморативный эффект. Индустриальные здания становятся площадками для коммеморативных практик, которые, впрочем, могут иметь различное значение для разных поколений и социальных групп.

Эффект социального исключения и самоисключения. Некоторые жители склонны воспринимать креативные кластеры как «чужие» пространства, что свидетельствует о неравномерной реализации права на город и существовании социальных барьеров.

Заключение

Интерпретация полученных результатов через призму концепций, составивших теоретическую основу исследования, подтверждает амбивалентный характер влияния креативных кластеров на городскую среду. В контексте критической урбанистики (П. Маркузе, Д. Харви) они выступают как драйверами ревитализации и символического оживления территорий, так и агентами социальной дифференциации, формирующими новые барьеры и исключения. Концепция производства пространства А. Лефевра оказывается особенно релевантной. Креативные кластеры наглядно демонстрируют, что городские территории не существуют как нейтральный фон, а конструируются и перекодируются через художественные практики, визуальные символы и институционализованные культурные формы. Контраст между институционализированным стрит-артом и низовыми практиками райтинга, а также восприятие крупных арт-объектов, таких как скульптура «Большая глина № 4» у «ГЭС-2», подтверждают, что пространство всегда является ареной борьбы за символическое право на город, где разные социальные группы по-разному интерпретируют и присваивают его.

Именно эта амбивалентность позволяет трактовать креативные кластеры как «пограничные пространства» современной урбанистики, связанные с реализацией конкурирующих сценариев: с одной стороны, они становятся драйверами культурного и экономического развития (Artplay, «Винзавод», «Дизайн-завод»), а с другой – сохраняют черты маргинализированных зон (ЦТИ «Фабрика»).

Выявленные социальные эффекты, которые креативные кластеры оказывают на городскую среду, демонстрируют, что подобные пространства действуют не только как культурные и экономические проекты, но и как социальные институты, способные трансформировать локальные отношения и формы включенности.

В заключение отметим ряд ограничений данного исследования, которые определяют направления для возможного дальнейшего изучения креативных кластеров и их социальных эффектов. Во-первых, географическая привязка к Москве затрудняет распространение представленных выводов на другие российские мегаполисы, где структура городской ткани, масштабы девелопмента и культурные политики могут быть иными. Сравнительный анализ позволил бы выявить общие закономерности и локальные специфики влияния креативных кластеров. Во-вторых, ограниченность временного горизонта не позволяет судить о происходящих процессах в динамике. Полученные данные являют собой одномоментный срез, тогда как джендтрификация и изменение городской идентичности носят динамический характер, требующий лонгитюдного наблюдения.

Креативные кластеры Москвы играют важную роль в трансформации городской среды. Оказываемые ими эффекты отражают сложный и конфликтный процесс производства современного города. Эти эффекты подтверждают наличие тесной связи между пространственными изменениями и трансформацией социальной структуры, позволяя рассматривать указанные процессы как взаимообусловленные. Полученные результаты закладывают основу для дальнейших теоретических и эмпирических исследований городских трансформаций в современной России, где креативные кластеры выступают индикаторами и одновременно агентами социальных и культурных изменений.

Библиографический список

1. Горбачевская Е. Ю. Нарративы западной и российской джендтрификации: общее и особенное // *Жилищные стратегии*. 2021. Т. 8. № 2. С. 151–170. DOI: 10.18334/zhs.8.2.112240; EDN: BWDDZL.
2. Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. с англ. Л. Мотылева. М.: Новое изд-во, 2011. 460 с.
3. Ермакова Л. И., Суховская Д. Н. Роль креативной среды российского города в формировании ценностных ориентаций личности горожанина // *Манускрипт*. 2016. № 10(72). С. 86–89. EDN: WLWONX.
4. Желнина А. А. Творчество «для своих»: социальное исключение и креативные пространства Санкт-Петербурга // *Креативные индустрии в городе: вызовы, проекты и решения: сб. науч. ст. / Под общ. ред. Ю. О. Папушиной, М. В. Матецкой*. СПб.: Левша-Санкт-Петербург, 2012. С. 42–57.
5. Желнина З. Ю., Терещенко Е. Ю. Методы изучения креативных пространств в контексте формирования культурного капитала города // *Общество: философия, история, культура*. 2025. № 4. С. 225–231. DOI: 10.24158/fik.2025.4.30; EDN: YHUACQ.
6. Зукин Ш. Культуры городов / Пер. с англ. Д. Симановского. 2-е изд. М.: НЛО, 2018. 419 с.

7. Кузинер Е. Н., Петрунина Д. С. Креативные пространства как «третьи места» в регионах России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 333–355. DOI: 10.14515/monitoring.2022.6.2316; EDN: MFDKQY.
8. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с англ. И. К. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
9. Лэндри Ч. Креативный город / Пер. с англ. В. Гнедовского, М. Хрусталевой. М.: Классика-XXI, 2006. 399 с.
10. Мамедов А. К., Коркия Э. Д., Максимов А. А. К вопросу об эстетике безобразного на примере современной скульптуры в общественном пространстве // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 4. С. 44–50. EDN: ZGYCEB.
11. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Пер. с англ. А. Широкановой. М.: НЛЮ, 2014. 456 с.
12. Радченко Д. А., Алексеевский М. Д. Культура в сетях мобильности: стратегии выбора досуговых практик молодыми петербуржцами // Фольклор и антропология города. 2019. Т. 2. № 3-4. С. 106–131. DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-106-131; EDN: OFQBWO.
13. Рассолова Е. Н., Галкин К. А. «Больше творческой энергии»: смыслы и функции творческого пространства в моногороде (на примере Набережных Челнов) // ИНТЕР. 2022. Т. 14. № 2. С. 55–65. DOI: 10.19181/inter.2022.14.2.3; EDN: LTCNBF.
14. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее / Пер. с англ. Н. Яцюк. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 384 с.
15. Харви Д. Социальная справедливость и город / Пер. с англ. Е. Ю. Герасимовой. 2-е изд. М.: НЛЮ, 2019. 440 с.
16. Chapain C., Sagot-Duvaurox D. Cultural and creative clusters – a systematic literature review and a renewed research agenda // Urban Research & Practice. 2018. Vol. 13. No. 3. P. 300–329. DOI: 10.1080/17535069.2018.1545141.
17. Marcuse P. «Dual city»: a muddy metaphor for a quartered city // International Journal of Urban & Regional Research. 1989. Vol. 13. No. 4. P. 697–708. DOI: 10.1111/j.1468-2427.1989.tb00142.x.

Получено редакцией: 26.01.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гудкова Яна Александровна, кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии

Пузанова Жанна Васильевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.6

Social Effects of Creative Clusters in Russian Megacities (Using Moscow as an Example)

Yana A. Gudkova

RUDN University, Moscow, Russia

gudkova-yaa@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-0930-9309

Zhanna V. Puzanova

RUDN University, Moscow, Russia

puzanova-zhv@rudn.ru

ORCID: 0000-0002-7405-3303

For citation: Gudkova Ya. A., Puzanova Zh. V. Social Effects of Creative Clusters in Russian Megacities (using Moscow as an Example). *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 99–116. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.6; EDN: AYYMVA.

Abstract. This article presents the results of the authors' study aimed at identifying the social effects of creative clusters in Moscow and their impact on the urban environment and social structure. Over the past decade, creative clusters have become a significant element of urban infrastructure, contributing to the economic, cultural, and social development of megacities. Their emergence is typically associated with the revitalisation of former industrial areas and the activation of local communities. The influence of such spaces extends beyond purely economic and cultural effects, affecting the social structure of the city, accessibility of territories, and the development of new practices. Despite growing interest in creative clusters, their social effects in the Russian context remain understudied. The theoretical basis for this study is A. Lefebvre's concept of spatial production and Sh. Zukin's works. According to these concepts, creative clusters are interpreted as spaces where cultural practices, economic interests, and processes of social differentiation intersect. The empirical basis of the study consists of street interviews with Muscovites residing in areas with creative clusters, primarily those formed on the sites of former industrial zones. Particular attention is paid to the visual coding of space through institutionalised and grassroots art forms, the clash of which reveals the struggle for symbolic rights to the city. The study revealed the multidirectional impact of creative clusters on the urban environment. On the one hand, they contribute to the revitalisation of territories, the formation of new communities, and an increased subjective sense of security. On the other, they alter consumption patterns, transform urban infrastructure, and limit the accessibility of certain areas for various social groups. The scientific significance of the article lies in identifying the key social effects of creative clusters—visualisation, economisation, social control, commemoration, and self-exclusion—reflecting the interconnectedness of spatial transformations and the social structure of the city. The obtained results can serve as a basis for further research on the transformation of Russian urban spaces.

Keywords: creative clusters, creative industries, urban space, Russian cities, social effects, socio-spatial differentiation, gentrification

References

1. Gorbachevskaya E. Y. Narratives of Western and Russian gentrification: general and special. *Zhilishhnye strategii*, 2021: 8(2): 151–170 (in Russ.). DOI: 10.18334/zhs.8.2.112240; EDN: BWDDZL.
2. Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. Transl. from Eng. by L. Motylev. Moscow, Novoe izd-vo, 2011: 460 (in Russ.).
3. Ermakova L. I., Sukhovskaya D. N. Role of Russia's creative urban environment when forming the citizen's value orientations. *Manuskript*, 2016: 10 (72): 86–89 (in Russ.). EDN: WLWOHX.
4. Zhelnina A. A. Creative activities for selected cider: social exclusion and the creative spaces of Saint Petersburg. In *Creative industries in the city: challenges, projects and solutions: coll. of scientif. art.* Ed. by I. O. Papushina, M. V. Matetskaya. St. Petersburg, Levsha-Sankt-Peterburg, 2012: 42–57 (in Russ.).
5. Zhelnina Z. Yu., Tereshchenko E. Yu. Methods of Studying Creative Spaces in the Context of Forming the Cultural Capital of Residents of a Modern City. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura*, 2025: 4: 225–231 (in Russ.). DOI: 10.24158/fik.2025.4.30; EDN: YHUACQ.

6. Zukin Sh. Cultures of cities. Transl. from Eng. by D. Simanovsky. 2nd ed. Moscow, NLO, 2018: 419 (in Russ.).
7. Kuziner E. N., Petrunina D. S. Creative Hubs as Third Places in Russian Regions. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2022: 6: 333–355 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2022.6.2316; EDN: MFDKQY.
8. Lefebvre A. The production of space. Transl. from Eng. by I. K. Staff. Moscow, Strelka Press, 2015: 432 (in Russ.).
9. Landry C. The creative city. Transl. from Eng. by V. Gnedovsky, M. Khrustaleva. Moscow, Klassika-XXI, 2006: 399 (in Russ.).
10. Mamedov A. K., Korkia E. D., Maksimov A. A. On the aesthetics of the ugly using the example of modern sculpture in public space. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya*, 2025: 4: 44–50 (in Russ.). EDN: ZGYCEB.
11. Oldenburg R. Third place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other places of «hangouts» as the foundation of the community. Transl. from Eng. by A. Shirokanova. Moscow, NLO, 2014: 456 (in Russ.).
12. Radchenko D., Alekseevsky M. Culture in the networks of mobility: strategies of choosing recreation practices among young petersburgers. *Folklor i antropologiya goroda*, 2019: 2: 3–4: 106–131 (in Russ.). DOI: 10.22394/26583895-2019-2-3-4-106-131; EDN: OFQBWO.
13. Rassolova E. N., Galkin K. A. «More Creative Energy»: Senses and Functions of Creative Space in the Industrial Town (the Case of Naberezhnye Chelny). *INTER*, 2022: 14: 2: 55–65 (in Russ.). DOI: 10.19181/inter.2022.14.2.3; EDN: LTCNBF.
14. Harvey D. Social justice and the City. Transl. from Eng. by E. Y. Gerasimova. 2nd ed. Moscow, NLO, 2019: 440 (in Russ.).
15. Florida R. The rise of the creative class. Transl. from Eng. by N. Yatsyuk. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2016: 384 (in Russ.).
16. Chapain C., Sagot-Duvaouroux D. Cultural and creative clusters – a systematic literature review and a renewed research agenda. *Urban Research & Practice*, 2018: 13: 3: 300–329. DOI: 10.1080/17535069.2018.1545141.
17. Marcuse P. «Dual city»: a muddy metaphor for a quartered city. *International Journal of Urban & Regional Research*, 1989: 13: 4: 697–708. DOI: 10.1111/j.1468-2427.1989.tb00142.x.

The article was submitted on: January 26, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yana A. Gudkova, Candidate of Sociological Sciences, Assistant of the Department of Sociology

Zhanna V. Puzanova, Doctor of Sociological Sciences, Professor of Department of Sociology, Head of the Laboratory

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ В СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.7

EDN: JASMSG

Субъектность управленцев в деятельности по развитию креативных индустрий территории

Ссылка для цитирования: Костко Н. А., Печеркина И. Ф., Андрианова Е. В. Субъектность управленцев в деятельности по развитию креативных индустрий территории // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 2. С. 117–143. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.7; EDN: JASMSG.

For citation: Kostko N. A., Pecherkina I. F., Andrianova E. V. Subjectivity of managers in the development of creative industries in the territory. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 117–143. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.7; EDN: JASMSG.

SPIN-код: 1736-0127

Костко Наталья Анатольевна¹

¹Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

n.a.kostko@utmn.ru

SPIN-код: 4418-0544

Печеркина Ирина Федоровна¹

¹Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

i.f.pecherkina@utmn.ru

SPIN-код: 6581-2576

Андрианова Елена Владимировна¹

¹Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

e.v.andrianova@utmn.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, направленного на выявление факторов, определяющих суть деятельности управленцев как субъектов процессов развития креативных (творческих) индустрий на региональном и муниципальном уровне в Тюменской области. Предметом исследования являются социальные характеристики, проявления субъектности управленцев: смысловое наполнение управленческого действия, убежденность, вовлеченность, роли/позиции управленца. Сочетание и взаимовлияние данных факторов, синергизм, характеризующий субъектность управленцев, принимается в качестве параметра, обеспечивающего понимание скрытых, субъективных аспектов деятельности управленцев. Еще один аргумент в пользу использования данных параметров, состоит в том, что их учет позволяет дополнить технологический универсализм и стандартизированность управленческих алгоритмов и регламентов. Исследовательская задача состояла в том, чтобы определить, какие из принятых в научной практике социальных параметров, которые характеризуют субъектность управленца, присутствуют в его деятельности в условиях существующего противоречия между действующей классической управленческой моделью и проявлениями новых, постбюрократических концепций управления. Исследование вносит дополнительный вклад в определение содержания управленческой деятельности субъектов процесса развития креативных (творческих) индустрий в условиях формирования новых принципов управления. Метод исследования – экспертный опрос. Использован тематический анализ, который проводился с помощью ручного кодирования и сочетания двух подходов «Small-q» и «Big-Q». Результаты исследования показали готовность экспертов к новой роли управленца – «сетевика», но инерция классического «чиновника», действующего строго в рамках формальных правил и регламентов, сохраняется у большинства респондентов, что подтверждает присутствие в практике управления элементов разных моделей реализации концепций государственного управления, а также позволяет подчеркнуть важность учета социальных параметров субъектности управленцев при достижении целей развития территории.

Ключевые слова: социология, государственное управление, креативные индустрии, бюрократия, управленческий потенциал, сетевые практики, роль управленцев

Введение

Современное общество характеризуется стремительностью перемен, затрагивающих базовые основания всех сфер жизни общества. Система публичной власти, ее элементы и структуры не являются исключением. Распространение в управленческой практике новых подходов, моделей, концепций, требований к основным акторам и субъектам системы является тому подтверждением. Складывается проблемная ситуация, когда, с одной стороны, управленцы обязаны строго выполнять формальные, институционально закрепленные нормы, нормативы, алгоритмы управленческого действия, что обеспечивает стабильность, последовательность, устойчивость системы публичной власти. С другой – факторы нестабильности и перманентных изменений требуют от них гибкости, оперативности, нестандартности действий, т. е. готовности проявлять адаптивность к новым социальным условиям. Стандартизация и алгоритмизация профессиональной деятельности как признак системности, упорядоченности и контроля, при этом эти

же стандарты и алгоритмы действия становятся «качественным барьером для недопущения отклонений и размышлений» [3, с. 118], что противоречит требованиям быстро меняющейся управленческой логике действий профессионалов. Данное противоречие нашло отражение в нескольких теоретических моделях, где представлены характеристики управленцев. Речь идет об иерархической модели бюрократического устройства (модель Вебера – Вильсона), концепции «нового государственного управления» или менеджмента (New Public Management) [6], «сетевого управления» [1]. Тенденции развития современного общества демонстрируют значение и ответственность выстраивания горизонтальных связей в системе публичной власти, управления на каждом уровне, включения в процесс заинтересованных лиц и обозначения за каждым участником взаимодействия его субъектности, как условия встраивания в эти связи и отношения [32].

Качественно новое положение управленца предполагает наличие у него ряда социальных характеристик проявления его субъектности. Понятие субъектности «показывает преобразовательное, деятельное и осознанное отношение человека к миру и самому себе» [7, с. 12]. Полагаем, что субъектность управленца можно измерить через следующие социальные параметры: *смысловое наполнение управленческого действия* (сформированность ценностей и целей), *убежденность* (информированность об объекте управленческого действия, знание о специфике территории как ценности, ее идентичности, историко-культурном потенциале, принятие целей развития, видение ключевых ресурсов и возможности их использования); *вовлеченность* (готовность к активной деятельности, к взаимодействию и выстраиванию отношений с другими субъектами); *роли/позиции управленца* (принятие ответственности, лидерства). Данный ряд параметров соответствует сложившейся традиции исследования субъектов управленческой деятельности. Предметом исследования являются социальные характеристики проявления субъектности управленцев по указанным выше параметрам.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выявить, какие именно социальные параметры, характеризующие субъектность, присутствуют у управленцев в условиях противоречия между действующей классической управленческой моделью и проявлениями новой модели, основанной на положениях теорий «нового государственного управления» и сетевого управления. Фокус исследования направлен на определение характеристик субъектности управленца, которые отвечают требованиям смены управленческой парадигмы, неустойчивости и противоречивости происходящих процессов развития, сложности задач по развитию креативных индустрий.

Метод исследования – экспертный опрос управленцев¹, участвующих в процессе развития креативных (творческих) индустрий. Процесс развития креативных (творческих) индустрий принимается в качестве

¹ В данной статье не проводится разграничение между государственными и муниципальными служащими, работниками подведомственных организаций регионального и муниципального уровней, исходя из их принадлежности к системе публичной власти регионального уровня. В качестве рабочего используется термин: управленец.

исследовательской рамки, которая позволяет замерить параметры, характеризующие субъектность управленцев, способность управленцев справиться с задачами развития территории.

Отметим, что большая часть исследований, посвященных креативным (творческим) индустриям, делает акцент на их экономической роли в развитии территории, создании условий их формирования, на интересах и потребностях представителей данной отрасли, но не на ключевых субъектах этого процесса в системе публичной власти, а именно управленцах.

Современный управленец: теоретические подходы

Внимание исследователей к определению социальной природы и характеристик «креативного класса» [10] затенило научный интерес к другим субъектам, включенным в процессы развития территорий и, собственно, креативных индустрий. Речь об управленцах регионального и муниципального уровней, подведомственных организаций, задействованных в процессах развития креативных индустрий как субъектов развития территории/муниципального образования.

Изменилось понимание городского развития, городской политики и управления, что нашло отражение в метком замечании Ч. Лендри: «Урбанистика умерла, да здравствует «созидательное создание города»» [49, с. 22]. При этом, значение и роль управления в обществе возрастает [12], что находит свое выражение в появлении множества концепций и моделей управления, в частности государственного и муниципального.

Сегодня выделяют несколько базовых и действующих концепций государственного управления¹: веберианскую; нового государственного менеджмента (New Public Management – NPM); общественно-государственного управления (NPG – управление, первоначально – «GG-управление») [14].

Зафиксируем ряд тезисов о том, что: новое государственное управление «провозглашает переход к постбюрократическому, менеджериальному миру» [20]; законы менеджмента не столь эффективно работают в системе государственного управления [21]; концепции не отменяют друг друга, а конвергируются.

В каждой модели реализации концепции государственного управления исследователями выделяются специфические принципы функционирования (см. табл. 1).

¹ Законодательно закрепленная уровневая система публичной власти не позволяет отождествлять государственное и муниципальное управление, но для целей исследования, говоря о моделях государственного управления, мы будем экстраполировать концептуальные идеи в области государственного управления на муниципальное.

Таблица 1 (Table 1)

Принципы реализации в концепциях государственного управления
Principles of implementation in public administration concepts

Принципы		
Веберовская концепция (Traditional Public Administration – TPA)	Концепция нового государственного менеджмента (New Public Management – NPM)	Концепция нового государственного администрирования (New Public Governance – NPG)
Разделение труда	Проектоориентированность	Проектоориентированность
Иерархичность	Высокий уровень подотчетности и прозрачности	Технологичность и алгоритмичность
Система мотивации	Контрактность	Контрактность
Следование формальным правилам	Контроль результатов, а не процессов выполнения	Бриколаж, открытость, транспарентность
Профессионализм, знания в сфере деятельности	Конкурентоспособность	Конкурентоспособность
Компетентность	Управление на основе компетенций	Управление на основе компетенций
Рациональность принятия решений	Клиентоориентированность	Клиентоориентированность
Регламентированность, подчинение правилам и процедурам	Ориентация на результат и эффективность	Ориентация на результат и эффективность
Ориентация на внутренние аспекты деятельности	Ориентация на внутренние аспекты деятельности	Ориентация на внешние аспекты деятельности. Сетевой характер отношений

Источники: составлено по: [6; 11, с. 325; 14; 19; 40].

Суть концепции NPM относительно позиции управленца сводится к его посреднической роли между органами управления и населением, функционально закрепляя за ним стратегирование и планирование процессов, с упором на достижение эффективности. За гражданами закрепляется статус клиента. Критики NPM не без основания говорят о том, что «выталкивание государственного управления в сферу рыночных отношений приводит к эрозии ценностей у госслужащих и размыванию сущности государственной службы как института служения социуму» [20; 45].

При всей неоднозначности теории NPG один из ее аспектов заслуживает внимания, а именно подход к определению роли современного управленца в социальной системе. По мнению исследователей [50, с. 500], управленцы в своей работе, четко следуя регламентам и нормативам, в рамках концепции NPG меняют свою классическую роль государственного/муниципального управленца/служащего на сетевого, который выстраивает отношения с различными заинтересованными сторонами. Роль управленца как связующего звена между субъектами развития, координатора и лидера, ответственного за происходящие изменения, не может не импонировать.

Потребность выстраивания отношений с социумом обусловлена повышением вовлечения и участия населения в принятии управленческих решений, и она будет только расти [35; 14, с. 29]. При взаимодействии бизнеса и власти на первый план выходит коммуникация как поиск взаимосогласованных позиций в публичной политике [34]. Исследователи выделяют новое социальное явление в информационном обществе, а именно, смарт-элиту, для которой характерно выстраивание горизонтальных связей, отношений, готовность брать на себя роль лидера [25, с. 44]. Управленец, который видит потенциальных партнеров для взаимодействия и готов к сотрудничеству, встает на позицию сетевого, тем самым демонстрируя новый подход к управлению.

Реалистичность, эффективность, достижимость управленческих целей любой концепции или модели напрямую связаны с субъектами ее реализации. Роль управленцев усиливается тем, что они являются частью, одним из элементов городского сообщества, «сообщества лидеров изменений — инициаторов и участников проектов развития, в том числе создания креативных пространств и модернизации городской инфраструктуры» [37, с. 184].

В настоящей работе акцент сделан на управленца как на универсальный компонент, который выступает связующим звеном в «трехуровневой системе государственного управления, включающей политическую, административную и операционную подсистемы, выделяемые на основе разного типа правил и механизмов, определяющих цели, ресурсы и способы управленческих процессов» [14, с. 14].

Анализ модели управления, ее основных элементов, в том числе управленцев, эксперты предлагают оценивать через качество функционирования административных процедур [17; 5]. Действительно, управленца, как элемента сложной системы, можно охарактеризовать с учетом ее функций, специфики, правил, норм, процедур, и как правило, это делается на основе объективных, количественно фиксируемых показателей. Однако при этом не всегда учитываются скрытые и неочевидные параметры, которые характеризуют управленца как субъекта управленческой деятельности. В данной работе не рассматривается психологический подход к пониманию субъекта, который сфокусирован на внутренних качествах и возможностях индивида [33, с. 162]. Определение параметров субъекта и субъектности в теории управления имеет свою историю. Управленец как субъект обладает определенным набором характеристик, в том числе субъектностью. В советское время, понимание и принятие целей развития рассматривалось в качестве «одной из предпосылок совершенствования управления [4, с. 131] и базовой характеристикой субъектности. Опираясь на теорию деятельности и общую методологию системно-структурных исследований [44, с. 381], теорию социальных эстафет [30] исследователи четко указывали на значение определения целей и целеполагания в деятельности субъекта управления. Определение субъектности управленца через цели его деятельности остается неизменной. Развитие данного тезиса видим в положении об осознанном принятии целей развития общества, управленческой системы

самим управленцем, «сопряжения интересов чиновничества с потребностями общества и тенденциями социального развития» [42, с. 111]. Субъектность принимается не просто как наличие целеполагания, а как условие для выработки вариантов поведения, что обеспечивает эффективность управления в условиях энтропийности [22]. В. Е. Лепский ввел понятия: «субъект – саморазвивающаяся полисубъектная среда», полисубъектности, множественности «сборки субъекта», выделил свойства субъекта: целеустремленность, рефлексивность, коммуникативность, социальность, способность к развитию [23, с. 49, 62, 64]. В парадигме множественности и полисубъектности [31], сборки субъектов [29] и параметров субъектности выделяют уровни: профессиональный [27; 36]; гражданский, как основание участия в управлении развитием [24]. В последнее время акцент сместился на исследование проблем техносубъектности [15; 39].

В данной работе понятие субъектности принимается в его философском прочтении М. С. Каганом [16]. Субъектность управленца может по-разному проявиться в моделях реализации концепций государственного управления.

Согласно этому пониманию, управленец – это субъект, ведущий элемент в системе управления развитием территории со своим набором свойств и характеристик, и «недооценка субъективного, человеческого «измерения» процессов» в условиях усложнения и усиления значимости горизонтальных связей взаимодействия в обществе не должна игнорироваться [26, с. 129]. Речь идет о замере субъектности управленца в философском прочтении [16].

Данные идеи согласуются с концепцией «этического субъекта» П. Рикёра, что позволяет выстроить понятийный ряд «убежденность» – «вовлеченность» – «личность – позиция» как поведение во времени [28, с. 28]. Указанная концепция допускает параметры, характеризующие субъектность управленца: знания, информированности об объекте управленческого действия, принятия целей развития, специфики территории как ценности, ее идентичности, историко-культурном потенциале, определения ключевых ресурсов и их использования; готовности к активной деятельности, к взаимодействию и выстраиванию отношений с другими субъектами; принятия ответственности, лидерства.

Выбор параметров «человеческого измерения» управленца коррелирует с теорией управления общественными ценностями. Какова природа и содержательная характеристика этих ценностей? Критерии ценностного выбора, это «ценности, укрепляющие жизненные потенциалы соответствующего общества, и блокирующие деструктивные для него иные ценностные ориентиры» [45, с. 64]. Кроме того, обладая этим набором ценностей и способностью их трансляции в публичное пространство, собственно, и возможна реализация управленца как управленца нового типа, адаптированного к новым условиям [18, с. 20; 38; 41].

Для целей исследования сошлемся на аналитическую «конструкцию цивилизационно-идентичных ценностей» [45] как «механизм, максимизирующий потенциалы соответствующего общества в специфических средовых условиях существования» [45, с. 65], которая указывает на важность

знания о специфике среды, социума, объекте управления, что позволяет использовать ее в качестве социального параметра, характеризующего субъектность управленца. Ценности предстают «как особого рода «знание-отношение», содержат в себе и опыт прошлого, и потенции будущего «знания-отношения», при этом, понятие «ценности» и «смыслы» методологически связаны [8, с. 29, 31]. Знание управленцем специфики территории, ее идентичности, историко-культурного потенциала принимается как ценность и ресурс развития территории, в том числе различных сфер экономики и общества.

Обозначение и принятие идентичности, уникальности пространства жизнедеятельности как ресурса служит параметром, который характеризует ценностную/смысловую шкалу управленца. Осознание этой ценности управленцем, перевод ее в деятельностное выражение, выступает одним из условий развития территории.

Кроме того, публичное действие, направленное на достижение общественного блага, возможно, если «конкретное содержание форм общественного блага, обеспечивающих согласие общества, зависит от конкретной области существования общества, в которой существуют согласовательные процессы» [41, с. 31]. Существование этих согласовательных процессов во многом зависит от того, как основные субъекты управленческого действия знают, принимают, актуализируют ресурсы и инструментарий по достижению поставленных целей.

Важнейшим параметром замера результативности деятельности управленца является его способность принятия целей развития как страны в целом, так и отдельных сфер жизнедеятельности. Необходимость знания, принятия целей развития для управленца закреплено законодательно¹.

При выборе параметра информированности мы исходили из положений теории коммуникативного взаимодействия [13; 2; 9] о том, что индивид не просто получает доступ к информации, он ее воспринимает и интерпретирует, и как следствие, реализует в виде действия. Исследователи отмечают, что люди, имея схожие формальные должностные инструкции, тем не менее, воспринимают их и свои роли по-разному [3, с. 118]. В данном контексте важен тезис о восприятии ролей, где «акцент делается на убеждениях, которые люди имеют о задачах и обязанностях в своих ролях» [50, с. 501].

Одним из параметров успешного, эффективного управленца, в рамках концепции NPG и особенно GG (хорошего управления), называлась гибкость, в сочетании с активностью и креативностью. Однако, не стоит забывать и об обратной стороне этого вопроса. Управленец работает в рамках определенных норм, нормативов и регламентов. Креативность управленцев может привести «к непоследовательному применению правил, ставя под угрозу подотчетность, предсказуемость, процессуальную справедливость и легитимность» [47].

¹ Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

В развитие темы деятельностной активности управленца стоит указать на то, что управленцам приходится решать сложные проблемы, и общество ожидает от них лидерства, способности применять новые модели, технологии, механизмы по установлению партнерства и взаимодействия между субъектами развития, несмотря на различия интересов и целей у них [46]. Лидерство как характеристика роли/позиции, которую берет на себя управленец, принимается в качестве параметра его субъектности.

Методология исследования

Анализ научных подходов, идей отечественных и зарубежных авторов позволил сформировать категориальный ряд исследования: «убежденность» – «вовлеченность» – «личность – позиция» как поведение во времени [28, с. 28]. Триада данного понятийного ряда позволяет выстроить параметры, характеризующие субъектность управленца:

- знания, информированность об объекте управленческого действия, его историко-культурном потенциале, определение ключевых ресурсов;
- принятие целей развития, специфики территории как ценности, ее идентичности; готовность к активной деятельности, к взаимодействию и выстраиванию отношений с другими субъектами;
- принятие ответственности, лидерства.

Для достижения целей исследования в августе 2024 г. нами был проведен экспертный опрос. В качестве экспертов отобраны руководители, специалисты структур, которые находятся непосредственно в подчинении Департамента культуры Тюменской области, муниципальных образований той же сферы, представители органов власти регионального и муниципального уровней (всего 87 чел.).

Экспертный опрос включал 11 открытых вопросов, что позволило применить стратегию качественного социологического исследования. Стратегия исследования: нисходящая (дедуктивная) в сочетании с восходящей (индуктивной). Тип выборки: целенаправленная [43].

Исследовательский вопрос: определить какие социальные параметры, характеризующие субъектность управленца, присутствуют в его деятельности, в условиях существующего противоречия между действующей классической управленческой моделью и проявлениями новых, в процессе управленческой деятельности по развитию креативных индустрий. Вопросы исследования:

- знание, оценка экспертами специфики, ресурсов территории для развития креативных (творческих) индустрий;
- вовлеченность, активная деятельность через выстраивание отношений между различными субъектами, в частности сообществом представителей креативных индустрий в развитии территории;
- готовность управленцев к лидерству, ответственности.

Использовался тематический анализ с помощью ручного кодирования и сочетания двух подходов «Small-q» и «Big-Q» (подходы «Small-q» используют структурированные и статистические методы проведения качественных исследований и анализа, «Big-Q» подчеркивают субъективную интерпретацию и контекстуальность данных в анализе) [48, с. 2]. Анализ осуществлен в разрезе территорий – областной центр, остальные города области и сельские населенные пункты.

Результаты

Логично, что территориальная принадлежность эксперта влияет на его представление об актуальных и перспективных видах креативных индустрий (рис. 1).

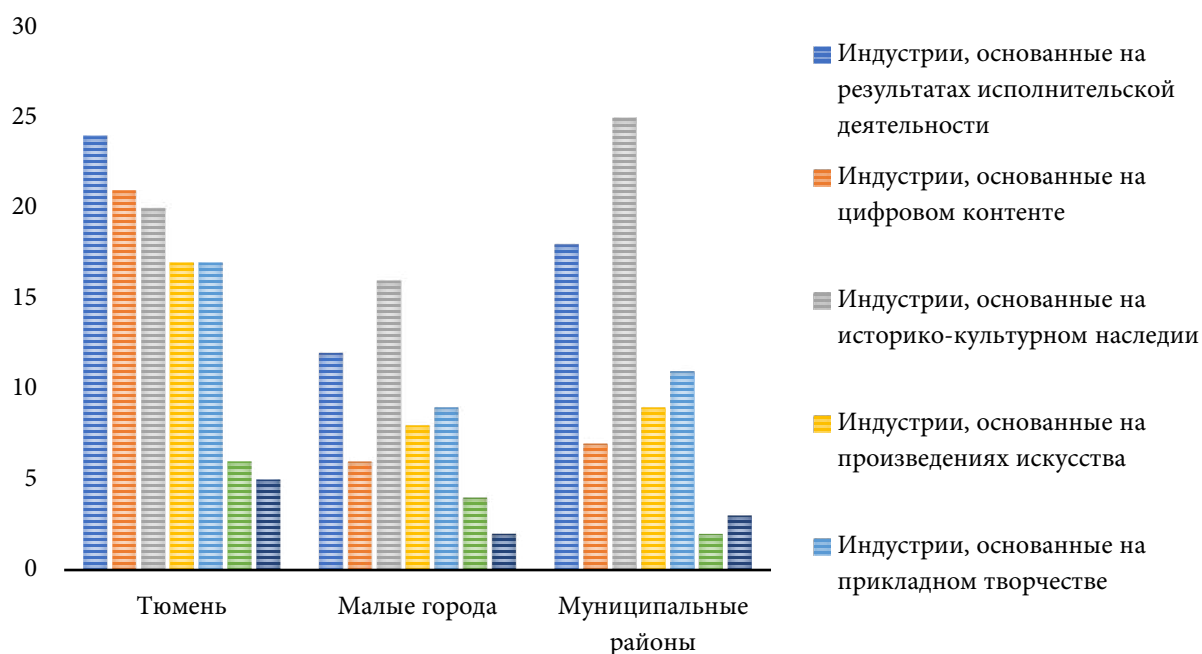

Рис. 1. Частота встречаемости видов креативных индустрий в разрезе территориальной принадлежности эксперта
Figure 1. Frequency of occurrence of types of creative industries in the context of the territorial affiliation of the expert

Различия в рейтингах могут свидетельствовать о наличии локальных ресурсов, специфики территории, традиций и возможностей. Эксперты, хорошо знакомые с конкретной территорией, учитывают ее уникальные особенности и делают акцент именно на тех видах деятельности, которые наиболее вероятно будут реализованы в их муниципальном образовании. Однако, ответы экспертов могут быть обусловлены не только объективными условиями, но и разным уровнем информированности, личными предпочтениями, профессиональным опытом. Одной из задач исследования было определить, каким образом эксперты связывают развитие креативных индустрий с особенностями конкретной территории.

Прежде всего нас интересовало, насколько экспертное сообщество признает/учитывает влияние таких аспектов, как уникальные черты территории, наличие и доступность ресурсов, имеющийся потенциал и достижения (инфраструктура, культурно-историческое наследие, природные памятники и т. п.) на формирование и развитие креативных индустрий. Анализ этого соотношения позволяет выявить степень осознанности и учета локальных особенностей при планировании и реализации проектов в области креативных индустрий.

Большинство экспертов не просто обозначили характеристики своей территории, а привели конкретные примеры, каждый третий дал свое видение использования особенностей территории для развития креативных индустрий. Частота упоминаний выделенных категорий представлена в таблице 2.

Таблица 2 (Table 2)

Распределение ответов на вопрос «Опишите, пожалуйста, в чем своеобразие, уникальность вашей территории, вашего муниципального образования?», частота встречаемости категорий

The distribution of answers to the question "Please describe the uniqueness of your territory, your municipality?", the frequency of occurrence of categories

Категория	Тюмень	Малые города	Муниципальные районы
Культурно-историческое наследие	23	6	8
Природные достопримечательности	12	6	21
Известные предприятия и организации, отрасль	10		7
Люди	7	2	8
Культурное разнообразие / Многонациональный состав населения	6	1	8
Высокое качество жизни	5	2	
Сам город, его уникальность, архитектура города	5	4	
Народные промысла и ремесла	4	4	1
Выдающиеся личности	2	3	4
Нефтегазовое образование	2		
Традиции	2	2	2
Городские праздники, традиции, ярмарки	1	5	
Природные ресурсы			5
Всего экспертов	31	21	30

Эксперты из Тюмени при определении специфики города делают акцент на культурно-историческом наследии («Тюмень – первый русский город в Сибири»), природных достопримечательностях («Тюмень – термальный курорт»), социально-экономических характеристиках региона, отождествляя его с городом («Здесь расположены штаб-квартиры крупных компаний, что придает городу экономическую значимость»), «Один

из самых комфортных регионов для жизни»). Представители малых и средних городов подчеркивают уникальность самого города, которая репрезентируется через городские праздники, сохранившиеся традиции. Событийный туризм, активное использование культурно-исторического наследия принимается экспертами как важный и действенный ресурс развития территории («Традиционная зимняя Никольская ярмарка и по сей день ежегодно проходит в декабре, а летом для жителей и гостей города с 2018 года разворачивается региональная Никольская книжная ярмарка, совмещающая в себе традиции торгового дела и новые подходы к развитию книжной культуры региона» (Ишим); «Ялutorовск – это, прежде всего, город декабристов.»). Эксперты из сельских территорий выделяют природные достопримечательности («Бердюжский район богат лесами и озерами, главная изюминка – это озеро Соленое, обладающее своим уникальным составом и лечебными свойствами»), подчеркивают культурное разнообразие («в районе проживают множество народов, переплетаются культуры, это отражается в архитектуре, праздниках и традициях»). В своих ответах управленцы полно, развернуто описали специфику, своеобразие своего края, что позволяет говорить о наличии у них знаний о процессах, протекающих на территории. Кроме того, эти знания свидетельствуют об установке, что эта уникальность и может выступать в качестве ресурса развития креативных индустрий.

Знание управленцев о процессах управления оценивается через личностное, профессиональное видение возможных ресурсов, обеспечивающих достижение целей развития креативных индустрий, для реализации инициатив, творчества, новых идей и проектов. Вопрос о ресурсах экспертам задавался в трех вариантах: 1) Какие ресурсы есть для развития креативных индустрий на территории муниципального образования и уже сейчас являются основанием для инноваций? 2) Какие ресурсы есть, но не задействованы? 3) Каких ресурсов не хватает? Кодирование ответов экспертов проводилось по видам ресурсов, категории анализа и коды представлены в табл. 3.

Традиционно, предпочтение отдается материально-вещественным, финансовым ресурсам для развития территории, которых всегда не хватает. Тем не менее, управленцы ставят на первое место человеческие и культурные ресурсы как базовые. Опрошенные управленцы продемонстрировали знание новых тенденций, новых идей о том, что в настоящее время, как в теории, так и в практике управления, акцент переносится на нематериальные ресурсы. Данный подход к управлению демонстрируют управленцы среднего звена, звена, где происходит конкретная работа по реализации управленческих стратегий и планов.

Таблица 3 (Table 3)

**Система категорий анализа и кодов, используемая для кодирования вопросов
о ресурсах для креативных индустрий**

*A system of analysis categories and codes used to encode resource questions
for creative industries*

Категории анализа	Коды
Человеческие ресурсы	Люди с необходимыми компетенциями, образованием, мотивацией. Таланты. Кадровое обеспечение
Финансовые ресурсы	Гранты/ Субсидии /Государственное финансирование Спонсорство /Меценатство Заинтересованность бизнеса в развитии креативных индустрий
Инфраструктурные	Креативные пространства Материальная база Дома культуры
Образовательные	Модернизация образовательной системы Образование в сфере КИ Возможности повышения квалификации
Информационные	Онлайн-платформы Реклама/Поддержка СМИ/медиаресурс
Поддержка со стороны государства и муниципальных органов	Законы Политика поддержки /Программы развития КИ Поддержка администрации/Власти ГЧП Организационная поддержка Льготы
Культурные ресурсы	Культурно-исторические особенности города Историко-культурное наследие Туристический потенциал территории Народные промыслы/Уникальные ремесла Местные фестивали Имидж города
Природные	Природно-климатические/Уникальная природа Географическая доступность
Творческие, профессиональные сообщества	НКО/Активные общественные организации/Творческие сообщества/ Городские сообщества/Центры национальных культур Профессиональные организации
Заинтересованность бизнеса в развитии территории	Локальные бренды, предприятия Бизнес-инкубаторы и акселераторы

Эксперты из сельских муниципальных районов и малых городов выделяют природные ресурсы.

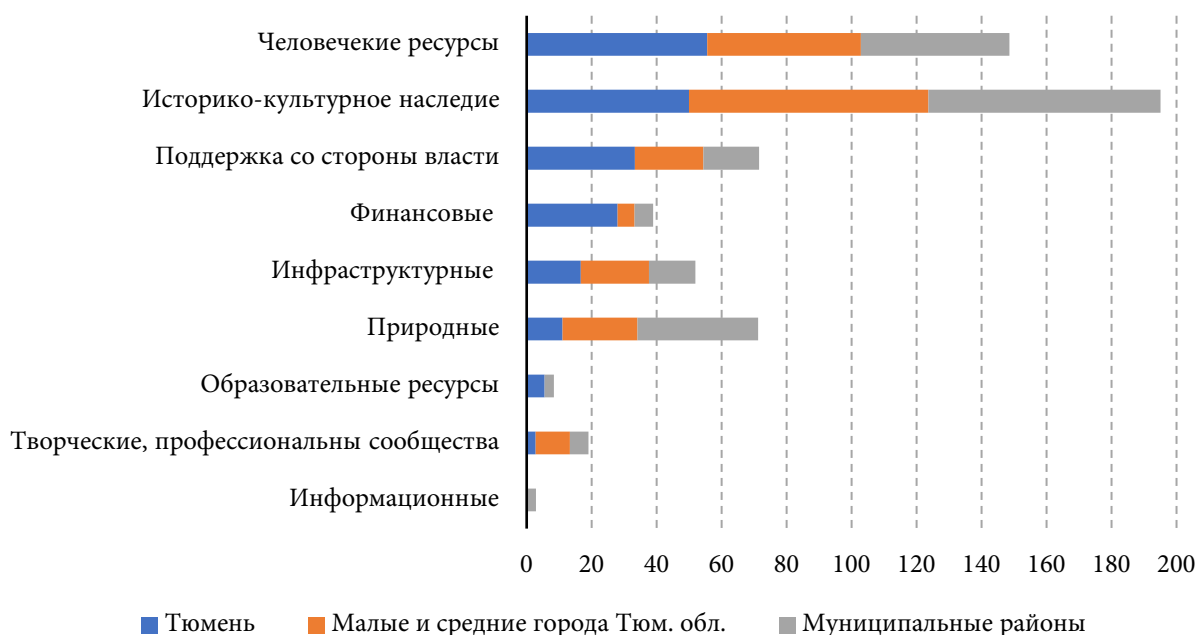

Рис. 2. Виды ресурсов, которые уже сейчас являются базой для развития креативных индустрий на территории муниципального образования, в разрезе территориальной принадлежности эксперта

Figure 2. Types of resources that are already the basis for the development of creative industries in the municipality, in terms of the territorial affiliation of the expert

Эти же виды ресурсов называются в качестве «недоиспользованных» и «незадействованных» (рис. 3).

Важно отметить, что эксперты не просто видят проблему недоиспользованных ресурсов, но и предлагают свои решения, что уже характеризует их косвенную вовлеченность в процесс:

«Ресурсы для развития креативных индустрий в Уватском районе, которые пока не задействованы в полной мере: 1. Традиционные знания хантов: существуют знания о традиционной медицине, лекарственных растениях, о хантыйской кухне, о традиционных праздниках и обрядах. Эти знания могут быть использованы для создания уникальных туристических продуктов, например, этно-туров с демонстрацией традиционных ремесел и медицинских практик, проведение гастрономических фестивалей с хантыйской кухней, организация мастер-классов по традиционным праздникам и обрядам. Решение: необходимо привлечь хранителей традиций, старейшин, к участию в проектах по развитию креативных индустрий, проводить документирование традиционных знаний и создавать на их основе новые продукты и услуги. 2. Недостаток инфраструктуры: в районе не хватает современных отелей, ресторанов, кафе, информационных центров для туристов, что ограничивает возможности для развития туризма и креативных индустрий. Решение: необходимо привлечь инвестиции в строительство и модернизацию

туристической инфраструктуры в районе, создавать новые отели, кафе, рестораны, информационные центры с учетом особенностей местной культуры и природы.» (Уватский р-н).

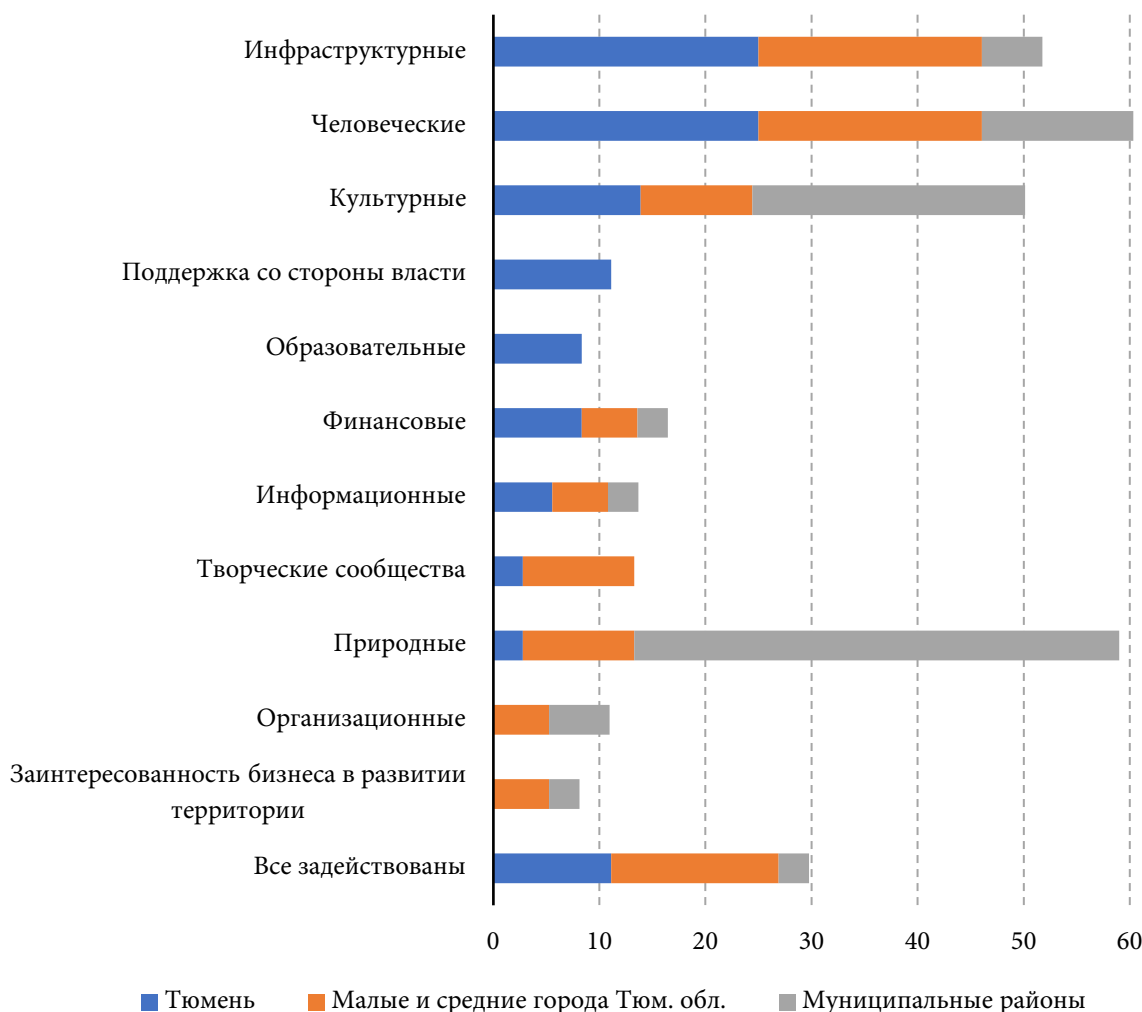

Рис. 3. Виды ресурсов, которые есть на территории муниципального образования, но они не задействованы для развития креативных индустрий, в разрезе территориальной принадлежности эксперта

Figure 3. Types of resources available on the territory of the municipality, but they are not used for the development of creative industries, in the context of the territorial affiliation of the expert

Оценивая достаточность ресурсов для развития креативных индустрий на своих территориях, эксперты выделяют недостаток финансов, но при этом не отмечают нехватку льгот, поддержки со стороны государства и бизнеса. В продолжении темы о человеческих ресурсах, эксперты указывают на необходимость привлечения как профессиональных кадров («обладающих внушительным портфолио и опытом» (Тюмень), так и активных людей для развития креативных индустрий «не хватает молодых людей, заинтересованных в раскатке и продвижении креативных направлений» (Ярковский р-н).

Мнения экспертов разделились почти поровну в оценке готовности населения включиться в процесс создания креативных индустрий. Вопрос задавался в открытой форме, для выявления позиции эксперта было применено латентное кодирование, направленное на выявление имплицитных значений содержания ответа. В случае ухода эксперта от прямого ответа на поставленный вопрос мы интерпретировали это как проявление сомнений относительно готовности населения к данной деятельности.

Эксперты, представляющие городские территории, проявляют большую уверенность в готовности населения к активным действиям, направленным на развитие креативных индустрий. Больше трети экспертов полагают, что население готово участвовать в соответствующих инициативах:

«Население поддержит интересный и удовлетворяющий их продукт!» (Тюмень); *«Люди всегда стремятся улучшить свое качество жизни, сделать ее удобнее, ярче, уметь хорошо зарабатывать. Главное понять и услышать их потребности в этом. Люди будут участвовать, будут подключаться к этому процессу по мере того, как придет понимание, что это положительно влияет на их жизнь»* (Тобольск); *«Население готово, если будут прозрачные условия и рабочие места»* (Ишим); *«Интересная идея, представленная с умом, будет поддержана»* (Упоровский р-н).

Часть специалистов высказывали менее уверенные оценки, указывая, что только определенные категории населения проявляют готовность к такой деятельности:

«В нашем районе есть инициативные люди с активной жизненной позицией, но их не так много, как бы нам хотелось» (Ялуторовский р-н).

«Надеюсь, что население готово включиться в процесс создания креативных индустрий. Есть активные и равнодушные люди, которые реализуют новые проекты на нашей территории» (Тобольск).

Развитие креативных индустрий затруднено в отсутствие креативных сообществ и гражданских лидеров на территории. Это ключевые компоненты для формирования инновационной среды, стимулирующей создание и развитие креативных предприятий, гражданских инициатив и иных форм социально-экономической активности. В целях выявления существующих практик, методов и инструментов, используемых для привлечения активных граждан и формирования инновационной среды, экспертам был задан вопрос: *«Какие меры, управленческие технологии применяются у вас на территории для поиска гражданских лидеров, привлечения их к созданию креативных индустрий на территории муниципального образования или конкретной организации?»*. Самой популярной мерой привлечения лидеров, по словам респондентов, являются *«Площадки для креативных сообществ»*, далее идут такие меры как обучение, информирование и поддержка проектов местной администрацией. Каждый шестой эксперт, представляющий сельскую территорию, указал на отсутствие системных мер по выявлению гражданских лидеров и поддержке креативных сообществ (рис. 4).

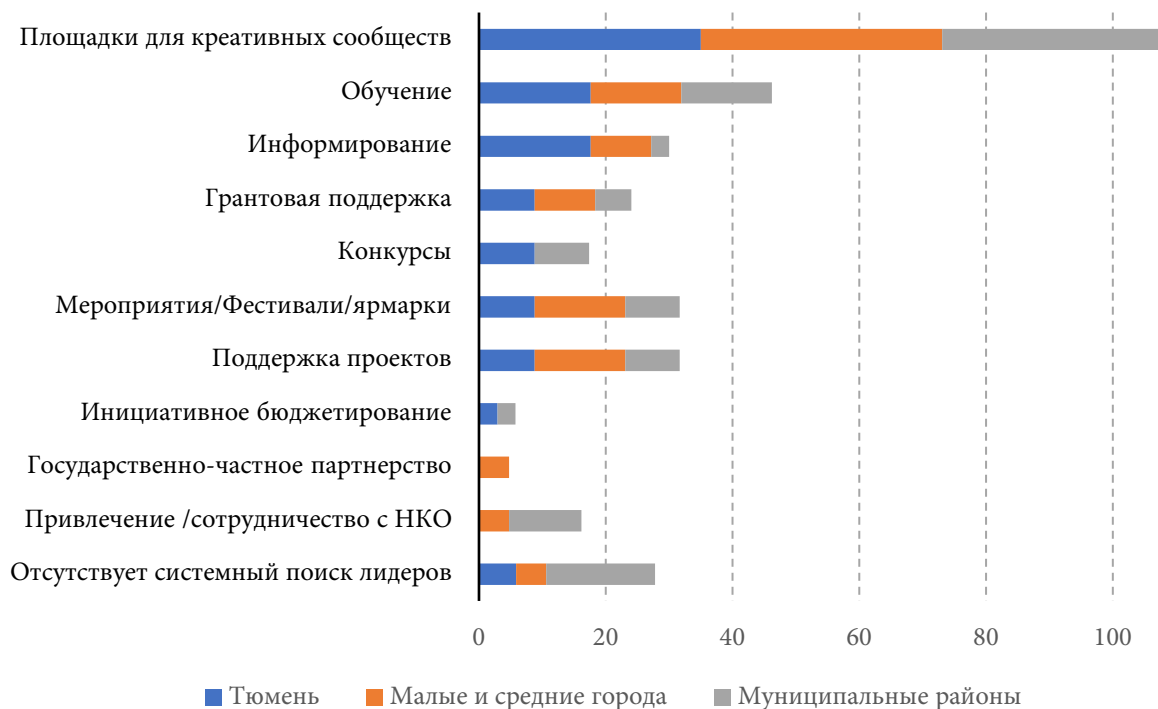

Рис. 4. Результат кодирования ответов на вопрос: «Какие меры, управленческие технологии применяются у вас на территории для поиска гражданских лидеров, привлечения их к созданию креативных индустрий на территории муниципального образования или конкретной организации?»

Figure 4. The result of coding the answers to the question: “What measures and management technologies are used in your territory to find civic leaders and involve them in the creation of creative industries in the territory of a municipality or a specific organization?”

Результаты исследования показали низкую самооценку экспертов их личностной готовности к участию в формировании креативных индустрий (Вопрос: «Что лично Вы готовы делать для создания креативных индустрий?»). Взять на себя роль лидера/или организатора готовы 38% опрошенных, еще 33% готовы участвовать в качестве исполнителя. При этом, каждый третий эксперт (29%) уклонился от ответа на поставленный вопрос. Распределение позиций экспертов практически не зависит от территориальной принадлежности и занимаемой должности (табл. 4 и 5).

Таблица 4 (Table 4)

Готовность экспертов участвовать в создании креативных индустрий
Experts’ willingness to participate in the creation of creative industries

Форма участия	Всего по выборке		Территория, %		
	№	%	Тюмень	Города ТО	Муниципальные районы
Лидера, организатора, руководителя	33	38	36	37	40
Исполнителя	29	33	39	32	29
Нет ответа на вопрос	25	29	25	32	31
Всего	87	100	100	100	100

Таблица 5 (Table 5)

**Готовность экспертов участвовать в создании креативных индустрий
в разрезе занимаемой должности, %**
*The willingness of experts to participate in the creation of creative industries
in the context of their position, %*

Готовность участия в статусе	Должность			
	Топ-руководитель	Замы руководителя	Руководитель подразделения	Специалист
Лидера, организатора, руководителя	26	50	25	43
Исполнителя	42	28	38	30
Нет ответа на вопрос	32	22	38	27
Всего	100	100	100	100

В целом, эксперты сохраняют черты традиционного чиновника, роль которого сводится к выполнению установленных нормативов, соблюдению процедур и обеспечению стабильности в рамках своих компетенций. Так, эксперты, занимающие руководящие позиции, часто делают акцент на официальных полномочиях и формальных аспектах деятельности, связанной с их должностью. Например: *«Я лично, в силу имеющегося опыта и налаженных коммуникаций, готова стать членом команды в создании и реализации креативного проекта, может быть даже могу возглавить какой-либо сектор»* (Тюменский р-н).

«Лично я готова войти в состав организационно-управленческих ресурсов» (Викуловский р-н).

Или же не отделяют свою управленческую роль от задач учреждения, которым руководят: *«Учреждения культуры готовы включиться в работу по внедрению креативных индустрий (событийного и этнотуризма) путем создания и реализации культурных продуктов: праздников, фестивалей и т. д.»* (Ялуторовск).

Эксперты, которых мы отнесли к «лидерам», определяют свою роль иначе, как инициатора, «вдохновителя» команды, «создателя» проекта. Подчеркнем, что в ответах экспертов представлена не просто фиксация намерений, речь идет о конкретной работе по участию в грантах, конкурсах (14 из 34 экспертов, отнесенных к «Лидерам», реализуют какой-то проект, имеют конкретную идею или подготовили заявку на грант). Они активно ищут идеи и единомышленников, стремятся к развитию собственной инициативы и продвижению территории. Готовы к тесному взаимодействию с населением, согласны организовать встречи, обмен опытом, диалоги с населением, говорят о важности учета мнений и интересов жителей для успешной реализации проектов, т. е. понимают свою роль как «сетевую».

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что современные управленцы обладают набором социальных параметров, которые характеризуют их субъектность, данные параметры актуальны и могут рассматриваться в качестве дополнительного критерия оценки управленческой деятельности.

Эксперты ценят уникальные исторические, природные и культурные особенности своей территории. Осознанность и активное участие специалистов в разработке проектов, основанных на локальных особенностях городов и сельских поселений указывает вовлеченность экспертного сообщества в процессы их развития.

Территориальные особенности и ресурсы – значимые факторы, влияющие на оценки экспертов о приоритетных направлениях развития креативных (творческих) индустрий. Можно утверждать, что опрошенные управленцы знают, принимают и актуализируют идентичность, уникальность пространства жизнедеятельности, локальные ресурсы формируют их приоритеты и видение возможных направлений развития территории.

В настоящее время успех управления зависит от способности управленцев устанавливать горизонтальные связи, проявлять инициативу, брать на себя лидерские функции, быть гибким, креативным, ориентированным на инновации. Обращает на себя тот факт, что управленцы готовы к взаимодействию с активными гражданами своих территорий, видят в них партнеров в своей работе, но творческих сообществ, как ресурса, по мнению экспертов, не хватает. Эксперты не обозначают (или не знают) как, с помощью каких управленческих технологий, они будут выстраивать эту совместную деятельность. Готовность к коммуникациям есть шаг в направлении достижения нового качественного состояния роли управленца как «сетевика», но инерция классического бюрократа остается и это видно по тому, что эксперты не всегда готовы предложить способы взаимодействия, себя в качестве лидеров новых идей и совместных действий. Значительная часть предпочитает роль исполнителя в рамках своих должностных обязанностей. Причины такого положения требуют дополнительных исследований. Результаты проведенного опроса показывают, что значительная часть респондентов придерживаются традиционного подхода к участию в развитии креативных индустрий – свои задачи связывают только с официальными полномочиями и задачами учреждения; готовы участвовать, но лишь как члены команды или в рамках своих обязанностей; акцент делают на выполнение процедуры алгоритма управленческого действия.

Характер параметров субъектности управленцев по результатам исследования позволяет зафиксировать дуальность их положения, т. е., с одной стороны, сохранение всех признаков приверженности классической модели управления, с другой – наличие адаптивных характеристик, которые согласуются с новыми требованиями, моделями управления. Данное

положение создает основание для расширения аргументации в пользу разработки нового подхода к модели управления развитием креативных индустрий и территории на местах.

Библиографический список

1. Абрамова О. Г., Мухаев Р. Т. Новая модель публичного управления для современной России // Тренды и управление. 2017. № 3. С. 11–32. DOI: 10.7256/2454-0730.2017.3.23843; EDN: ZIPMBN.
2. Адамьянц Т. З. Социальные смыслы как предмет социологического анализа // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 16–25. DOI: 10.31857/S013216250015252-0; EDN: NKIIOT.
3. Аксёнова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: ИС РАН, 2016. 304 с.
4. Атаманчук Г. В. Особенности процессов управления в развитом управлении. М.: Мысль, 1983. 201 с.
5. Барабашев А. Г. Государство и государственное управление: от социальной организации к административной деятельности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. Т. 4. № 65. С. 227–236. DOI: 10.31737/22212264_2024_4_227-236; EDN: CQIQAY.
6. Баснак Д. В. Создание системы управления российской государственной службой в современных условиях // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 4. С. 4–26. DOI: 10.17323/1999-5431-2008-0-4-4-26; EDN: JWJBRV.
7. Богданова В. О. Философское осмысление феномена «субъектность» // Социум и власть. 2023. Т. 3. № 97. С. 7–17. DOI: 10.22394/1996-0522-2023-3-07-17; EDN: VKKIVQ.
8. Богучарский А. В., Марченко Т. А., Переверзева О. В. Очерки по теории публичной политики. Ростов н/Д: Профпресс, 2014. 128 с.
9. Борзых С. В. Социальные смыслы. М.: Инфра-М, 2012. 122 с.
10. Бузгалин А. В., Колганов А. И. Трансформации социальной структуры позднего капитализма: от пролетариата и буржуазии к прекариату и креативному классу? // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 18–28. DOI: 10.31857/S013216250003744-1; EDN: ZAKHZZ.
11. Гершанок А. А., Ломоносова Я. Г. Метаморфоза парадигмы государственного управления и новые требования к квалификационным характеристикам госслужащих // Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2023. Т. 8. № 3. С. 323–333. DOI: 10.21603/2500-3372-2023-8-3-323-333; EDN: OGUNYA.
12. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 57–82.
13. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии / Отв. ред. И. Т. Левыкин. М: Наука, 1984. 268 с.

14. Зверева И. А. Теории и методы исследований государственного управления: современные тенденции // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 3. С. 7–38. URL: <https://vgmu.hse.ru/article/view/24920> (дата обращения: 01.10.2025). EDN: EMGUBK.

15. Игнатъев В. И. Проблема техносубъекта: о субъектности «сущностей-конструкторов» // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 1(1). С. 130–150. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150; EDN: PKVLEZ.

16. Каган М. С. Человеческая деятельность: опыт системного анализа / Теоретические проблемы философии. Избранные труды в 2 частях. Часть 1. М.: Юрайт, 2018. 191 с.

17. Клименко А. В., Минченко О. С. Полномочия, функции и услуги исполнительной власти: соотношение, классификация и основные характеристики // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 1. С. 7–37. DOI: 10.17323/1999-5431-2016-0-1-7-37; EDN: VPRGRD.

18. Косоруков А. А. Публичные ценности и оценка в зарубежных теоретических моделях публичного управления // Политика и общество. 2017. № 9. С. 12–22. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.9.21932; EDN: ZHTTYZ.

19. Костровец Л. Б. Новое государственное управление: переход к необюрократии? // Менеджер. 2025. Т. 1. № 107. С. 14–24. DOI: 10.5281/zenodo.1529615; EDN: WZADTB.

20. Красильников Д. Г., Сивинцева О. В., Троицкая Е. А. Современные западные управленческие модели: синтез New Public Management и Good Governance // Ars Administrandi (Искусство управления). 2014. № 2. С. 45–62. EDN: SLJNWL.

21. Купряшин Г. Л. Политико-административные способности государственного управления в условиях турбулентности и неопределенности // Государственное управление. 2023. № 97. С. 174–189. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-97-174-189; EDN: BSAPON.

22. Ленков Р. В. Проблема целеполагания социокультурной модернизации российских регионов: закономерности, регуляторы, субъектность // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 4. С. 42–54. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-3; EDN: XSTQWR.

23. Лепский В. Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр, 2015. 106 с.

24. Мерзляков А. А. Социальный диалог как инструмент институционального управления социальным развитием // Философские науки. 2024. Т. 67. № 4. С. 99–113. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-99-113; EDN: BMTJZR.

25. Мещерякова Н. Н., Крыштановская О. В. Смарт-элиты: контуры концепции // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 4. С. 30–52. DOI: 10.19181/snsr.2023.11.4.2; EDN: SLGDNI.

26. Оболонский А. В. Человеческий фактор в государственном управлении периода транзита в свете концепций новой институциональной теории // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 1. С. 126–145. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_126_145; EDN: BZYGEU.

27. Пилюгина С. А., Сергеева М. Г. Система развития профессиональной субъектности учителя в образовательной организации дополнительного профессионального образования // Концепт. 2025. № 3. С. 154–166. DOI: 10.24412/2304-120X-2025-11044; EDN: LDMKTK.

28. Поль Рикёр – философ диалога / Отв. ред. И. И. Блауберг. М.: ИФ РАН, 2008. 141 с.

29. Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред.: В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М.: ИФ РАН, 2010. 271 с.

30. Розов М. А. Проблема объекта познания в контексте теории социальных эстафет // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXIX. № 3. С. 200–225. EDN: OEYPKR.

31. Савельев И. А. Полисубъектность как фактор социального развития в контексте диалогизации и дифференциации отношений «центр – регионы» в федеративном государстве // Философские науки. 2024. Т. 67. № 2. С. 97–116. DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-97-116; EDN: PNVVDY.

32. Самоорганизация граждан, благотворительность и третий сектор: теории, история и современные тенденции / Под ред. Л. И. Якобсон. М.: ВШЭ, 2024. 376 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-4106-7.

33. Сергеев С. Ф. Проблема субъекта и техносубъекта в техногенном мире // Социогуманитарные проблемы укрепления субъектности России / Отв. ред. В. Е. Лепский. М.: Когито-Центр, 2023. С. 157–164. EDN: HYBWAD.

34. Сморгунов Л. В. GR-менеджмент и публичная политика // Полис. 2024. № 6. С. 170–178. DOI: 10.17976/jpps/2024.06.12; EDN: QSNVYP.

35. Смотрицкая И. И. Государственное управление: на пути к диалогу и сотрудничеству? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. Т. 4. № 61. С. 246–252. DOI: 10.31737/22212264_2023_4_246-252; EDN: UVEQTU.

36. Сыромятников И. В., Репин Э. В. Профессиональная субъектность в системе ориентиров профессиональной подготовки управленческих кадров // Инновации в образовании. 2012. № 5. С. 95–105. EDN: OXJTRJ.

37. Творческие (креативные) индустрии. Справочник / Сост. Е. В. Зеленцова, ред. Н. В. Гладких. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 220 с.

38. Ткаченко И. Н. Стейкхолдеры публичного управления: научный обзор современных исследований // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 6. URL: <https://esj.today/PDF/40ECVN623.pdf> (дата обращения: 23.06.2025). EDN: IHWBO.

39. Устюжанцева О. В. Архитектурная субъектность в глобальной инфраструктуре искусственного интеллекта: опыт Индии // Пространственная экономика. 2025. Т. 21. № 3. С. 102–141. URL: DOI: 10.14530/se.2025.3.102-141; EDN: KYNKUY.

40. Ушаков Е. В. Эпоха после нового государственного менеджмента в публичном управлении: поиск новых идей и подходов // Теоретические и прикладные проблемы науки о человеке и обществе. Петрозаводск: Новая наука, 2022. С. 171–185. EDN: EKKFYU.

41. Филиппова В. В. Цивилизационно-ценностная аналитика как метод государственного управления и разработки отраслевых политик // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29. № 2. С. 28–43. DOI: 10.19181/nko.2023.29.2.3; EDN: UFCIVR.
42. Чевтаева Н. Г. Социология чиновничества в России: дореволюционное наследие и современность // Мир России. Социология. Этнология. 2009. № 3. С. 85–113. EDN: NDSVRR.
43. Штейнберг И. Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель // Социология: 4М. 2014. № 38. С. 38–71. EDN: SZSTPJ.
44. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М.: ШКП, 1995. 759 с.
45. Якунин В. И., Володенков С. В. и др. Государственная политика как объект современных научных исследований // Вестник Московского ун-та. Политические науки. 2024. № 6. С. 50–94. DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-6-50-94; EDN: LJMALN.
46. Grøn A. B. Bridge over Troubled Waters? Experimental Evidence into the influence of Leadership on Employees' Collaborative Engagement // Public Administration Review. 2025. Vol. 85. No. 2. P. 308–325. DOI: 10.1111/puar.13834.
47. Houtgraaf G., Kruyen P. M., van Thiel S. A connotation to public sector creativity: creative public servants' tendencies to opt for rule-bending // Public Management Review. 2024. Vol. 26. No. 12. P. 3643–3663. DOI: 10.1080/14719037.2024.2351464.
48. Nicmanis M., Spurrier H. H. Getting Started with Artificial Intelligence Assisted Qualitative Analysis: An Introductory Guide to Qualitative Research Approaches with Exploratory Examples from Reflexive Content Analysis // International Journal of Qualitative Methods. 2025. Vol. 24. P. 1–14. DOI: 10.1177/16094069251354863.
49. Thiel J. Creative cities and the reflexivity of the urban creative economy // European Urban and Regional Studies. 2017. Vol. 24. No. 1. P. 21–34. DOI: 10.1177/0969776415595105.
50. van der Meer J., Vermeeren B. et al. The bureaucrat, the entrepreneur, and the networker: Developing and validating measurement scales for civil servants' role perceptions // Public Administration Review. 2024. Vol. 84. P. 500–518. DOI: 10.1111/puar.13702.

Получено редакцией: 27.02.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Костко Наталья Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общей и экономической социологии

Печеркина Ирина Федоровна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и бизнеса

Андрианова Елена Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедры общей и экономической социологии

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.7

Subjectivity of Managers in the Development of Creative Industries in the Territory

Natalia A. Kostko

Tyumen State University, Tyumen, Russia

n.a.kostko@utmn.ru

ORCID: 0000-0003-1618-4548

Irina F. Pecherkina

Tyumen State University, Tyumen, Russia

i.f.pecherkina@utmn.ru

ORCID: 0000-0003-4978-0311

Elena V. Andrianova

Tyumen State University, Tyumen, Russia

e.v.andrianova@utmn.ru

ORCID: 0000-0002-7769-9206

For citation: Kostko N. A., Pecherkina I. F., Andrianova E. V. Subjectivity of managers in the development of creative industries in the territory. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 117–143. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.7; EDN: JASMSG.

Abstract. This article presents the results of a study aimed at identifying the factors that shape the essence of managers' activities as actors in the development of creative industries at the regional and municipal levels in the Tyumen Oblast. The subject of the study is the social characteristics and manifestations of subjectivity of managers. The research objective was to determine which of the social parameters accepted in scientific practice that characterise managerial agency are present in their activities amid the existing contradiction between the current classical management model and the manifestations of new, post-bureaucratic management concepts. The authors identify the following parameters for assessing managerial performance: the semantic content of managerial action (the level of development of values and goals), conviction (awareness of the object of managerial action, knowledge of the specifics of the territory as a value, its identity, historical and cultural potential, acceptance of development goals, a vision of key resources and the possibilities for their use); Involvement (readiness for active work, interaction, and building relationships with other subjects); managerial roles/positions (acceptance of responsibility, leadership). The combination and mutual influence of these factors, the synergy characterising the subjectivity of managers, is adopted as a parameter providing an understanding of the hidden, subjective aspects of managers' activities. Another argument in favour of using these parameters is that their consideration allows us to supplement the technological universalism and standardisation of management algorithms and regulations. The study makes an additional contribution to defining the content of the managerial activities of subjects in the development of creative industries in the context of the formation of new management principles. An expert survey has been used as the research method. Thematic analysis was used, that was conducted using manual coding and a combination of two approaches: "Small-q" and "Big-Q". The results of the study showed that experts are ready for the new role of manager – the "networker", but the inertia of the classic "bureaucrat", acting strictly within the framework of formal rules and regulations, remains among the majority of respondents, that confirms the presence in management practice of elements of different models for implementing public administration concepts, and also allows us to emphasise the importance of taking into account the social parameters of the subjectivity of managers in achieving territorial development goals.

Keywords: sociology, public administration, creative industries, bureaucracy, managerial potential, network practices, the role of managers

References

1. Abramova O. G., Mukhaev R. T. A New Model of Public Administration for Modern Russia. *Trendy i upravlenie*, 2017: 3: 11–32 (in Russ.). DOI: 10.7256/2454-0730.2017.3.23843; EDN: ZIPMBN.
2. Adamyants T. Z Social Meanings as a Subject of Sociological Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2021: 9: 16–25 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250015252-0; EDN: NKIIOT.

3. Aksenova O. V. Paradigm of social action: professionals in Russian modernization. Moscow, IS RAS, 2016: 304 (in Russ.)
4. Atamanchuk G. V. Osobennosti processov upravleniya v razvitom upravlenii [Features of Management Processes in Advanced Management]. Moscow, Mysl, 1983: 201 (in Russ.).
5. Barabashev A. G. State and public governance: From social organization toward administrative activity. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*, 2024: 4(65): 227–236 (in Russ.). DOI: 10.31737/22212264_2024_4_227-236; EDN: CQIQAY.
6. Basnak D. V. The creation of a new public management system in modern conditions. *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya*, 2008: 4: 4–26 (in Russ.). DOI: 10.17323/1999-5431-2008-0-4-4-26; EDN: JWJBRV.
7. Bogdanova V. O. Philosophical understanding of the phenomenon of “subjectivity”. *Sotsium i vlast*, 2023: 3(97): 7–17 (in Russ.). DOI: 10.22394/1996-0522-2023-3-07-17; EDN: BKKIVQ.
8. Bogucharskij A. V., Marchenko T. A., Pereverzeva O. V. Oчерki po teorii publichnoy politiki [Essays on the theory of public policy]. Rostov-on-Don, Prof-Press, 2014: 128 (in Russ.).
9. Borzyh S. V. Sotsialniye smysly [Social meanings]. Moscow, Infra-M, 2012: 122 (in Russ.).
10. Buzgalin A. V., Kolganov A. I. Social Structure Transformation of Late Capitalism: from Proletariat and Bourgeoisie Towards Precariat and Creative Class? *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 1: 18–28 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250003744-1; EDN: ZAKHZZ.
11. Gershanok A. A., Lomonosova Ya. G. Metamorphosis of the Public Administration Paradigm and the New Qualification Profile of Civil Servants. *Vestnik KemGU. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2023: 8(3): 323–333 (in Russ.). DOI: 10.21603/2500-3372-2023-8-3-323-333; EDN: OGUNYA.
12. Giddens A. Nine Theses on the Future of Sociology. *THESIS*, 1993: 1: 57–82 (in Russ.).
13. Dridze T. M. Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noy kommunikatsii. Problemy semiosotsiopsikhologii [Textual activity in the structure of social communication. Problems of semiopsychology]. Moscow, Nauka, 1984: 268 (in Russ.).
14. Zvereva I. A. Theories and methods of research in public administration: modern trends. *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya*, 2024: 3: 7–38 (in Russ.). URL: <https://vgmu.hse.ru/article/view/24920> Accessed 01.10.2025. EDN: EMGUBK.
15. Ignatyev V. I. Problem of the Techno-Subject: On the Subjectivity of “Entity-Constructors”. *Idei i idealy*, 2021: 13(1): 130–150 (in Russ.). DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150; EDN: PKVLEZ.
16. Kagan M. S. Human activity: the experience of system analysis. In *Theoretical Problems of Philosophy. Selected Works in 2 Parts. Part 1*. Moscow, Yurayt, 2018: 191 (in Russ.).
17. Klimenko A. V., Minchenko O. S. Powers, functions and services of executive power: correlation, classification and key features. *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya*, 2016: 1: 7–37 (in Russ.). DOI: 10.17323/1999-5431-2016-0-1-7-37; EDN: VPRGRD.
18. Kosorukov A. A. Public values and assessment in foreign theoretical models of public administration. *Politika i obshchestvo*, 2017: 9: 12–22 (in Russ.). DOI: 10.7256/2454-0684.2017.9.21932; EDN: ZHTTYZ.
19. Kostrovets L. B. New public administration: transition to neobureaucracy? *Manager*, 2025: 1: 107: 14–24 (in Russ.). DOI: 10.5281/zenodo.1529615; EDN: WZADTB.
20. Krasilnikov D. G., Sivintseva O. V., Troitskaya E. A. Modern Western management models: synthesis of New Public Management and Good Governance. *Ars Administrandi*, 2014: 2: 45–62 (in Russ.). EDN: SLJNWL.
21. Kupryashin G. L. Political-Administrative Capacities of Governance in Conditions of Turbulence and Uncertainty. *Gosudarstvennoe upravlenie*, 2023: 97: 174–189 (in Russ.). DOI: 10.24412/2070-1381-2023-97-174-189; EDN: BSAPOH.
22. Len'kov R. V. The problem of targeting socio-cultural modernization of Russian regions: patterns, regulators, subjectivity. *Nauchnyj rezultat. Sociologiya i upravlenie*, 2020: 6: 4: 42–54 (in Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-3; EDN: XSTQWR.
23. Lepskij V. E. Ehvoluyuciya predstavleniy ob upravlenii (metodologicheskij i filosofskiy analiz) [Evolution of management concepts (methodological and philosophical analysis)]. Moscow, Kogito-Centr, 2015: 106 (in Russ.).

24. Merzlyakov A. A. Social Dialogue as an Instrument of Institutional Governance in Social Development. *Filosofskie nauki*, 2024: 67: 4: 99–113 (in Russ.). DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-4-99-113; EDN: BMTJZR.
25. Meshcheryakova N. N., Kryshtanovskaya O. V. Smart elite: conceptual framework. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika*, 2023: 11: 4: 30–52 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2023.11.4.2; EDN: SLGDNI.
26. Obolonsky A. V. Human factor in governance during transit times in a view of new institutionalism concepts. *Voprosy teoreticheskoy ehkonomiki*, 2022: 1: 126–145 (in Russ.). DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_126_145; EDN: BZYGEU.
27. Pilyugina S. A., Sergeeva M. G. The system of development of teacher's professional subjectivity in an educational organization of additional professional education. *Koncept*, 2025: 3: 154–166 (in Russ.). DOI: 10.24412/2304-120X-2025-11044; EDN: LDMKTK.
28. Pol Riker – filosof dialoga [Paul Ricoeur is a philosopher of dialogue]. Ed. by I. I. Blauberg. Moscow, IF RAN, 2008: 141 (in Russ.).
29. Problema sborki sub'ektov v postneklassicheskoy nauke [The problem of assembling subjects in post-nonclassical science]. Ed. by V. I. Arshinov, V. E. Lepski. Moscow, IF RAN, 2010: 271 (in Russ.).
30. Rozov M. A. Problema ob'ekta poznaniya v kontekste teorii socialnyh estafet [The Problem of the Object of Cognition in the Context of the Theory of Social Passages]. *Ehpistemologiya i filozofiya nauki*, 2011: XXIX: 3: 200–225 (in Russ.). EDN: OEYPKR.
31. Savelev I. A. Polysubjectivity as a Factor of Social Development in the Context of Dialogization and Differentiation of Center–Region Relations in the Federal State. *Filosofskie nauki*, 2024: 67: 2: 97–116 (in Russ.). DOI: 10.30727/0235-1188-2024-67-2-97-116; EDN: PNVVDY.
32. Self-organization of Citizens, Charity and the Third Sector: Theories, History and Modern Trends. Ed. by L. Yakobson. Moscow, Izd. dom VShE, 2024: 376 (in Russ.). DOI: 10.17323/978-5-7598-4106-7.
33. Sergeyev S. F. The problem of the Subject and the Technosubject in the Technogenic World. In Socio-humanitarian problems of strengthening the subjectivity of Russia. Ed. V. E. Lepsky. Moscow, Kogito-Centr. 2023: 157–164 (in Russ.). EDN: HYBWAD.
34. Smorgunov L. V. GR-management and public policy. *Polis*, 2024: 6: 170–178 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2024.06.12; EDN: QSNVYP.
35. Smotritskaya I. I. Public governance: Towards dialogue and cooperation? *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy asociacii*, 2023: 4: 61: 246–252 (in Russ.). DOI: 10.31737/22212264_2023_4_246-252; EDN: UVEQTU.
36. Syromyatnikov I. V., Repin E. V. Professional'naya sub'ektnost' v sisteme orientirov professionalnoj podgotovki upravlencheskih kadrov [Professional Subjectivity in the System of Guidelines for Professional Training of Managerial Personnel]. *Innovacii v obrazovanii*, 2012: 5: 95–105 (in Russ.). EDN: OXJTPJ.
37. Creative industries. Reference book. Ed. by N. V. Gladkikh. Moscow, NIU VShE, 2022: 220 (in Russ.).
38. Tkachenko I. N. Public governance stakeholders: scientific review of modern research. *Vestnik evrazijskoj nauki*, 2023: 15: 6 (in Russ.). URL: <https://esj.today/PDF/40ECVN623.pdf> Accessed 23.06.2025. EDN: IHWBO.
39. Ustyuzhantseva O. V. Architectural Agency in the Global Artificial Intelligence Infrastructure: The Case of India. *Prostranstvennaya Ekonomika*, 2025: 21: 3: 102–141 (in Russ.). DOI: 10.14530/se.2025.3.102-141; EDN: KYNKUY.
40. Ushakov E. V. The era after the new public management: the search for new ideas and approaches. In Theoretical and applied problems of the science of man and society. Petrozavodsk: Novaya nauka, 2022: 171–185 (in Russ.). EDN: EKKFYY.
41. Filippova V. V. Civilizational-value analytics as a method of public administration and sectoral policies. *Nauka. Kultura. Obshchestvo*, 2023: 29: 2: 28–43 (in Russ.). DOI: 10.19181/nko.2023.29.2.3; EDN: UFCIVR.
42. Chevtava N. G. Sociologiya chinovnichestva v Rossii: dorevolucionnoe nasledie i sovremennost' [Sociology of the Civil Service in Russia: Pre-Revolutionary Heritage and Modern Times]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2009: 3: 85–113 (in Russ.). EDN: NDSVRR.

43. Steinberg I. E. A logical scheme to justify the sample in qualitative interview: an “8-window sample model”. *Sotsiologiya: 4M*, 2014: 38: 38–71 (in Russ.). EDN: SZSTPJ.
44. Shchedrovickij G. P. *Izbrannye Trudy [Selected Works]*. Moscow, ShKP, 1995: 759 (in Russ.).
45. Yakunin V. I., Volodenkov S. V. et al. Public Policy as an Object of Contemporary Research. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Politicheskie nauki*, 2024: 6: 50–94 (in Russ.). DOI: 10.55959/MSU0868-4871-12-2024-2-6-50-94; EDN: LJMALN.
46. Grøn A. B. Bridge over Troubled Waters? Experimental Evidence into the influence of Leadership on Employees’ Collaborative Engagement. *Public Administration Review*, 2025: 85(2): 308–325. DOI: 10.1111/puar.13834.
47. Houtgraaf G., Kruyen P. M., van Thiel S. A connotation to public sector creativity: creative public servants’ tendencies to opt for rule-bending. *Public Management Review*, 2024: 26(12): 3643–3663. DOI: 10.1080/14719037.2024.2351464.
48. Nicmanis M., Spurrier H. H. Getting Started with Artificial Intelligence Assisted Qualitative Analysis: An Introductory Guide to Qualitative Research Approaches with Exploratory Examples from Reflexive Content Analysis. *International Journal of Qualitative Methods*, 2025: 24: 1–14. DOI: 10.1177/16094069251354863.
49. Thiel J. Creative cities and the reflexivity of the urban creative economy. *European Urban and Regional Studies*, 2017: 24(1): 21–34. DOI: 10.1177/0969776415595105.
50. van der Meer J., Vermeeren B. et al. The bureaucrat, the entrepreneur, and the net-worker: Developing and validating measurement scales for civil servants’ role perceptions. *Public Administration Review*, 2024: 84: 500–518. DOI: 10.1111/puar.13702.

The article was submitted on: February 27, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Kostko, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General and Economic Sociology

Irina F. Pecherkina, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management and Business

Elena V. Andrianova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General and Economic Sociology

МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.8

EDN: FKSDJB

Нормативно-правовая саморегуляция жизнедеятельности российской молодежи

Ссылка для цитирования: Буланова М. Б., Шушпанова И. С. Нормативно-правовая саморегуляция жизнедеятельности российской молодежи // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 2. С. 144–163. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.8; EDN: FKSDJB.

For citation: Bulanova M. B., Shushpanova I. S. Normative and Legal Self-Regulation of the Lives of Russian Youth. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 144–163. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.8; EDN: FKSDJB.

SPIN-код: 5827-6351

Буланова Марина Борисовна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

marina_bulanova@inbox.ru

SPIN-код: 6655-4547

Шушпанова Ирина Сергеевна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

i.s.shushpanova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме актуализации механизмов саморегуляции в молодежной среде, формирующихся в условиях противоречивости нормативно-правовых критериев и сложившейся в социуме социальной практики, которая влияет на формы интеграции молодых людей в современное российское общество. Одной из важных задач для молодежи является освоение нормативно-правовой регуляции общественной жизни, представленной существующим в обществе законодательством. В ходе накопления собственного социального опыта молодым людям приходится сталкиваться с конкретными случаями нарушения законов, что нередко приводит к дезинтеграции и запускает механизм саморегуляции их жизнедеятельности с включением практик нарушения правовой солидарности. В этом случае серьезной социальной проблемой становится преодоление противоречия между институциональной нормативно-правовой регуляцией и саморегуляцией жизнедеятельности российской молодежи. В целях поиска путей решения указанной проблемы авторы обратились к изучению субъективных факторов, влияющих на нормативно-правовую саморегуляцию повседневной жизни молодежи. Эмпирической базой

исследования послужили результаты опроса молодежи, проведенного ИС ФНИСЦ РАН в 40 субъектах РФ. В соответствии с полученными ответами на вопросы, связанные с отношением молодежи к действующему законодательству и влиянию на это отношение референтных личностей, респонденты были систематизированы по четырем группам: «ориентированные на закон», т. е. безусловно согласные с институциональной нормативно-правовой регуляцией; «условно законопослушные» – ориентирующиеся на соблюдение закона органами власти; «ориентированные на мораль» – выбирающие закон в случае соблюдения принципа справедливости; «сомневающиеся» – по тем или иным причинам не определившиеся. Касательно фактора «отношение к закону», статистически значимыми оказались различия молодых людей по полу и образованию. Так, в первую группу попало больше женщин, а в третью – мужчин. Среди «ориентированных на закон» больше представителей молодежи, получивших высшее образование и соответствующий специальности уровень профессиональной квалификации. Среди женщин чаще встречаются те, кто готов прислушиваться к мнению референтных других, а не полагаться на собственное. С повышением уровня образования снижается зависимость от мнения других и одновременно возрастает значимость собственного мнения. С возрастом меняется палитра выбора референтных других и повышается градус критики по отношению к их взглядам. Полученные результаты могут быть использованы при изучении иных факторов саморегуляции жизнедеятельности российской молодежи.

Ключевые слова: молодежь, российская молодежь, правовое сознание, социальная интеграция, саморегуляция жизнедеятельности, право, закон

Введение

Социальная интеграция молодежи в общество затруднена не только в силу особого статуса этой группы, вынужденной включаться в сложившиеся социальные институты и искать собственные способы организации жизнедеятельности, но и по причине внешних изменений, затронувших все основные аспекты жизнедеятельности российского общества, в том числе темп и сложность социальной жизни. Современные молодые люди живут в реальности, осложненной, с одной стороны, действием глобальных тенденций, а с другой – текущей международной ситуацией, которая объективно влияет на возможности государства предоставить им достойный выбор в плане жизненной и профессиональной карьеры. По наблюдениям исследователей, мировоззренческие установки российской молодежи изменяются в условиях геополитического конфликта. Молодежь чаще (46%), чем население в целом (35%), видит будущую Россию страной, где обеспечиваются права человека, демократия, свобода самовыражения личности [17, с. 183; 1]. Так же, как и для старших поколений, для молодежи важен концепт справедливого общества (по 60% в старшей и младшей возрастной групп), ключевым элементом которого является равенство в реализации открывающихся перед представителями всех слоев общества прав и в возможности их законно отстаивать. Нарушение этого равенства, как отмечают исследователи, становится одной из причин девальваций социального поведения людей в условиях повышенной риско-

генности современного общества [10, с. 174, 179]. Изучая причины возможных протестов среди молодежи, исследователи приходят к выводу, что они могут быть вызваны как правовыми проблемами и проблемами безопасности, так и социокультурными проблемами городов [11, с. 268; 6]. Самостоятельным направлением в молодежных исследованиях является изучение проблем городской и сельской молодежи [13; 18]. В этой связи особую важность приобретает задача налаживания диалога между государством и молодежью по вопросам определения границ дозволенного и недозволенного ради достижения солидарности относительно целей общественных изменений. Как подчеркивают ученые, «принудительно заставить молодежь идти курсом, декларируемым государством и обществом взрослых, будет довольно сложно» [9, с. 132].

В сложившейся непростой ситуации возрастает значимость изучения влияния нормативно-правовой регуляции общественной жизни на поведение молодежи. Ряд имеющих на сегодняшний день работ позволяет судить об уже достигнутых на этом поприще результатах. Так, внимания заслуживает поднимаемая некоторыми авторами проблема правового нигилизма молодых людей и их предложение решать ее посредством специальных обучающих технологий в школах, дополненных комплексом мер по работе с семьями [3]. Отдельно рассматриваются формы обучающего и информирующего воздействия (лекции, семинары, круглые столы и дискуссионные клубы) в целях правового воспитания студентов в высших учебных заведениях [14]. В целом наметившийся сегодня общий подход к пониманию правового воспитания молодежи можно охарактеризовать следующим образом: «...это деятельность, представляющая собой систему воспитательных и тренинговых мероприятий, направленных на формирование социальной и правовой культуры. Организация правового воспитания молодежи осуществляется через информирующие, консультационные и пропагандистские средства воздействия» [14, с. 56]. При таком подходе современная молодежь мыслится в первую очередь как объект внешнего воздействия (технологического, педагогического, информационного и др.), что не вполне согласуется с новыми трендами, характеризующимися усилением ориентации молодежи на себя, повышением значимости индивидуального опыта, поиском или созданием собственных вариантов жизненной траектории. Как отмечают исследователи, молодые люди, сталкиваясь с беспрецедентным потоком информации в Интернете (в том числе по правовым вопросам), обрабатывают ее стереотипно (в настоящее время – с использованием искусственного интеллекта), и это влияет на процесс политического самоопределения, делает его непоследовательным и противоречивым [15; 19].

При всей его распространенности представленный выше подход обладает уязвимостью, связанной с признанием неспособности молодого человека к регуляции собственной жизнедеятельности в правовой сфере общества. Говоря о формировании правового сознания молодежи, необходимо четко различать целенаправленное регулирование жизнедеятельности, осуществляемое посредством влияния со стороны институциональных структур (агентов), и саморегулирование, при котором главную роль играют

сами молодые люди как субъекты выбора способов и ориентиров своей жизнедеятельности в различных сферах общественной жизни [16, с. 10; 5]. Нередко транслируемые институциональными структурами знания о правовой сфере и конкретный опыт, полученный молодым человеком в его обыденной жизни, начинают противоречить друг другу, порождая как личностную, так и социальную дезинтеграцию, что, в свою очередь, приводит либо к нарушению прав самой молодежи со стороны властных структур, либо к нарушениям молодыми людьми правовых норм солидарности [7]. Взяв за основу концепцию саморегуляции жизнедеятельности молодежи, авторы настоящей статьи ставят своей целью определить отношение разных групп российской молодежи, выделенных по возрасту, полу, уровню образования, виду занятости и типу поселения, к институциональному нормативно-правовому регулированию общества, а также выявить степень влияния на позицию представителей этих групп референтных других.

Теоретико-методологическая и эмпирическая база исследования

Теоретическую базу исследования составил социокультурный подход к пониманию саморегуляции жизнедеятельности молодежи (В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, Н. А. Селиверстова). Молодые люди, опираясь на имеющиеся у них знания и опыт, формируют собственную субъективную реальность. Сталкиваясь с нравственными, социальными, правовыми противоречиями во внешней среде, они адаптируются к ним исходя из разделяемых представлений о должном, ценностных ориентаций, установок, потребностей и смыслов [16]. Формирующийся в сознании молодежи конфликт между нормативно-правовой средой и сложившейся в обществе социальной практикой актуализирует антикризисные механизмы саморегуляции. Постоянная рефлексия, вызванная накоплением социального багажа и влиянием внешней среды, приводит к отказу от ранее привычных, но ставших уже не рациональными моделей поведения в пользу тех, что признаются оптимальными в сложившихся условиях. В силу указанного обстоятельства изучение факторов, влияющих на нормативно-правовую саморегуляцию повседневной жизни молодежи, приобретает особую актуальность.

Эмпирической базой исследования послужили данные социологического опроса российской молодежи в возрасте 18–35 лет из 40 субъектов Российской Федерации, проведенного научным коллективом ИС ФНИСЦ РАН в мае–июне 2025 г. (рук. М. К. Горшков, Ю. А. Зубок). Всего было опрошено 3500 чел. по многоступенчатой квотной выборке, основанной на территориальных и социально-демографических показателях. Метод опроса – формализованное персональное интервью.

Результаты исследования

Представления российской молодежи о законе и отношении к нему

Представления о законе и отношении к нему как к источнику формирования соответствующих ценностных ориентаций и механизму регуляции жизнедеятельности является ядром правового сознания российской молодежи. Согласно полученным данным 71,5% молодых людей считают важным и необходимым соблюдать закон, однако только 39,7% из них готовы соблюдать его при любых условиях, а 31,8% – лишь в том случае, если закону будут также следовать представители власти (см. рис. 1).

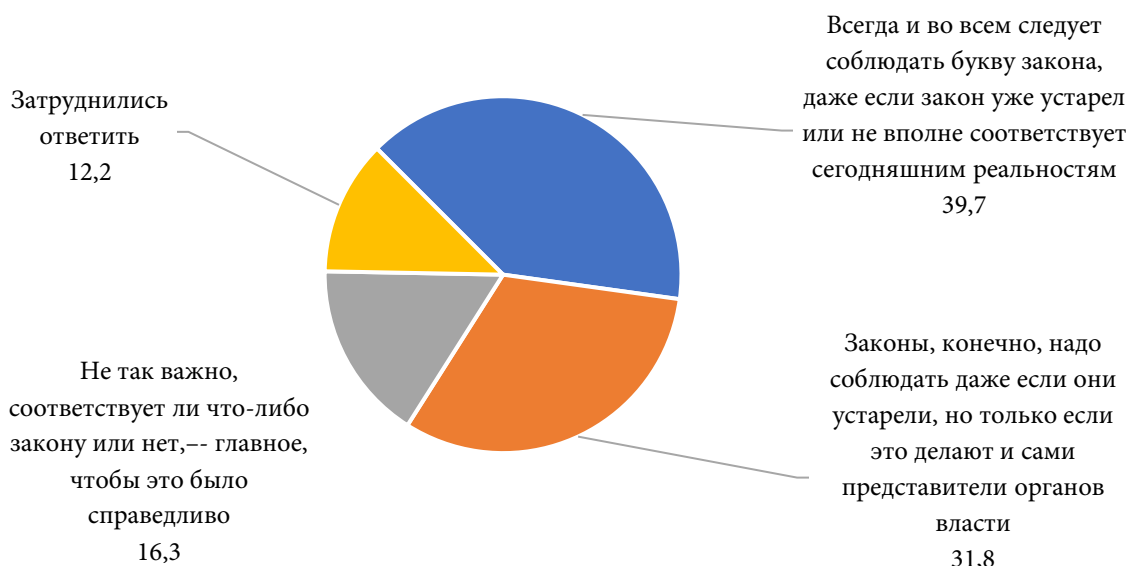

Рис. 1. Отношение российской молодежи к закону, %

Figure 1. The attitude of Russian youth to the law, %

Представленное на рис. 1 распределение ответов позволяет предположить, что в сознании молодежи существуют две конфликтующие между собой модели отношения к закону: одна заключается в признании его абсолютной силы, другая же связана с персонификацией власти и принятием принципа приоритета личных качеств руководителя над институциональными ограничениями. Выбор в пользу второго сопряжен с недоверием к властным структурам и выражается, в частности, в том, что молодые люди (16,3%) ставят моральные нормы (например, справедливость) выше правовых. Отдельное место занимает группа затруднившихся с ответом (12,2%), в которую попали как лица с недостаточно сформированным правовым сознанием, так и пожелавшие по разным причинам уклониться от ответа.

Таким образом, согласие респондентов с предложенными утверждениями по отношению к закону позволяет выделить четыре группы, различающиеся по своему отношению к закону: 1) «ориентированные на закон» и, как следствие, целиком солидарные с имеющейся в российском обществе нормативно-правовой регуляцией (39,7%); 2) «условно законопослушные», для которых равенство всех перед законом важнее самого закона (31,8%); 3) «ориентированные на мораль» (16,3%) – те, кто ставит моральные нормы выше правовых; 4) «сомневающиеся» (12,2%), у которых отсутствует четко осознаваемое отношение к закону.

Значимым отличием первых двух групп от двух последних является то, что их представители чаще выбирают именно закон в качестве регулятора своего поведения. Среди «ориентированных на закон» и «условно законопослушных» в большей степени распространено мнение, что социальная справедливость заключается в равенстве всех перед законом и что человек не должен уходить от ответственности за разного рода преступления, даже если он начальник, богат или знаменит – 64 и 60% соответственно. В группах «ориентированных на мораль» и «сомневающих» число выбирающих именно такую трактовку социальной справедливости значимо ниже – 52 и 53% соответственно.

Посмотрим, как социально-демографические характеристики молодых людей влияют на их отношение к закону (см. табл. 1).

С утверждением, что «всегда и во всем следует соблюдать букву закона, даже если закон уже устарел или не вполне соответствует сегодняшним реалиям», согласилось большинство опрошенных во всех возрастных группах российской молодежи. Наиболее часто это утверждение выбирали 22–25 и 26–30-летние – 42,3 и 41,2% соответственно, полагаем, обусловлено присущим им осознанием личной ответственности и набранным к этому возрасту социальным опытом. От 29,9 до 33,7% молодых людей в разных возрастных группах в целом признают важность соблюдения закона, но, очевидно, уже успело столкнуться со случаями его нарушения со стороны представителей власти. Признание приоритета справедливости над действующим законодательством, характерное для 14,8–16,8% молодых россиян вне зависимости от возраста, свидетельствует об отсутствии у них доверия к власти. Доля затруднившихся высказать свое отношение к закону в разных возрастных группах не превышает 13,5% и при этом с возрастом, т. е. по мере накопления знаний и опыта в правовом пространстве общества, снижается.

По критерию пола мнение российской молодежи статистически дифференцировано. Женщины занимают в целом более лояльную позицию и среди них больше «ориентированных на закон» (42%), нежели среди мужчин (37,2%). Вторые, напротив, в целом настроены более критически, что, возможно, объясняется их более частой негативной практикой в правовом поле. Мужчины преобладают в группах «условно законопослушных», «ориентированных на мораль» и «сомневающих», хотя их отрыв от женщин довольно мал и не превышает 2,6%.

Таблица 1 (Table 1)

Особенности социально-демографических групп молодежи в зависимости от их отношения к закону, в % по строке
The peculiarities of socio-demographic groups of young people, depending on their attitude to the law, in % per row

Социально-демографические группы		Отношение к закону			
		Ориентированные на закон	Условно законопослушные	Ориентированные на мораль	Сомнивающиеся
Возраст, лет	18–21	36,3	33,4	16,8	13,5
	22–25	42,3	29,9	14,8	13,0
	26–30	41,2	30,8	16,6	11,4
	31–35	38,0	33,7	16,8	11,5
Пол	Мужской	37,2	32,5	17,6	12,7
	Женский	42,0	31,2	15,0	11,8
Вид занятости	Работаю	39,7	31,5	16,4	12,4
	Учусь	38,4	33,7	18,3	9,6
	Учусь и работаю	44,3	33,6	5,7	16,4
	Работаю и учусь	35,0	36,2	18,8	10,0
	Не работаю и не учусь	35,7	31,7	18,3	14,3
	Безработный	52,6	26,3	10,5	10,6
Уровень образования	Неполное среднее	31,7	33,3	23,3	11,7
	Общее среднее	39,9	32,9	14,9	12,3
	Среднее специальное	37,6	32,8	17,3	12,3
	Незаконченное высшее	35,5	34,1	18,1	12,3
	Высшее	43,9	29,4	14,4	12,3
	Два высших, магистратура, аспирантура, кандидат/доктор наук	46,9	25,0	18,8	9,3
Тип поселения	Мегаполис	37,1	35,0	19,2	8,7
	Областной/краевой/ республиканский центр	39,6	31,5	15,4	13,5
	Районный центр / город, не являющийся районным	39,7	33,4	15,0	11,9
	Поселок городского типа	38,9	29,5	21,1	10,5
	Село	41,4	28,9	16,5	13,2

Примечания. *Цветом отмечены ячейки таблицы, между показателями которых зафиксирована связь на статистически значимом уровне (статистика χ^2 , $p = 0,05$). **Группы «учусь и работаю» и «работаю и учусь» связаны с различием основного вида занятости: в первом случае учеба (и подработка), во втором – работа (и дополнительно учеба). ***Группа «безработные» обозначает тех представителей молодежи, кто в настоящее время не работают, но ищут работу (в том числе на бирже труда). Группа «неработающих и неучащихся» (т. н. neet-молодежь) обозначает тех, кто не работает, не учится и не собирается менять это положение.

Касательно вида занятости, более всего «ориентированных на закон» обнаружилось среди безработных (52,6%) и тех, кто одновременно учится и работает (44,3%), что, скорее всего, связано с их установкой на защиту законного права иметь работу и не потерять ее. Менее всего «ориентированных на закон» оказалось среди тех, кто не работает и не учится (35,7%), и тех, кто одновременно работает и учится (35%) в силу возможной ограниченности их деятельности в правовом пространстве. И именно эти группы лидируют среди «ориентированных на мораль» – 18,3 и 18,8% соответственно. В этой же категории в пределах такого же процента (18,3%) находится группа учащихся, основное правовое поле деятельности которых ограничено пространством вуза. Среди «условно законопослушных» больше всего тех, кто работает и учится (36,2%).

Отношение молодежи к закону тесно связано с уровнем ее образования, так как образовательные учреждения прививают молодым людям необходимые знания в области права. Неслучайно среди «ориентированных на закон» чаще других встречаются молодые люди с высшим образованием (43,9%), а также с несколькими высшими образованиями, закончившие магистратуру, аспирантуру, получившие ученую степень (46,9%) и, напротив, реже – опрошенные с неполным средним образованием (31,7%) вследствие того, что основные темы, дающие возможность ориентироваться в нормах права, обычно проходят в рамках курса обществознания в старших классах школы. Большинство «условно законопослушных» представлено молодыми людьми с незаконченным высшим образованием и ниже. Среди «ориентированных на мораль» большинство составляют молодые россияне с неполным средним образованием (23,3%), а меньшинство – лица с высшим образованием (14,4%), что, надо думать, вызвано недостатком правовых знаний и правовой культуры в первом случае и их наличием в купе с полным осознанием – во втором.

Молодые люди из всех типов поселений скорее склонны безусловно соблюдать закон. Ярче всего эта готовность проявляется у молодежи (41,4%), проживающей на селе, где круг общения ограничен, а случаи нарушения закона более очевидны. Жители мегаполисов преобладают среди «условно законопослушных» (35%), а обитатели поселков городского типа – среди «ориентированных на мораль» (21,1%), что может свидетельствовать об их недоверии к местной власти или быть реакцией на ее бездействие.

Подведем промежуточный итог. Среди «ориентированных на закон» чаще встречается молодежь более старших возрастов – от 22 до 30 лет, в силу большего объема имеющихся у нее правовых знаний и более богатого опыта их применения во время учебы и работы. Молодые женщины в большей степени склонны безусловно ориентироваться на закон в своих действиях, тогда как для молодых мужчин важнее соблюдение принципов равенства и справедливости при применении закона. Безработная молодежь, а также молодежь, совмещающая учебу и трудовую деятельность, чувствует себя более уязвимой в правовом отношении, поскольку либо ищет работу, либо боится ее потерять. Обнаружена прямая связь между установкой молодежи на безусловное соблюдение закона и уровнем ее образования: чем выше вто-

рой, тем чаще опрошенные делали выбор в пользу «ориентации на закон». Различие городского и сельского образа жизни также сказывается на отношении к закону. Сельская молодежь чаще, чем жители более крупных населенных пунктов, заявляла о своей полной приверженности закону, так как в случае его нарушения может быть с большей вероятностью привлечена к ответственности.

Отношение российской молодежи к мнению референтных других

Не последним по значимости источником формирования правового сознания молодежи являются референтные другие, к мнению которых молодые люди склонны прислушиваться и на которых ориентируется в своей деятельности. Как показывают данные исследования, по важным социальным (в том числе правовым) вопросам молодые люди в первую очередь советуются с родителями (55,2%)¹, что говорит об уровне влияния родительской семьи на молодое поколение и доверии, которое оно питает к жизненному опыту старших. Второе–шестое места в рейтинге тех, мнению которых доверяет молодежь, занимают соответственно: друзья (28,4%), муж/жена (25,9%), любимый человек (17,7%), другие члены семьи (16,9%), коллеги по работе и учебе (15,7%). По сути, круг референтных других современной российской молодежи формируется из представителей ее ближайшего окружения.

Гораздо меньше влияния на молодых людей оказывают: известные деятели науки, культуры и искусства (7,2%), известные политики (6,5%), учителя и преподаватели (6,1%), наставники и тренеры (5,1%), известные блогеры и популярные интернет-фигуры (4,9%), видные тележурналисты (4,1%), духовные и религиозные лидеры (2,5%), лидеры молодежных движений и объединений (1,5%), т. е. лица, составляющие так называемый дальний круг доверия. Примечательно, что почти у четвертой части опрошенных (24,1%) референтные другие как таковые вообще отсутствуют: при решении социальных проблем эти молодые люди предпочитают опираться на собственную точку зрения и имеющийся у них жизненный опыт.

Довольно интересная картина открывается, если посмотреть на отношение молодежи к закону через призму значимых других, входящих в ее референтный круг (см. табл. 2).

В первую пятерку референтных других, мнение которых особо значимо для «ориентированных на закон», входят: учителя и преподаватели (57,5%), известные политики (54,1%), коллеги по работе и учебе (51,2%), родители (50,3%), муж/жена (48,4%). Все перечисленные персоны действуют преимущественно в официальном правовом поле и в силу своего статуса участвуют в формировании именно законопослушной модели поведения. Известные блогеры и заметные интернет-фигуры больше способствуют развитию у молодежи критического отношения к закону и пред-

¹ Вопрос в бланке интервью был сформулирован следующим образом: «Чье мнение по важным социальным проблемам является наиболее значимым, авторитетным лично для вас?».

ставителям власти (42,3%), а также прививают ей чувство справедливости, которая может ставиться выше закона (24,4%). Особый интерес вызывают молодые люди, предпочитающие ориентироваться на собственное мнение. Для них высшую ценность представляет равенство всех перед законом вне зависимости от занимаемого статуса (40,6%), а собственно закон (36%), как и справедливость (23,4%), значимы лишь во вторую и третью очередь.

Таблица 2 (Table 2)

Сопряженность ориентации молодежи на референтную личность и их отношение к закону, в % по строке

The contingency of youth's orientation towards reference person and their attitude to law, in % per row

Референтные другие	Отношение к закону		
	Ориентированные на закон	Условно законопослушные	Ориентированные на мораль
Родители	50,3**	34,3**	15,4**
Другие члены семьи	45,5	36,5	18,0
Любимый человек	45,6	38,5	15,9
Муж/жена	48,4*	36,0*	15,6*
Друзья	46,6	35,5	17,9
Коллеги по работе, учебе	51,2**	29,8**	19,0**
Учителя, преподаватели	57,5**	30,6**	11,9**
Известные блогеры, популярные интернет-фигуры	33,3**	42,3**	24,4**
Известные политики	54,1*	32,4*	13,5*
Наставник, тренер	45	32,5	22,5
Видные журналисты	47,4	30,8	21,8
Известные деятели науки, культуры, искусства	44,3	39,8	15,9
Нет таких, руководствуюсь только собственным мнением	36,0**	40,6**	23,4**

Примечания. *Цветом отмечены ячейки таблицы, между показателями которых зафиксирована связь на статистически значимом уровне (статистика χ^2 , $p = 0,05^*$, $p = 0,01^{**}$). **Анализируются группы молодых респондентов, которые имели явно выраженное отношение к закону. ***Из анализа исключены варианты ответов, которые набрали менее 3% («духовные, религиозные лидеры» – 2,5%, «лидеры молодежных движений, объединений» – 1,5%).

Приводимая выше таблица 2 позволяет выявить следующие закономерности. Для группы «ориентированных на закон» приоритетным является мнение учителей/преподавателей и политиков, т. е. лиц, выступающих носителями правовых знаний и опыта. Для группы «условно законопослушных», которым важно реальное соблюдение закона всеми членами общества вне зависимости от статуса, на первое место среди референтных других выходят известные блогеры и прочие медийные личности, тематизирующие в своих выступлениях и материалах проблему нарушения закона со стороны правоприменителей. Что касается группы «ориентированных

на мораль», предпочитающих следовать скорее моральным, нежели правовым нормам, то они, как и «условно законопослушные», более склонны прислушиваться к мнению известных блогеров, а также коллег по работе/учебе, которые чаще сталкиваются со случаями нарушения норм нравственности в реальной общественной жизни.

Далее в соответствии с поставленной исследовательской задачей проверим, как социально-демографические характеристики разных групп молодежи и ее отношение к закону влияют на выбор предпочтительных референтных других (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Особенности групп молодежи: связь между выбором референтной личности и отношением к закону, в % по строке

Characteristics of youth groups: the relationship between the choice of a reference person and attitude to law, in %

Социально-демографические группы		Отношение к закону		
		Ориентированные на закон	Условно законопослушные	Ориентированные на мораль
Возраст, лет	18–21	Учителя, преподаватели (60,9) Родители (48,8)	Известные деятели науки, культуры, искусства (57,1) Собственное мнение (43,8)	-
	22–25	Коллеги по работе, учебе (61,5) Родители (54,8)	Собственное мнение (39,4)	-
	26–30	Родители (52,0) Собственное мнение (38,7)	Собственное мнение (38,7)	-
	31–35	Видные журналисты (64,7)	-	Духовные, религиозные лидеры (42,9)
Пол	Мужской	Учителя, преподаватели (53,7) Родители (47,4) Собственное мнение (42,6)	-	-
	Женский	Учителя, преподаватели (60,6) Коллеги по работе, учебе (54,4) Родители (52,4) Муж/жена (51,8)	Известные блогеры, популярные интернет-фигуры (43,6) Собственное мнение (40,1)	-

Продолжение таблицы 3

Социально-демографические группы		Отношение к закону		
		Ориентированные на закон	Условно законопослушные	Ориентированные на мораль
Вид занятости	Работаю	Учителя, преподаватели (58,2) Коллеги по работе, учебе (51,7) Родители (50,2) Видные тележурналисты (54,6)	Собственное мнение (40,8) Известные блогеры, популярные интернет-фигуры (40,7)	-
	Учусь	Известные деятели науки, культуры, искусства (65,7) Родители (49,8)	Собственное мнение (42,4)	-
	Учусь и работаю	Родители (59,7)	Известные деятели науки, культуры, искусства (62,5)	-
	Работаю и учусь	-	Известные деятели науки, культуры, искусства (71,4)	-
	Не работаю и не учусь	-	-	Известные деятели науки, культуры, искусства (57,1)
	Безработный	Родители (70,8)	-	-
Уровень образования	Неполное среднее	Статистически значимой связи не зафиксировано		
	Общее среднее	Известные политики (70,4) Известные деятели науки, культуры, искусства (61,8) Любимый человек (51,6) Родители (51,3)	Другие члены семьи (47,5) Собственное мнение (40,6)	-
	Среднее специальное	Родители (48,4) Муж/жена (46,2)	Собственное мнение (39,9)	-
	Незаконченное высшее	Родители (46,5)	Собственное мнение (49,1)	-
	Высшее	Коллеги по работе, учебе (60,8) Родители (54,3)	-	-
	Два высших, магистратура, аспирантура, кандидат/доктор наук	Статистически значимой связи не зафиксировано		

Окончание таблицы 3

Социально-демографические группы		Отношение к закону		
		Ориентированные на закон	Условно законопослушные	Ориентированные на мораль
Тип поселения	Мегаполис	Учителя, преподаватели (63,3) Родители (50,6) Друзья (50,5)	Собственное мнение (41,5)	-
	Областной/краевой/ республиканский центр	Коллеги по работе, учебе (52,8) Друзья (51,8) Родители (50,6)	Собственное мнение (43,2)	-
	Районный центр / город, не являющийся районным	Коллеги по работе, учебе (54,8) Муж/жена (50,7) Родители (49,9)	Собственное мнение (40,6)	-
	Поселок городского типа	Статистически значимой связи не зафиксировано		
	Село	Статистически значимой связи не зафиксировано		

Примечания. *В таблице представлены связи показателей, зафиксированные на статистически значимом уровне (статистика χ^2 , $p = 0,05$). **Анализируются группы молодых респондентов, которые имели явно выраженное мнение по отношению к закону.

В целом, во всех возрастных группах молодежи ключевыми оказываются две позиции: 1) безусловное соблюдение закона и 2) соблюдение закона при условии, что его также соблюдают представители власти. В период взросления и проживания в родительской семье главными референтными другими для молодых людей 18–30 лет являются родители, от которых они перенимают идею о необходимости соблюдения закона. Другими значимыми агентами, формирующими установку на безусловно законопослушание, становятся учителя (для 18–21-летних) и коллеги по работе/учебе (для молодежи 22–25-летних). В дальнейшем, по мере обретения социальных связей и жизненного опыта, молодые люди 26–30 лет уже самостоятельно принимают решение о соблюдении закона. Если на представление 18–21-летних о возможности частичного соблюдения закона в зависимости от поведения представителей власти влияют мнения известных деятелей науки, культуры, искусства, то с накоплением опыта самостоятельных действий в правовом поле эту позицию молодой человек выбирает сам. Отдельно выделим группу 31–35-летних, среди которых «ориентированные на закон» чаще доверяют мнению видных журналистов (64,7%), а «ориентированные на мораль» – мнению духовных и религиозных лидеров (42,9%).

Молодые женщины (по сравнению с мужчинами) подвержены влиянию большего числа референтных других. «Ориентированные на закон» молодые люди вне зависимости от пола в первую очередь стараются прислушиваться к мнению учителей и преподавателей (53,7% – у мужчин и 60,6% – у женщин), а также родителей (47,4% – у мужчин и 52,4% –

у женщин). Кроме них, «ориентированные на закон» женщины склонны особо доверять мнению коллег по работе/учебе (54,4%) и мужа (51,8%), а «ориентированные на закон» мужчины – полагаться на собственную точку зрения. Для «условно законопослушных» женщин наибольшую значимость имеет мнение известных блогеров и прочих популярных интернет-фигур (43,6%), а также свое собственное (40,1%). Для занимающих аналогичную позицию мужчин какого-либо явного предпочтения в плане референтных других выявлено не было.

«Ориентированная на закон» учащаяся молодежь прежде всего доверяет мнению известных деятелей науки, культуры, искусства (65,7%) и родителей (49,8%), тогда как работающая – мнению учителей и преподавателей (58,2%), видных тележурналистов (54,6%), коллег по работе (51,7%) и тоже родителей (50,2%). Также родители выступают абсолютными авторитетами и для «ориентированных на закон» молодых людей, которые одновременно учатся и работают (59,7%), и для «ориентированных на закон» безработных (70,8%), которые, как правило, проживают в родительских семьях. «Условно законопослушная» молодежь, и учащаяся, и работающая, предпочитает опираться на собственное мнение (от 40,8% до 42,4%), а кроме него, на мнение известных блогеров и популярных интернет-фигур (40,7%) и мнение известных деятелей науки, культуры, искусства (от 62,5% до 71,4%). Точка зрения последних важна также для «ориентированной на мораль» неработающей и неучащейся молодежи.

С ростом уровня образования наблюдается уменьшение зависимости молодежи от мнения всевозможных референтных других. Так, например, для «ориентированных на закон» молодых людей с общим средним образованием значимо мнение и известных политиков (70,4%), и деятелей науки, культуры, искусства (61,8%), и любимого человека (51,6%), и родителей (51,3%), тогда как для молодых людей с высшим образованием круг преимущественных референтных лиц ограничивается коллегами по работе (60,8%) и родителями (54,3%). Среди «условно законопослушных» с ростом уровня образования возрастает ценность собственного мнения.

Среди «ориентированной на закон» городской молодежи (от обитателей мегаполисов до жителей городов, не являющихся районными) первое место по значимости занимают мнения учителей/преподавателей (63,3%) и коллеги по работе/учебе (от 52,8 до 54,8%), а второе–третье – мнения друзей (50,5–51,8%), мужа/жены (50,7%) и родителей (49,9–50,6%). Городская молодежь из числа «условно законопослушных» главным образом опирается на собственное мнение и, надо полагать, не всегда положительный опыт проживания ситуаций, связанных с деятельностью представителей власти.

Обобщая вышесказанное, заметим: по мере взросления молодых людей меняется и сужается круг референтных других, влияющих в том числе и на их отношение к закону. В этой связи довольно интересна группа 30–35-летних, представители которой склонны ориентироваться на мнение видных журналистов, а также духовных и религиозных лидеров. Молодые женщины вне зависимости от их отношения к закону в меньшей

степени, нежели мужчины, полагаются на собственную точку зрения и чаще прислушиваются к мнению различных референтных других. С ростом уровня образования у «ориентированных на закон» сужается круг референтных лиц, мнение которых представляется им значимым, а у «условно законопослушных» возрастает роль собственного мнения. Существенных различий в плане предпочтительности мнений тех или иных референтных лиц у проживающих в разных типах поселений не выявлено.

Результаты

Существование выявленных в ходе настоящего исследования групп молодежи с различным отношением к закону подтверждается данными, полученными другими российскими социологами.

Первая группа, названная нами «ориентированные на закон», представляет собой интегрированную в современное российское общество часть молодежи, для которой соблюдение законодательства является условием их успешной социализации. Проведенный в 2022 г. через онлайн-панель исследовательского сервиса «Анкетолог»¹ опрос показал, что в городах-миллионниках проживает больше законопослушных молодых людей, чем в поселениях иного типа: 49 против 35% из малых городов и населенных пунктов. Также «ориентированной на закон» молодежи больше среди тех, кто имеет высокие доходы: 53 против 49% тех, у кого доход выше среднего [12, с. 88].

Вторая группа, «условно законопослушные», склонна рассматривать закон через призму деятельности органов власти и ее конкретных носителей. Для ее представителей характерна активная гражданская позиция в отношении ситуации, сложившейся в российском обществе. Так, проведенный в 2021 г. среди студентов Финансового университета² опрос выявил их мнение относительно криминализации российской экономики: 45% посчитали ее криминализированной в значительной степени, 43% – в незначительной. Среди причин криминализации назывались: недостаточная работа правоохранительных (73,7%), исполнительных (73,37%) и надзорных (72,32%) органов, возможность уйти от наказаний за нарушения (63,7%), общее неуважительное отношение людей к закону (57,86%). Авторы других исследований также отмечали влияние выявленных фактов коррупции власти на формирование правосознания молодежи [4].

Группа «ориентированных на мораль» ставит нормы морали выше правовых и считает нравственные ценности высшими социальными ценностями. Действительно, нравственные отношения являются неотъемлемым компонентом экономических, политических, религиозных отноше-

¹ Онлайн-опрос 550 представителей российской городской молодежи из всех федеральных округов, 69% которых проживали в городах с населением от 500 тыс. чел., средний возраст которых составил 29 лет.

² Онлайн-опрос 4200 студентов Финансового университета при Правительстве РФ, 68% из которых обучались в московском, а 32% в региональных филиалах вуза.

ний. Вместе с тем, результаты лонгитюдного исследования 1998–2013 гг. показали: из 3000 опрошенных в 1998 г. студентов Москвы и Московской области каждый третий заявил, что для успешного выживания в современном российском обществе о нравственности следует забыть. В 2005 г. примерно треть сочла для себя возможным совершить безнравственный поступок ради улучшения собственного материального благосостояния. В 2013 г. только 11,2% были «готовы подвергнуть свою жизнь опасности ради интересов общества» [8]. В нашем исследовании «ориентированных на мораль», понимаемую как справедливость, набралось всего 16,3%. Это лишь на 5,1% больше, чем в вышеупомянутом исследовании 2013 г. – не слишком обнадеживающее повышение за прошедшие 13 лет. Опрос 2021 г. студентов Финансового университета показал, что триггерами, влекущими за собой нарушения морали и закона, могут стать: финансовые проблемы и проблемы со здоровьем у близких (54%), стремление обеспечить себе безопасное будущее (30%), желание быстро заработать с целью решения текущих проблем (26%), реакция на несправедливость в реализации закона и морали (22%). Последний вариант ответа довольно интересен, так как в том же исследовании 16% опрошенных сочли для себя возможным совершить экономическое нарушение, поскольку, по их мнению, «так живет вся страна и прекрасно себя чувствует» [2].

Относительно группы «сомневающихся» мы не располагаем данными для более четкого определения их позиции. Заметим лишь, что, по данным проведенного коллегами в 2022 г. опроса, каждый второй представитель взрослой молодежи полагает для себя приемлемым нарушить нормы закона в случае необходимости срочного выполнения долговых обязательств и нормы морали в случае несправедливого и грубого к ним отношения [2].

Предложенное авторами настоящей статьи деление молодежи на группы согласуется с результатами кластеризации городской молодежи «по степени “условности” ограничений для преступления норм закона: “законопослушные” (44%) – для которых ни одна из причин не является достаточной для нарушения закона; “обороняющиеся” (27%), готовые нарушить нормы права исключительно в обстоятельствах, угрожающих жизни и здоровью; “справедливые” (22%) – руководствовавшиеся при нарушении закона экзистенциальными, ценностно-нормативными и отчасти социально-подталкивающими причинами; “потенциальные делинквенты” (10%), готовые к нарушению закона по любой из тестируемых причин» [12, с. 86–87].

Заключение

Полученные нами результаты в купе с разворачивающейся в научном сообществе дискуссией доказывают важность изучения субъективных факторов, влияющих на нормативно-правовую саморегуляцию повседневной жизни молодежи. Обнаруженные противоречия позволяют лучше

понять причины дезинтеграции в молодежной среде. Две трети молодых людей относятся к закону как к традиционной ценности, которая, по их мнению, должна быть таковой и для представителей власти. Справедливость молодежь в большинстве своем связывает с соблюдением закона, но малая ее часть считает возможным их противопоставлять. О допустимости действовать по справедливости, а не по закону говорят те молодые люди, кто по тем или иным причинам утратил доверие к властным структурам. Неоформленность правового сознания характерна для молодежи, у которой либо не хватает правовых знаний, либо отсутствует соответствующий опыт их применения.

Среди референтных фигур, оказывающих влияние на отношение молодежи к закону, можно выделить: педагогов, известных политиков, коллег по работе/учебе, родителей, супругов. Мнение известных блогеров оказывается значимым при формировании критического отношения к праву, закону, справедливости и олицетворяющим их представителям власти. Отличительной особенностью той части молодежи, которая в этих вопросах предпочитает иметь свое мнение, является наличие у нее критической установки на возможность для представителей власти утверждать принципы справедливости в обществе.

Успешная нормативно-правовая интеграция молодых людей в современное российское общество невозможна без учета действия субъективных факторов, влияющих на саморегуляцию их жизнедеятельности.

Библиографический список

1. Александрова О. А. Ценность или бремя: как доверие молодежи институтам социального государства влияет на их будущее? // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29. № 3. С. 109–119. DOI: 10.19181/nko.2023.29.3.6; EDN: WWXBLD.

2. Аликперова Н. В., Марков Д. И. Представления российской молодежи об экономической нравственности // Социальное пространство. 2022. Т. 8. № 4. DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.7; EDN: JKSPТА. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29474> (дата обращения: 20.04.2026).

3. Аникеева О. А., Воронцова Е. А. Правосознание современных подростков и молодежи: технологии преодоления правового нигилизма // Вестник экономических и социологических исследований. 2023. № 1. С. 45–50. EDN: CRIGCV.

4. Журавлёв А. Л., Китова Д. А. Представления современной молодежи о личностных характеристиках коррупционера // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 4. С. 43–62. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.677; EDN: VYVSTQ.

5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. и др. Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 3. С. 79–98. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738; EDN: YXTHRJ.

6. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Культурная жизнь и культурные практики молодежи малых городов: особенности саморегуляции // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 3. С. 140–156. DOI: 10.17805/zpu.2020.3.11; EDN: UTKKIW.
7. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма, 2020. 304 с.
8. Кирилина Т. Ю., Бузмакова Т. И. Духовность и нравственность российской молодежи в социологическом измерении // Социальная политика и социология. 2013. № 3-1(94). С. 169–183. EDN: SAJIVN.
9. Костина Е. Ю., Орлова Н. А. Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодежи // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 1. С. 129–143. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.778; EDN: QUKZSX.
10. Мареева С. В. Социальный статус российской молодежи: представления и реальность // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 2. С. 159–183. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.800; EDN: QINHEL.
11. Марин Е. Б. Протестное сознание и протестная культура молодежи российского Дальнего Востока // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 4. С. 255–281. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.13; EDN: HBHQYA.
12. Марков Д. И. Экономическая культура городской молодежи как фактор развития национальной экономики: дисс. М.: Финун-т, 2025. 270 с.
13. Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности / Науч. ред. Е. Л. Омельченко. М.: НИУ ВШЭ, 2020. 504 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2128-1; EDN: EZXXQZ.
14. Нугаев М. А., Курамагомедова З. М. Правосознание молодежи: проблемы формирования и перспективы // Universum: экономика и юриспруденция. 2024. № 4-1(114). С. 54–56. EDN: YUMRJE.
15. Рузавина Е. Ю., Савинова В. Е. О правосознании молодежи и причинах его деформации в современный период // Искусство правоповедения. 2024. № 2(10). С. 8–13. EDN: AUAYHO.
16. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики / Науч. ред. Ю. А. Зубок. Белгород: Эпицентр, 2021. 500 с.
17. Седова Н. Н. Особенности трансформации мировоззренческих установок российской молодежи в контексте геополитического конфликта // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 4. С. 176–198. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.10; EDN: XQEVZG.
18. Шабунова А. А., Калачикова О. Н., Груздева М. А. Сельская и городская молодежь: социокультурные разрывы сохраняются? // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 2. С. 39–51. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.4; EDN: QMWDZZ.

19. Якимова О. Российская молодежь: изменения в портрете // Социодиггер. 2023. Т. 4. № 11-12(30). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/rossiiskaja-molodezh-izmenenija-v-portrete> (дата обращения: 20.04.2026).

Получено редакцией: 30.04.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Буланова Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии молодежи

Шушпанова Ирина Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социологии молодежи

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.8

Normative and Legal Self-Regulation of the Lives of Russian Youth

Marina B. Bulanova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

marina_bulanova@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-0001-6315

Irina S. Shushpanova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

i.s.shushpanova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2877-1814

For citation: Bulanova M. B., Shushpanova I. S. Normative and Legal Self-Regulation of the Lives of Russian Youth. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 144–163. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.8; EDN: FKSDJB.

Abstract. This article examines the issue of updating self-regulation mechanisms among young people, that are developing in the context of conflicts between normative and legal criteria and established social practices that influence the forms of young people's integration into contemporary Russian society. One of the important tasks for young people is mastering the normative and legal regulation of public life, as represented by existing legislation. As they accumulate their own social experience, young people encounter specific instances of lawbreaking, that often leads to disintegration and triggers a mechanism of self-regulation of their lives, including practices that violate legal solidarity. In this case, overcoming the contradiction between institutional normative and legal regulation and self-regulation of the lives of Russian youth becomes a serious social challenge. To find solutions to this problem, the authors turned to a study of the subjective factors influencing the normative and legal self-regulation of the everyday lives of young people. The empirical basis of the study was the results of a youth survey conducted by the Institute of Social Sciences of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences in 40 constituent entities of the Russian Federation. Based on the responses received to questions related to young people's attitudes toward current legislation and the influence of reference individuals on this attitude, respondents were classified into four groups: "law-oriented," i.e., those who unconditionally agree with institutional normative and legal regulation; "conditionally law-abiding" — those oriented toward compliance with the law by government bodies; "morally oriented," those who choose the law when the principle of justice is upheld; and "doubting" — those undecided for one reason or another. Regarding the "attitude toward the law" factor, differences among young people by gender and education proved statistically significant. Thus, the first group included more women, and the third — men. Among the "law-oriented" group, more young people received higher education and the level of professional qualifications corresponding to their specialty. Women are more likely to listen to the opinions of reference others rather than rely on their own. As education levels increase, dependence on the opinions of others decreases, while the importance of one's own opinion increases. With age, the range of reference others' choices changes, and the degree of criticism toward their views increases. The findings can be used to study other factors in the self-regulation of Russian youth.

Keywords: youth, Russian youth, legal consciousness, social integration, self-regulation of life, law, legislation

References

1. Aleksandrova O. A. Value or burden: how do youth trust in the institutions of the welfare state affect their future? *Nauka. Kultura. Obshchestvo*, 2023: 29(3): 109–119 (in Russ.). DOI: 10.19181/nko.2023.29.3.6; EDN: WWXBLD.
2. Alikperova N. V., Markov D. I. Ideas of Russian Youth about Economic Morality. *Sotsialnoye prostranstvo*, 2022: 8: 4 (in Russ.). DOI: 10.15838/sa.2022.4.36.7; EDN: JKSPТА. Accessed 20.04.26. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/29474>.
3. Anikeeva O. A., Vorontsova E. A. Legal consciousness of modern teenagers and youth: technologies for overcoming legal nihilism. *Vestnik ekonomicheskikh i sotsiologicheskikh issledovaniy*, 2023: 1: 45–50 (in Russ.). EDN: CRIGCV.
4. Zhuravlev A. L., Kitova D. A. Young people's ideas on a corrupt official's human qualities. *Vestnik instituta sotziologii*, 2020: 11: 4: 43–62 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.677; EDN: VYVSTQ.
5. Zubok Yu. A., Chuprov V. I., et al. Life positions in self-regulation of life activity of the youth. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 12: 3: 79–98 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.738; EDN: YXTHRJ.
6. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Cultural life and cultural practices of young people in small towns: features of self-regulation. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 2020: 3: 140–156 (in Russ.). DOI: 10.17805/zpu.2020.3.11; EDN: UTKKIW.
7. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Youth in the cultural space: self-regulation of life. Moscow, Norma, 2020: 304 (in Russ.).
8. Kirilina T. Y., Buzmakova T. I. Spirituality and morality of the Russian youth sociological perspective. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 2013: 3-1(94): 169–183 (in Russ.). EDN: SAJIVN.
9. Kostina E. Y., Orlova N. A. Social activity and social responsibility in the ideas and practices of modern youth. *Vestnik instituta sotziologii*, 2022: 13: 1: 129–143 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.778; EDN: QUKZSX.
10. Mareeva S. V. The social status of Russian youth: ideas and reality. *Vestnik instituta sotziologii*, 2022: 13: 2: 159–183 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.800; EDN: QINHEL.
11. Marin E. B. Protest consciousness and protest culture of the young people of the Russian Far East. *Vestnik instituta sotziologii*, 2024: 15: 4: 255–281 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.13; EDN: HBHQYA.
12. Markov D. I. The economic culture of urban youth as a factor in the development of the national economy: diss. Moscow, Finuniversitet, 2025: 270 (in Russ.).
13. Youth in the City: Cultures, Scenes, and Solidarities. Ed. by Omelchenko E. L. Moscow, NIU VShE, 2020: 504 (in Russ.). DOI: 10.17323/978-5-7598-2128-1; EDN: EZXXQZ.
14. Nugaev M. A., Kuramagomedova Z. M. Legal awareness of youth: problems of formation and prospects. *Universum: ekonomika i yurisprudentsiya*, 2024: 4-1(114): 54–56 (in Russ.). EDN: YUMRJE.
15. Ruzavina E. Yu., Savinova V. E. On youthful legal consciousness and the reasons for its deformation. *Iskusstvo pravovedeniya*, 2024: 2(10): 8–13 (in Russ.). EDN: AUAYHO.
16. Self-regulation of youth's vital activity: methodology and social practices. Ed. by Yu. A. Zubok. Belgorod, Epicenter, 2021: 500 (in Russ.). EDN: SUHSWJ.
17. Sedova N. N. Features of Transformation of Worldview Attitudes among Russian Youth in the Context of Geopolitical Conflict. *Vestnik instituta sotziologii*, 2023: 14: 4: 176–198 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.10; EDN: XQEVZG.
18. Shabunova A. A., Kalachikova O. N., Gruzdeva M. A. Rural and urban youth: do the socio-cultural gaps remain? *Narodonaselenie*, 2022: 25: 2: 39–51 (in Russ.). DOI: 10.19181/population.2022.25.2.4; EDN: QMWDZZ.
19. Yakimova O. Rossiyskaya molodezh: izmeneniya v portrete [Russian youth: changes in the portrait]. *Sociodigger*, 2023: 4: 11–12(30) (in Russ.). Accessed 20.04.2026. URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/rossiiskaja-molodezh-izmeneniya-v-portrete>

The article was submitted on: April 30, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina B. Bulanova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Center for Sociology of youth

Irina S. Shushpanova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Center for Sociology of youth

МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.9

EDN: LFJRBP

Школьные педагоги и внешние партнеры в сфере STEM-профориентации: сложности взаимодействия¹

Ссылка для цитирования: Колесникова Е. М., Черевкова А. И. Школьные педагоги и внешние партнеры в STEM-профориентации: сложности взаимодействия // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 2. С. 164–183. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.9; EDN: LFJRBP.

For citation: Kolesnikova E. M., Cherevkova A. I. STEM Career Guidance in Russian Schools as a Sphere of Social Interaction: Based on Field Research. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 164–183. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.9; EDN: LFJRBP.

SPIN-код: 1956-1312

Колесникова Елена Михайловна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

kolesnikova@mail.ru

SPIN-код: 6404-2082

Черевкова Алена Игоревна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

yaitskova_a@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема развития научного капитала педагогов как важного ресурса формирования и поддержания образовательных и профессиональных траекторий в сфере технического направления интеллектуального труда. Целью статьи является выявление вклада школы и внешних партнеров в развитие научного капитала педагогов посредством профильного профориентационного проекта. Развитие школьной профориентации в сфере STEM требует от педагогов не только задействования собственных ресурсов, но и поддержки профессионального сообщества как внутри школы, так и за ее пределами – со стороны вузов, промышленных предприятий, бизнеса. На сегодняшний день, однако, остаются недостаточно изученными степень включенности учителей в эти контакты и то, как именно выстраиваются такого рода отношения, насколько они ориентированы на развитие самих педагогов (а не только учащихся) и в какой мере влияют на их профессиональные

¹ Исследование поддержано РНФ, грант No 25-28-00618.

практики. На основе концепции научного капитала Л. Арчер предложен анализ социальных ресурсов, установок и практик педагогов в плане реализации ими STEM-профориентации. Эмпирическую базу исследования составил массовый анкетный опрос трех групп школьных педагогов, дополненный экспертными интервью с представителями вузов, центров дополнительного образования и региональных проектов. Педагоги в целом подтверждают наличие в своем окружении коллег-консультантов по вопросам профориентации, ощущают их поддержку, сообщают о сотрудничестве школ с промышленными предприятиями, образовательными, научными и общественными организациями. Вместе с тем они отмечают, что мероприятия партнеров в большей степени ориентированы на развитие учащихся, а не научного капитала учителей. Включенные в сети профессионального общения педагоги демонстрируют более критичную и рефлексивную оценку собственных компетенций, практик преподавания, результатов профориентации и особенно – связи преподаваемых предметов с повседневной жизнью и STEM-профессиями. Экспертные интервью дополняют эту картину, демонстрируя вариативность отношений школ и партнеров: от ресурсозатратного и долгосрочного эффективного сотрудничества, включающего проектную деятельность и развитие научного капитала педагогов, до разовых форматов, сводящихся к единичным мероприятиям информационного характера и скорее провоцирующим конкурентное противостояние школ и внешних организаций на рынке услуг дополнительного образования. В заключении делается вывод о необходимости развивать такие формы сотрудничества педагогов с внутришкольными экспертами и внешними STEM-партнерами, при которых первые будут не пассивными наблюдателями, а активными участниками процесса взаимодействия. Это позволит обогатить научный капитал учителей и создаст основу для встраивания STEM-профориентации в ежедневную практику преподавания.

Ключевые слова: социология образования, профориентация, школы, учителя, научный капитал, STEM-профессии, профессиональное самоопределение, социальное партнерство, профессиональные сети

Введение

Вопросы профессиональной ориентации подрастающего поколения в областях STEM – Science (естественные науки), Technology (технология), Engineering (инженерия), Mathematics (математика) – вновь приобретают актуальность в условиях роста значения человеческого капитала в производственной сфере [6; 7] и перехода от выявления склонностей учащихся к техническим или инженерным специальностям к их формированию, начиная с раннего подросткового возраста [8]. Сегодня школе и школьным педагогам отводится все более значимая роль в профориентационной работе, поскольку с внедрением проекта профминимума¹ они обеспечивают максимальный охват учащихся 6–11 классов целевыми мероприятиями [3]. Однако, как показывают исследования [2; 4; 5], школьная

¹ Проект реализуется в рамках национального проекта «Образование»; в пилотном режиме был запущен в 2018 г., с 2019 г. действует в системе национальных проектов, в 2023 г. распространился на всю страну. На момент написания статьи на официальном сайте проекта указано, что в нем приняли участие 28 тыс. образовательных учреждений, 3 млн 800 тыс. школьников и 44 тыс. 600 педагогов-навигаторов. См.: Единая модель профориентации в школах // Билет в будущее. URL: <https://bvbinform.ru/profminimum> (дата обращения: 09.09.2025).

система в одиночку не способна в полной мере реализовать профориентационную функцию и нуждается в поддержке со стороны государственных органов, образовательных организаций, семей, а также промышленных предприятий и бизнеса. Несмотря на декларируемую взаимодополняемость всех участников процесса, на практике взаимодействие школ с партнерами протекает отнюдь не гладко. Сами педагоги отмечают фактическую неразвитость сетевых связей с профильными организациями [1]. Таким образом, с одной стороны, в рамках государственных проектов у школ появляются новые возможности налаживать сотрудничество с практикующими профессионалами, работающими за пределами образовательной системы, а с другой – остается неясным, как именно выстраиваются эти отношения, в какой степени они ориентированы на поддержку и развитие самих педагогов (а не только учащихся) и как включенность в сети внешних экспертов влияет на их [педагогов] профессиональные практики.

Теоретические основания исследования

Теоретической базой данного исследования послужила концепция научного капитала, основывающаяся на социологии П. Бурдье и адаптирующая проблематику образовательных и профессиональных траекторий именно к естественно-научному и техническому направлению интеллектуального труда. Научный капитал (*science capital*) составляют связанные с наукой¹ знания (культурный капитал), установки (предрасположенности восприятия и оценок), опыт (поведение и практика) и социальные ресурсы (социальный капитал) в сфере STEM, приобретаемые и реализуемые субъектом в различных ситуациях на протяжении всей его жизни – от взаимодействия с профильными экспертами до регулярного применения в тех или иных формах [9; 16]. Данное понятие было впервые предложено Л. Арчер и ее коллегами как концептуальный инструмент для объяснения вовлеченности в научную деятельность, образовательных и профессиональных устремлений в области науки («склонность к науке в будущем») и понимания того, подходит ли наука «для меня» или нет («научная идентичность»). Оно активно разрабатывалось в рамках британского проекта ASPIRES – лонгитюдного исследования научного опыта и склонностей школьников. Ученые исходили из реальной ситуации: хотя многие дети и утверждали, что им нравится заниматься наукой как в школе, так и в свободное время, большинство из них не рассматривало профессию в сфере STEM в качестве одной из возможностей для своей будущей карьеры. Результаты проекта ASPIRES привлекали внимание к недостаткам учебных STEM-программ и акцентировали внимание на необходимости: 1) обогащать их примерами из реальной жизни и практики, 2) вовлекать учащихся в исследовательскую деятельность, 3) развивать научный опыт школ и научный капитал учителей посредством внешней поддержки от бизнеса и промышленности [18]. Одной из крупномасштабных

¹ Под «наукой» здесь имеются в виду точные и естественные науки.

европейских инициатив в этом направлении стал проект ECB-inGenious, среди целей которого было развитие сотрудничества между учителями и работодателями, налаживание партнерских отношений между школами и промышленностью [17].

Исследователи, работающие в рамках обозначенной концепции, исходят из того, что важной составляющей научного капитала являются сведения о практической применимости научных знаний в профессиональной и повседневной жизни [10; 14; 19]. Увеличение научного капитала посредством собственных усилий и участия в профильных активностях для учащихся – повышает вероятность изучения предметов STEM после 16 лет и выбор будущей работы, связанной с этой сферой [11; 18]; для педагогов – способствует обогащению процесса преподавания примерами из реальной жизни, науки и производства, соответствующими интересам учащихся и требованиям экономики и общества [13; 15; 17].

Для педагога имеет особое значение разнообразие агентов, способствующих развитию его научного капитала, поскольку каждый из них обладает своей уникальной спецификой. Совершенствование личного опыта и накопление инструментов для повышения качества преподавания вполне возможно осуществлять самостоятельно внутри педагогического сообщества, но важна также и внешняя поддержка, в частности от практиков из сферы бизнеса, промышленности и науки. Последние способны помочь учителю обогатить образовательный процесс примерами самых последних новинок в области науки и техники; познакомить его и учащихся с актуальным рынком труда и необходимыми навыками для успешного трудоустройства; обеспечить опыт работы на реальных предприятиях¹ [12; 20].

Отношения между школой и внешними партнерами могут быть разными. Чтобы меняться, учиться новому, педагог должен чувствовать себя частью сети контактов и развиваться вместе с другими – с коллегами из системы образования и из внешних организаций. Необходимо, чтобы отношения между педагогами и внешними экспертами были построены по принципу взаимодействия «коллега коллеге». Это поможет первым не только самим адаптироваться к новым задачам, но и наблюдать за успешными примерами, делиться опытом и получать нужную поддержку [11; 21].

Методология и эмпирическая база исследования

Проводимое авторами настоящей статьи исследование построено на сочетании количественного (массовый анкетный опрос) и качественного подходов (полуструктурированные экспертные интервью) и включает два этапа: первый (2025 г.) ориентирован на изучение опыта и практик педагогов, второй (планируется в 2026 г.) – на анализ представлений учащихся.

¹ Mann A., Rehill J., Kashefpakdel E. Employer Engagement in Education: Insights from International Evidence for Effective Practice and Future Research. 2018. URL: <https://www.educationandemployers.org/research/employerengagementineducation/> (дата обращения: 09.09.2025).

Первый этап, результаты которого излагаются ниже, фокусируется на развитии научного капитала учителей – их установок, практик и социальных ресурсов – через сотрудничество с внешними партнерами школ в сфере профориентации. В частности, в рамках него анализировались: мнения педагогов относительно важности профориентации в деятельности школы и об инициаторах данного процесса; оценка структуры внешних партнеров школы и целевой аудитории взаимодействия с ними; результативность профориентационной работы; оценка наличия коллег-консультантов в повседневной профильной работе и влияние этого социального ресурса на установки и практики. С формальной точки зрения профориентационная деятельность является частью функциональных обязанностей педагогов, а ее выполнение должно поддерживаться обязательной включенностью в методические объединения в школе. Однако мы считаем нужным различать *формальную* включенность и *субъективное* переживание принадлежности к коллегиальному коллективу. Как показано выше в обзоре литературы, ощущение себя частью сети коллег необходимо для успешного развития научного капитала и выполнения профильных педагогических задач. Соответственно, такая характеристика социального капитала, как субъективная уверенность в наличии коллег-консультантов в повседневной профильной работе, рассматривалась нами в качестве ключевого показателя социальной составляющей научного капитала, значимого для анализа опыта педагогов. Совокупные представления последних об отношениях школы с внешними партнерами дополнялись мнениями экспертов.

Исследовательские вопросы

ИВ1. Каковы особенности научного капитала тех педагогических работников школ, кто влияет на процесс профориентационной работы по STEM направлению и задействован в нем в плане сотрудничества с внешними партнерами? Значим ли контекст оценки включенности в профильный коллегиальный коллектив, т. е. наличие коллег-консультантов в повседневной профильной работе?

ИВ2. Как педагогические работники школ, влияющие на процесс профориентационной работы по STEM направлению и задействованные в нем, оценивают результаты этой работы для себя и учащихся? Значим ли контекст оценки включенности в профильный коллегиальный коллектив, т. е. наличие коллег-консультантов в повседневной профильной работе?

ИВ3. Как внешние партнеры школ по профориентационной деятельности трактуют варианты и основания взаимодействия между собой и учебными заведениями?

Объектом первого этапа исследования явились школьные педагоги, принадлежащие к одной из трех групп:

1. Учителя-предметники точных дисциплин (естественно-научного цикла, математики, информатики, географии, труда/технологии), которые непосредственно транслируют знания, лежащие в основе STEM-профессий, и считаются главной целевой группой в сфере STEM-профориентации (далее – «педагоги/учителя STEM»).

2. Педагоги начальных классов, которые обычно остаются на периферии исследований профориентации, однако именно в младшем школьном возрасте закладываются базовые представления о мире профессий и формируется первичный познавательный научный интерес.

3. Педагоги с административной нагрузкой, а также педагоги, в компетенцию которых входят вопросы профориентации: организаторы, психологи, социальные педагоги, представители администрации школы и т. п. (далее – «специалисты»). Эта группа отвечает за координацию профориентационной работы, взаимодействие с внешними партнерами и системное сопровождение профессионального самоопределения учащихся (см. табл. 1).

Сосредоточение внимания на перечисленных целевых группах позволило углубленно изучить опыт и мнения именно тех педагогов, кто организует и/или реализует STEM-профориентацию в школах. Опрос проводился в Москве (крупнейшем научном и образовательном центре страны с развитой промышленной и IT-инфраструктурой), Самаре (крупном промышленном центре Поволжья с традиционно сильным машиностроительным и аэрокосмическим кластером) и Ростове-на-Дону (крупнейшем центре Юга России с развитым сельскохозяйственным машиностроением). Такая география дала возможность учесть как столичную специфику, так и особенности крупных индустриальных центров в разных федеральных округах¹.

Таблица 1 (Table 1)

Распределение по выделенным группам педагогических работников средней школы
($n = 2219$)

Distribution of selected groups of secondary school teaching staff ($n = 2219$)

Группы	Всего (чел.)	Всего (%)	Москва	Самара	Ростов-на-Дону
«Педагоги/учителя STEM»	943	42	302	328	313
Педагоги начальных классов	831	38	219	236	376
«Специалисты»	445	20	79	123	243
Итого	2219	100	600	687	932

Анонимный опрос проводился методом анкетирования. Для заполнения опрашиваемым предлагалась либо анкета на печатном носителе, либо ее электронная версия, размещенная на платформе anketolog.ru.

¹ Выбор регионов также обуславливался высокой востребованностью в них STEM кадров. См.: Региональный индекс востребованности кадров для инновационной экономики (STEM) // Ассоциация инновационных регионов России. URL: [https://i-regions.ru/reiting/ezhemesyachnyy-reyting-regionov-po-dostupnosti-kadrov-dlya-innovatsionnoy-ekonomiki/?ysclid=](https://i-regions.ru/reiting/ezhemesyachnyy-reyting-regionov-po-dostupnosti-kadrov-dlya-innovatsionnoy-ekonomiki/?ysclid=maxu8oeeh1763570065)[maxu8oeeh1763570065](https://i-regions.ru/reiting/ezhemesyachnyy-reyting-regionov-po-dostupnosti-kadrov-dlya-innovatsionnoy-ekonomiki/?ysclid=maxu8oeeh1763570065) (дата обращения: 05.06.2025).

Распространение анкет проводилось через администрацию школ, региональные институты повышения квалификации, вузы, а также профильные педагогические сообщества с просьбой раздать/переслать их учителям соответствующих целевых групп. Опрос проводился до тех пор, пока не было достигнуто примерно равного и значимого количества респондентов в каждой из групп. При проверке массива собранных анкет из дальнейшего анализа исключались те, которые были заполнены респондентами, не отвечающими критериям целевых групп.

Всего было опрошено 2219 чел., 94% из которых составили женщины¹. По возрасту респонденты распределились следующим образом: 18–24 года – 9%, 25–29 лет – 9%, 30–39 лет – 19%, 40–49 лет – 25%, 50–59 лет – 27%, 60 лет и старше – 11%. Стаж менее 5 лет имели 18% опрошенных, 6–10 лет – 15%, 11–15 лет – 14%, 16–25 лет – 18%, 26–39 лет – 26%, более 40 лет – 9%.

Экспертный опрос, дополняющий анкетирование учителей, проводился методом полуструктурированного интервью. Основной блок вопросов был направлен на выявление нюансов практик профориентации в целом и STEM-профориентации в частности. В качестве экспертов (всего 12 чел.) выступили профильные ученые и практики, в том числе профессионалы с опытом работы и руководства образовательными программами, нацеленными на педагогов общеобразовательных школ.

Результаты исследования

Освоение нового направления работы, в частности профориентации учащихся в сфере STEM, требует от педагогов существенных усилий и сопряжено с рядом сложностей, особенно если никто не помогает им в этом. Учителя могут получить поддержку от руководства школы и коллег, но она не заменит контактов с внешними экспертами, которые являются критичными для эффективного внедрения новых практик. Большинство опрошенных (65%) выразили несогласие с утверждением «В моем окружении почти нет людей, которые могут меня проконсультировать, как лучше на уроке рассказать о профессиях», что говорит об имеющейся у них поддержке в сфере профориентации. Однако необходимо более подробно рассмотреть, кто эти люди и как именно они влияют на опыт педагогов.

Школа в профориентационной работе педагогов

В целом учителя считают профориентацию «скорее одним из ключевых направлений школьной деятельности» (59%). В большей степени это мнение распространено среди тех, кто ощущает себя частью профильных команд (62%), и в меньшей – среди тех, кто полагает, что не имеет коллег-консультантов (53%).

¹ В силу вышеозначенных критериев для отбора респондентов в выборку системно не попали учителя тех дисциплин, которые являются выражено «мужскими» – ОБЖ (26% женщин) и физкультура (48% женщин).

Педагоги довольно хорошо осведомлены о новых возможностях школы в рамках проекта профминимума: 58% всех опрошенных знают о его внедрении, из них – 68% смогли указать вариант реализуемого в их школе уровня единого профессионального минимума, 62% знают о наличии педагогов-навигаторов в своей школе и знакомы с ними. Более информированными по вышеперечисленным вопросам оказались те, кто заявил, у них есть коллеги-консультанты, менее информированными – те, кто сообщил об их отсутствии: 61 и 54%, 69 и 63%, 65 и 56% соответственно.

В качестве инициаторов в вопросах профориентации педагоги, как правило, выбирали: представителей руководства школы (69%), учителей-предметников (34%), профильных «специалистов» (34%). Чаще их выбирали те, у кого имеются коллеги-консультанты, реже – те, у кого таковых нет: 71 и 65%, 36 и 30%, 37 и 26% соответственно. Это показывает, что школа выступает важным источником установок, практик, социальных ресурсов учителей в их профориентационной работе, и особенно это выражено у тех, кто ощущает себя включенным в профильный коллектив.

Внешние партнеры школы в профориентационной работе педагогов

Гораздо реже педагоги признают лидерство в вопросах профориентации за внешним экспертным сообществом (19%), которое активнее продвигается через тех, кто указал на наличие у них коллег-консультантов, – 21% против 15% из числа не имеющих таких коллег. Чуть менее половины всех учителей (42%) признавали, что подобное сотрудничество выгодно внешним организациям, так как для них это возможность подготовить будущих сотрудников и привлечь перспективные молодые кадры. Чаще с этим соглашались имеющие коллег-консультантов, реже – те, кто заявил об их отсутствии: 48 и 30% соответственно. Хотя педагоги активно упоминали о сотрудничестве с внешними партнерами – особенно те, кто отметил наличие коллег-консультантов (см. табл. 2), – они не считают себя их приоритетной целевой аудиторией или хотя бы равноценной по сравнению с учащимися (см. табл. 3). В первую очередь это касается промышленности и бизнеса, работа которых с учителями минимальна. Несмотря на то, что в качестве одного из достижений проекта профминимума декларируется развитие сотрудничества школ с внешними партнерами, для педагогов эти партнеры оказываются скорее второстепенными и при этом сложными участниками взаимодействия.

Таблица 2 (Table 2)

Распределение ответов о сотрудничестве школ со STEM-партнерами,
в % (множественный выбор)

*Distribution of responses on school collaboration with STEM partners,
in % (multiple choice)*

STEM-партнеры	В целом по массиву (100%)	Оценка наличия коллег-консультантов	
		Наличие (65%)	Отсутствие (35%)
Образовательные организации (вузы, колледжи и т. п.)	83	87	75
Промышленные предприятия	60	66	51
Общественные организации	57	62	48
Научные организации	48	52	41
Бизнес-организации	39	41	35

Таблица 3 (Table 3)

Целевая аудитория сотрудничества школ со STEM-партнерами в оценках педагогов,
в % (множественный выбор)

*The target audience of schools' cooperation with STEM partners in teachers' opinion,
in % (multiple choice)*

STEM-партнеры	В целом по массиву (100%)		Оценка наличия коллег-консультантов			
			Наличие (65%)		Отсутствие (35%)	
	Учащиеся	Учителя	Учащиеся	Учителя	Учащиеся	Учителя
Образовательные организации (вузы, колледжи и т. п.)	72	22	78	24	62	18
Промышленные предприятия	48	16	54	16	38	15
Общественные организации	42	22	47	24	31	18
Научные организации	34	22	38	24	27	17
Бизнес-организации	28	14	31	14	22	15

Результативность профориентационных активностей

Профориентационная работа предполагает многозадачность, т. е. стремление достигнуть одновременно нескольких результатов, причем одних не в ущерб другим. Поэтому важно знать, какие именно результаты педагоги оценивают как наиболее высокие у своих учеников и у себя. В целом, по мнению учителей, школьники хорошо информированы о STEM-профессиях (88%). Около двух третей педагогов (66%) считают, что большинство учащихся понимают, как им могут пригодиться знания, полученные на уроках математики, информатики, физики и т. п., в повседневной

жизни, но вместе с тем по большей части (63%) полагают, что ученики слабо представляют себе связь между этими предметами и будущей профессиональной деятельностью. Касательно себя, педагоги довольно высоко оценивают собственную мотивацию (81%) и навыки обогащения урочного процесса (81%) и чуть ниже – уровень имеющихся у них профильных знаний (63%) (см. табл. 4). При этом показательно, что те, в чьем окружении нет коллег, с которыми можно было бы обсудить работу по профориентации, в целом оптимистичнее оценивают результаты как собственные, так и своих учеников. Напротив, те, у кого в окружении наличествуют коллеги-консультанты, более сдержаны в своих оценках (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

Распределение согласия педагогов с утверждениями, %
Distribution of teachers' agreement with statements, %

Утверждения	В целом по массиву (100%)	Оценка наличия коллег-консультантов	
		Наличие (65%)	Отсутствие (35%)
Об учащихся			
Благодаря знакомству с профессиями учащиеся с большим энтузиазмом занимаются на уроках по естественно-научным предметам, математике, информатике, труда (технологии)	79	78	82
Большинство учащихся сегодня слабо представляют, как знания естественно-научных предметов, математики, информатики, труда (технологии) потребуются им для работы по профессии	63	53	82
Учащиеся понимают, как им пригодится то, что они учат на уроках естественно-научных предметов, математики, информатики, труда в повседневной жизни	66	61	75
Профориентация помогает учащимся узнать о новых и интересных профессиях в области науки, технологий и информационных технологий	88	85	92
Об учителях			
Я много знаю о последних научных и инженерных открытиях и их применении в промышленности/науке/бизнесе	63	58	73
Я могу приводить на уроках много примеров того, как мой предмет будет полезен разным профессиям	81	80	84
Мне нравится рассказывать о практическом применении современных научных открытий и технологических инноваций	81	77	87

Полученные результаты позволяют сделать три вывода относительно позиции педагогов. Во-первых, внутришкольный коллектив и школа в целом видится им приоритетным источником развития собственного научного капитала, задействованного в профориентационной

работе. Во-вторых, субъективное ощущение принадлежности к кругу коллег-консультантов способствует обогащению научного капитала педагогов и более активному привлечению внешних экспертов к осуществлению профильных практик. В-третьих, то же субъективное ощущение способствует более взвешенной оценке достижений в профориентации, особенно в тех ее аспектах, где внешние партнеры могут оказаться особенно полезными. Как видим, ключевое значение для профориентационной работы имеет не столько наличие STEM-партнеров у школы, сколько личная интегрированность учителей в сеть профессиональных коммуникаций, ощущение себя частью группы, с которой можно активно взаимодействовать по вопросам профориентации. Принадлежность к такой группе превращает внешних экспертов из абстрактных акторов, привлекаемых эпизодически для проведения точечных мероприятий, в полноценных участников профориентационной работы, обогащающих научный капитал учителя. Напротив, дефицит профильных контактов консервирует ситуацию, при которой внешние партнеры остаются для педагога «черным ящиком» – непонятным, ситуативно используемым ресурсом, не способным стать опорой для системных изменений.

Мнение профильных экспертов

Отношения между школой и внешними партнерами

Говоря о практиках профориентации, эксперты отмечали, что взаимодействие школы, педагогов и внешних организаций может приводить к формированию разных типов отношений между этими акторами. Так, государство активно стимулирует налаживание связей между ними, руководствуясь экономической ситуацией и проблемами кадрового дефицита на предприятиях и в регионах. Разработка и запуск проекта профминимума рассматривались как отклик именно на сложное положение дел на рынке труда, преодоление которого относится к стратегическим государственным задачам. С этой перспективы контакты между внешними партнерами и школой предстают выгодными в первую очередь для бизнеса: *«Идет вовлечение бизнес-сообщества, когда наконец-таки наши ведущие работодатели, крупные работодатели – с малым бизнесом пока тяжело, – но начинают понимать, что сейчас специалистов нужно вырастить. И чем раньше они этим занимаются, тем больше у них будет гарантия того, что у них будут инженеры, то есть кадры, которые очень сильно востребованы. У нас сейчас огромный кадровый голод. [...] Мы должны понимать и знать запросы нашего региона и удовлетворять запрос экономики региона по тем специальностям, которые здесь нужны и будут нужны завтра»* (региональный координатор профильного государственного проекта, руководитель Центра развития компетенций).

Дискурсы профильных вузов, в свою очередь, ориентированы на работу по привлечению наиболее мотивированных и успевающих учеников школ в качестве будущих абитуриентов. Для них это возможность форми-

ровать в отдельных школах особую образовательную среду, которая будет максимально благоприятна для развития у учащихся определенных и желательных навыков. Ради такого вузы готовы вкладывать ресурсы в повышение квалификации педагогов. В подобных случаях отношения между школой и внешним партнером могут принимать формат взаимовыгодных и длительных: *«Раньше везде по России в ведущих вузах были факультеты профессиональной переподготовки и повышения квалификации работников образования. [...] И это было очень эффективно и востребовано. [...] А потом принялся 96-й закон, который разделил права регионов и федералов. [...] Потом у нас открылись центры дополнительной подготовки. [...] И стали работать со школами по договорам, конечно, на безвозмездной основе, за счет университета. [...] В декабре прошлого года у нас было 156 профильных школ. [...] Потом все отменили. [...] [Сейчас] школьники сами записываются, кто куда хочет. [...] Насколько они готовы будут к учебе, это другой вопрос. [...] Помимо того, чтобы правильно выбрать специальность, по душе, нужно, чтобы были сформированы навыки»* (преподаватель ведущего вуза России, реализующего подготовку по STEM-профилю, с опытом руководства факультетом повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования).

На примере учреждений дополнительного образования видно, что контакт со школами может быть также сопряжен с вопросом доступа к учащимся и их родителям. В данном случае не исключено развитие конфликтных отношений между образовательными организациями, поскольку взаимодействие учреждений дополнительного образования с родителями детей школьного возраста строится на убеждении последних в высоком качестве предоставляемых ими образовательных услуг, не уступающем, а вероятно, и превосходящем возможности школы: *«Вход в школу – это очень сложный и опасный путь. Туда пробиться очень трудно, чтобы эту целевую аудиторию получить. Нет какой-то системы прозрачной для нас, которая позволяла бы нам родителям [учащихся] в нормальной рыночной конкуренции предложить свою услугу через школу. Ну, потому что Мария Ивановна сама ведет допы. Зачем ей кто-то?»* (руководитель центра дополнительного образования детей при государственном техническом университете).

Значение баланса выгод и затрат в отношениях между школой и внешними партнерами

Существенной содержательной частью дискуссии об отношениях внешних партнеров и школы становится проблема баланса выгод и затрат. Согласно утверждениям экспертов, чтобы являться по-настоящему эффективной для предприятия или вуза, профориентационная работа должна быть системной и рассчитанной на длительное сотрудничество. Однако такой формат, как правило, сопряжен со значительными затратами и требует целенаправленного поиска источников финансирования. Проект профминимума и другие профильные программы видятся экс-

пертами как возможность объединения усилий образования и экономики. Но для результативного взаимодействия необходимо развитие мер поддержки внешних партнеров в первую очередь со стороны государства как наиболее ресурсного и влиятельного субъекта в этом поле: *«Проект [цель которого – помочь школьникам осознанно выбрать будущее в сфере технологий, повысить мотивацию к изучению технических дисциплин и подготовить абитуриентов для поступления в вузы]... он изначально возник как общественная инициатива, реализовывался фондом развития физтех-школ. С 2017 года он несколько итераций пережил при поддержке грантов и фонда президентских грантов, и ...подтвердив свою эффективность, он получил поддержку Министерства науки и высшего образования. И в прошлом году был институционализирован уже на базе [вуза]»* (руководитель направления образовательных инноваций одного из ведущих вузов России, реализующего подготовку по STEM-профилю).

В отсутствие же должной организации, партнерство, несмотря на первоначальный энтузиазм, ограничивается лишь эпизодическими взаимодействиями. Хотя подобные контакты и уступают в результативности, они оказываются наиболее экономически выгодными для внешних структур, так как требуют минимума затрат материальных и временных ресурсов: *«У нас есть конкурсы. Да. И в рамках конкурсов участвуют представители бизнеса, но вот это единственное. Ну, то есть это в основном какие-то ребята из компаний, например, IT, разработчики, дизайнеры могут поделиться опытом, но только вот в таком формате. Для бизнеса это просто галку поставить. Если это какой-то федеральный проект, тогда может быть. [В основном] это с точки зрения только социальной миссии: вот мы такие молодцы, мы поддерживаем молодое поколение»* (руководитель центра дополнительного образования детей при государственном техническом университете).

Заинтересованность в сотрудничестве как основа партнерского варианта отношений школы и внешних организаций

По свидетельству экспертов, заинтересованность школ и учителей в сотрудничестве является для внешних партнеров важным условием создания и развития отношений. В этом они видят залог потенциально эффективного, хотя и ресурсозатратного, взаимодействия. Так, вузы, реализуя специализированные программы, активно отбирают педагогов, при этом решающим фактором становится не столько уровень их квалификации и профессиональные навыки, сколько активная позиция: *«Зачем нам идти куда-то, неизвестно куда? Нас там не ждут. Мы работали с теми, кто проявлял интерес и хотел с нами работать. [...] Учителя разные бывают. [...] У нас была добровольная академическая аттестация [...] Мы смотрели, какие школы мы берем, какие нет. [...] У нас планы работы были с каждой школой»* (преподаватель ведущего вуза России, реализующего подготовку по STEM-профилю, с опытом руководства факультетом

повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования); *«На входе у нас есть такой небольшой конкурс по отбору образовательных организаций... там есть некоторая базовая информация про школу... И самое главное, что они заполняют, – это небольшое эссе. Они должны нам описать, почему они хотят и планируют участвовать в этом проекте, в чем они видят потенциал и ресурсы для своего развития. [...] Мы хотим, чтобы они перешли в более субъектную позицию, когда они являются заказчиками постоянного процесса профессионального развития»* (руководитель направления образовательных инноваций ведущего вуза России, реализующего подготовку по STEM-профилю).

Для заинтересованных школ и педагогов контакт с практиками дает уникальную возможность познакомиться с производством и последними открытиями в науке, уже применяемыми в реальной жизни, а также позволяет не только адекватно оценить и расширить собственные актуальные знания, но и использовать их в работе с учащимися: *«Индустриальные партнеры... это отдельная история. [...] Мы заключаем партнерство с крупными компаниями. [...] Самые, конечно, интересные штуки я видела – вернее, слышала – от ГЕНЕРИУМа. Они же говорят про неизлечимые заболевания, и они их реально лечат. То есть, когда я училась в 2010 году, в 2009 году, это было легендами, просто что-то невозможное, [а] сейчас – будет таблетка, которая все вылечит. Конечно, это не совсем так работает, но на текущий момент очень много лекарств уже существует»* (руководитель направления биотеха инновационной школы).

В то же время указанная заинтересованность не должна ограничиваться лишь текущей необходимостью устранить нехватку определенных компетенций у педагогов. Хотя такая ситуация не исключена и даже может привести к взаимной выгоде, она не способствует установлению крепких и долгосрочных коллегиальных отношений: *«Например, мы реализовали программу по 3D-моделированию для учителей, у которых была задача от школы внедрять технические навыки, а они ими не обладали. ... Если такого запроса нет на форумах, на встречах, то мы... не формируем программу и не ведем ее. Поскольку мы существуем сейчас за счет внебюджетного финансирования, поэтому это ложится на плечи, собственно, участников образовательного процесса, а учителя не готовы в основном за это платить»* (руководитель центра дополнительного образования детей при государственном техническом университете).

Как было показано, отношения внешних партнеров со школами в области профориентирования могут приобретать разный характер: от партнерства до конкуренции. Подобная вариативность объясняется различиями в достижении множества возможных балансов между выгодой, взаимной или односторонней, и ресурсозатратностью с обеих сторон. Партнерские отношения вузов и других внешних организаций со школами видятся экспертам как результат сложной и длительной работы всех участников взаимодействия, включая педагогов, от которых требуется

соответствующая мотивация. Осознанное и длительное партнерство дает наибольшую отдачу педагогам в плане развития их научного капитала: обеспечивает приобретение профильных STEM знаний и навыков, расширение круга общения, участие в консультациях и обсуждениях, знакомство с актуальными достижениями в сфере науки, техники, производства. Однако такие отношения нуждаются в системном финансировании, они наиболее затратные, и для их поддержания необходимы постоянные усилия по поиску источников покрытия расходов со стороны внешних партнеров.

Основные выводы

Проведенный анализ позволяет заключить, что педагоги считают задачу профориентации важной для школы. Именно в школьном сообществе они видят основной источник развития собственного научного капитала и приобретения соответствующего опыта, тогда как внешние партнеры, сотрудничество с которыми активно декларируется, настроены, по их мнению, прежде всего на учащихся, а не на паритетное взаимодействие с учителями. Особенно проблематичны в этом отношении промышленность и бизнес — непосредственные практики в STEM. Вместе с тем ощущение принадлежности к команде и уверенность в наличии поддержки со стороны коллег способствуют повышению значимости в глазах педагогов не только внутренних экспертов, но и внешних STEM-партнеров в сфере профориентации. Таким образом, эффективность работы внешних STEM-партнеров во многом зависит от их интеграции в работу профильных групп школьных учителей.

Отвечая на вопросы о результатах профориентационных активностей, достигнутых ими самими и учащимися, педагоги в целом оказались более критичны в отношении тех из них, которые касаются связи преподаваемых предметов с повседневной жизнью и STEM-профессиями, а также тех, где могло бы быть наиболее полезно сотрудничество с практиками. При этом более скептически настроены те учителя, кто считает, что им есть с кем проконсультироваться по профильным вопросам. Обмен мнениями способствует рефлексии относительно собственного научного капитала и вклада профориентационных активностей в результаты учащихся. Когда педагоги делятся мнениями, это помогает им понять, чего они достигли в своей работе и как их профориентационные усилия влияют на учеников. Это еще раз доказывает, насколько важно работать вместе, чтобы расти профессионально.

Эксперты приводят примеры как партнерских, так и конкурентных отношений между внешними организациями и школами. Примечательно, что педагоги тоже не всегда видятся внешним партнерам как открытые и готовые к сотрудничеству. Самые эффективные варианты отношений оказываются к тому же и самыми ресурсозатратными, особенно когда речь идет о повышении научного капитала учителей. Более дешевые и менее ресурсоемкие для внешних организаций формы контактов ориентированы ско-

рее, если не исключительно, на учащихся. Причины популярности таких типов отношений эксперты видят в том, что это относительно недорогой способ для внешних партнеров принять участие в большом, поддерживаемом государством проекте, подчеркнуть социальную миссию организации и продемонстрировать социуму и образовательным учреждениям общность разделяемых с ними ценностей. А кроме того, это шанс получить выгоду, популяризовав свою организацию как место работы. Правда при подобных отношениях школы и внешние организации становятся скорее конкурентами за учащихся, нежели партнерами.

Выбранный нами подход позволяет не только описать текущее состояние дел в плане взаимодействия школ с внешними партнерами, но и объяснить: почему одни педагоги более успешны в развитии своего научного капитала, чем другие, и какие последствия это имеет для их профессиональных практик. Чтобы развивать свой научный капитал, педагогам важно быть частью профильных экспертных сетей, причем желательно таких, которые включают и внешних экспертов с практиками. Учителям не хватает опыта общения с представителями STEM промышленности и бизнеса. Налаживание подобных контактов, безусловно, требует больших усилий, затрат ресурсов и пересмотра уже сложившихся трендов, но они приносят существенную пользу и учителям, и школьникам, а значит, и всему обществу.

Научный капитал педагогов является важным ресурсом формирования и поддержания образовательных и профессиональных траекторий учащихся в сфере технического направления интеллектуального труда [18]. Поэтому так важно способствовать эффективному использованию появляющихся возможностей, в частности профориентационного проекта. Продвижению хоть и ресурсозатратных, но высокоэффективных типов отношений, развитию кооперации педагогов между собой и с внешними партнерами может способствовать включение учителей в те формы сотрудничества, которые уже предлагаются учащимся, но переформатированные таким образом, чтобы работники школ тоже стали их полноправными участниками.

Библиографический список

1. Амбарова П. А., Немировский М. В. Новые подходы к профессиональной ориентации в школе в условиях изменяющегося мира профессий // Известия УрФУ. Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26. № 1(195). С. 188–199. DOI: 10.15826/izv1.2020.26.1.021; EDN: ARAMUC.

2. Касьянова Т. И., Мальцев А. В., Шкурин Д. В. Профессиональное самоопределение старшеклассников как общественная проблема // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 7. С. 168–187. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-7-168-187; EDN: OZLWBB.

3. Кудрявцева О. Л. Профориентационная работа в образовательной организации как условие качественного профессионального самоопределения обучающихся // Современное образование: актуальные вопросы и инновации. 2024. № 1(20). С. 1–4. EDN: WTQPZY.

4. Мальцев А. В., Касьянова Т. И., Закревская О. В. Профориентация в современной школе: взгляд учителя // Известия УрФУ. Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27. № 4. С. 206–218. DOI: 10.15826/izv1.2021.27.4.088; EDN: HRNCSU.

5. Черникова И. Ю. Сотрудничество профильной школы и социальных партнеров региона // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2022. №1(64). С. 70–76. DOI: 10.51944/20722516_2022_1_70; EDN: BVXSWU.

6. Шалагина Е. В., Шихова О. Н. Есть ли профессиональное будущее в индустриальном секторе? Взгляд уральских школьников (по результатам социологического исследования) // Вестник КемГУ. Политические, социологические и экономические науки. 2024. Т. 9. № 3. С. 371–380. DOI: 10.21603/2500-3372-2024-9-3-371-380; EDN: YBTLSC.

7. Шихова О.Н., Шалагина Е. В., Прямикова Е. В. Новая индустриальность и профессиональные планы молодежи: от школьников и студентов до специалистов промышленного предприятия // Вестник РУДН. Социология. 2025. Т. 25. № 3. С. 633–651. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-633-651; EDN: AYTSEI.

8. Щемелева Ю. Б. Ранняя профориентационная работа как метод формирования основ инженерного мышления // Образование и саморазвитие. 2020. Т. 15. № 4. С. 127–136. DOI: 10.26907/esd15.4.12; EDN: ZODCNB.

9. Archer L., Dawson E. et al. “Science Capital”: A Conceptual, Methodological, and Empirical Argument for Extending Bourdieusian Notions of Capital Beyond the Arts // Journal of Research in Science Teaching. 2015. Vol. 52(7). P. 922–948. DOI: 10.1002/tea.21227.

10. Archer L., Francis B. et al. Reasons for not/choosing chemistry: Why advanced level chemistry students in England do/not pursue chemistry undergraduate degrees // Journal of Research in Science Teaching. 2023. Vol. 60(5). P. 978–1013. DOI: 10.1002/tea.21822.

11. Gonsalves A. J., Cavalcante A. S. et al. “Anybody Can Do Science if They’re Brave Enough”: Understanding the Role of Science Capital in Science Majors’ Identity Trajectories into and Through Postsecondary Science // Journal of Research in Science Teaching. 2021. Vol. 58(8). P. 1117–1151. DOI: 10.1002/tea.21695.

12. Kelley T. R., Knowles J. G. et al. Increasing High School Teachers Self-Efficacy for Integrated STEM Instruction through a Collaborative Community of Practice // International Journal of STEM Education. 2020. Vol. 7(14). P. 2–13. DOI: 10.1186/s40594-020-00211-w.

13. Kelley T. R., Knowles J. G. A conceptual framework for integrated STEM education // International Journal of STEM Education. 2016. Vol. 3(1). P. 1–11. DOI: 10.1186/s40594-016-0046-z.

14. King H., Nomikou E. et al. Teachers’ Understanding and Operationalisation of ‘Science Capital’ // International Journal of Science Education. 2015. Vol. 37(18). P. 2987–3014. DOI: 10.1080/09500693.2015.1119331.

15. Klassen S. A theoretical framework for contextual science teaching // *Interchange*. 2006. Vol. 37(1-2). P. 31–62. DOI: 10.1007/s10780-006-8399-8.
16. Kontkanen S., Koskela T. et al. Science capital as a lens for studying science aspirations – a systematic review // *Studies in Science Education*. 2024. Vol. 61(1). P. 89–115. DOI: 10.1080/03057267.2024.2388931.
17. Kudenko I., Simarro C., Pintó R. Fostering European Students' STEM Vocational Choices // *Cognitive and Affective Aspects in Science Education Research. Contributions from Science Education Research*. 2017. Vol. 3. Cham, Springer. P. 323–338. DOI: 10.1007/978-3-319-58685-4_24.
18. Moote J., Archer L. et al. Comparing Students' Engineering and Science Aspirations from Age 10 to 16: Investigating the Role of Gender, Ethnicity, Cultural Capital, and Attitudinal Factors // *Journal of Engineering Education*. 2020. Vol. 109(1). P. 34–51. DOI: 10.1002/jee.20302.
19. Sjaastad J. Correction to: 'Sources of Inspiration: The role of significant persons in young people's choice of science in higher education' // *International Journal of Science Education*. 2011. No. 34(16). P. 2607–2608. DOI: 10.1080/09500693.2011.617935.
20. Understanding employer engagement in education: theories and research / Ed. by A. Mann, J. Stanley, L. Archer. L.: Routledge, 2014. 270 p.
21. Ventista O. M., Brown C. Teachers' professional learning and its impact on students' learning outcomes: Findings from a systematic review // *Social Sciences & Humanities Open*. 2023. No. 8(1). P. 100565. DOI: 10.1016/j.ssaho.2023.100565.

Получено редакцией: 13.11.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Колесникова Елена Михайловна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии профессий и профессиональных групп

Черевкова Алена Игоревна, кандидат социологических наук, младший научный сотрудник сектора социологии профессий и профессиональных групп

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.9

STEM Career Guidance in Russian Schools as a Sphere of Social Interaction: Based on Field Research¹

Elena M. Kolesnikova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

kolesnikova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2174-2524

¹ The study was carried out with the support of Russian Science Foundation No. 25-28-00618.

Alena I. Cherevkova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

yaitskova_a@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0662-2268

For citation: Kolesnikova E. M., Cherevkova A. I. STEM Career Guidance in Russian Schools as a Sphere of Social Interaction: Based on Field Research. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 164–183. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.9; EDN: LFJRBP.

Abstract. The article examines the development of teachers' scientific capital as an important resource for shaping and maintaining educational and professional trajectories in the technical field of intellectual labour. The article aims to identify the contribution of schools and external partners to the development of teachers' scientific capital through a specialised career guidance project. Developing school career guidance in STEM requires teachers not only to utilise their own resources but also to receive the support of the professional community both within the school and beyond—from universities, industrial enterprises, and businesses. However, to date, the extent to which teachers are involved in these contacts, how exactly such relationships are built, the extent to which they are oriented toward the development of teachers themselves (and not just students), and the extent to which they influence their professional practices remain understudied. Based on L. Archer's concept of scientific capital, an analysis of teachers' social resources, attitudes, and practices in relation to their implementation of STEM career guidance is proposed. The empirical basis of the study consisted of a large-scale questionnaire survey of three groups of school teachers, supplemented by expert interviews with representatives of universities, continuing education centres, and regional projects. Teachers generally acknowledge the presence of career counsellors in their networks, feel their support, and report collaboration between schools and industrial enterprises, educational, scientific, and public organisations. However, they note that these partners' activities are more focused on student development than on teachers' academic capital. Teachers who are connected to professional networks demonstrate a more critical and reflective assessment of their own competencies, teaching practices, career guidance outcomes, and, especially, the connection between the subjects taught and everyday life and STEM professions. Expert interviews add to this picture, demonstrating the variability of relationships between schools and partners: from resource-intensive and long-term effective collaborations, including project-based activities and the development of teachers' scientific capital, to one-off formats that boil down to isolated informational events and, rather, provoke competition between schools and external organisations in the supplementary education services market. The conclusion emphasises the need to develop forms of collaboration between teachers, internal school experts, and external STEM partners that allow the former to be active participants rather than passive observers. This will enhance teachers' scientific capital and create a foundation for integrating STEM career guidance into daily teaching practices.

Keywords: sociology of education, career guidance, schools, teachers, scientific capital, STEM professions, professional self-determination, social partnership, professional networks

References

1. Ambarova P. A., Nemirovsky M. V. New approaches to vocational guidance at school in the changing world of professions. *Izvestiya UrFU. Problemy obrazovaniya, nauki i kultury*, 2020: 26: 1(195): 188–199 (in Russ.). DOI: 10.15826/izv1.2020.26.1.021; EDN: ARAMUC.

2. Kasyanova T. I., Maltsev A. V., Shkurin D. V. High school students' professional self-determination as a social problem. *Obrazovanie i nauka*, 2018: 7(20): 168–187 (in Russ.) DOI: 10.17853/1994-5639-2018-7-168-187; EDN: OZLWBB.

3. Kudryavtseva O. L. Career guidance in an educational organization as a condition for high-quality professional self-determination of students. *Sovremennoe obrazovanie: aktualnye voprosy i innovatsii*, 2024: 1(20): 1–4 (in Russ.). EDN: WTQPZY.

4. Maltsev A. V., Kasyanova T. I., Zakrevskaya O. V. Proforientations in a Modern School: a Teacher's View. *Izvestiya UrFU. Problemy obrazovaniya, nauki i kultury*, 2021: 27(4): 206–218 (in Russ.). DOI: 10.15826/izv1.2021.27.4.088; EDN: HRNCSU.

5. Chernikova I. Y. Cooperation of the profile school and social partners of the region. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*, 2022: 1(64): 70–76 (in Russ.) DOI: 10.51944/20722516_2022_1_70; EDN: BVXSWU.

6. Shalagina E. V., Shikhova O. N. Do Industrial Jobs Have Good Prospects? A Sociological Survey of School Students from the Ural. *Vestnik KemGU. Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024: 9(3): 371–380 (in Russ.) DOI: 0.21603/2500-3372-2024-9-3-371-380; EDN: YBTLSC.

7. Shikhova O. N., Shalagina E. V., Pryamikova E. V. New industrialization and professional plans of the young generation: From schoolchildren and students to young specialists of the industrial enterprise. *Vestnik RUDN. Sociologiya*, 2025: 25(3): 633–651 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-3-633-651; EDN: AYTSEI.
8. Shchemeleva Yu. B. Early Career Guidance as a Method of Developing the Foundations of Engineering Thinking. *Obrazovanie i samorazvitiye*, 2020: 15(4): 127–136 (in Russ.). DOI: 10.26907/esd15.4.12; EDN: ZODCNB.
9. Archer L., Dawson E. et al. “Science Capital”: A Conceptual, Methodological, and Empirical Argument for Extending Bourdieusian Notions of Capital Beyond the Arts. *Journal of Research in Science Teaching*, 2015: 52(7): 922–948. DOI: 10.1002/tea.21227.
10. Archer L., Francis B. et al. Reasons for not/choosing chemistry: Why advanced level chemistry students in England do/not pursue chemistry undergraduate degrees. *Journal of Research in Science Teaching*, 2023: 60(5): 978–1013. DOI: 10.1002/tea.21822.
11. Gonsalves A. J., Cavalcante A. S. et al. “Anybody Can Do Science if They’re Brave Enough”: Understanding the Role of Science Capital in Science Majors’ Identity Trajectories into and Through Postsecondary Science. *Journal of Research in Science Teaching*, 2021: 58(8): 1117–1151. DOI: 10.1002/tea.21695.
12. Kelley T. R., Knowles J. G. et al. Increasing High School Teachers Self-Efficacy for Integrated STEM Instruction through a Collaborative Community of Practice. *International Journal of STEM Education*, 2020: 7(14): 2–13. DOI: 10.1186/s40594-020-00211-w.
13. Kelley T. R., Knowles J. G. A conceptual framework for integrated STEM education. *International Journal of STEM Education*, 2016: 3(1): 1–11. DOI: 10.1186/s40594-016-0046-z.
14. King H., Nomikou E. et al. Teachers’ Understanding and Operationalisation of ‘Science Capital’. *International Journal of Science Education*, 2015: 37(18): 2987–3014. DOI: 10.1080/09500693.2015.1119331.
15. Klassen S. A theoretical framework for contextual science teaching. *Interchange*, 2006: 37(1-2): 31–62. DOI: 10.1007/s10780-006-8399-8.
16. Kontkanen S., Koskela T. et al. Science capital as a lens for studying science aspirations – a systematic review. *Studies in Science Education*, 2024: 61(1): 89–115. DOI: 10.1080/03057267.2024.2388931.
17. Kudenko I., Simarro C., Pintó R. Fostering European Students’ STEM Vocational Choices. Cognitive and Affective Aspects in Science Education Research. Contributions from Science Education Research. Cham, Springer. 2017: 3: 323–338. DOI: 10.1007/978-3-319-58685-4_24.
18. Moote J., Archer L. et al. Comparing Students’ Engineering and Science Aspirations from Age 10 to 16: Investigating the Role of Gender, Ethnicity, Cultural Capital, and Attitudinal Factors. *Journal of Engineering Education*, 2020: 109(1): 34–51. DOI: 10.1002/jee.20302.
19. Sjaastad J. Correction to: ‘Sources of Inspiration: The role of significant persons in young people’s choice of science in higher education’. *International Journal of Science Education*, 2011: 34(16): 2607–2608. DOI: 10.1080/09500693.2011.617935.
20. Understanding employer engagement in education: theories and research. Ed. by A. Mann, J. Stanley, L. Archer. London, Routledge, 2014: 270.
21. Ventista O. M., Brown C. Teachers’ professional learning and its impact on students’ learning outcomes: Findings from a systematic review. *Social Sciences & Humanities Open*, 2023: 8(1): 100565. DOI: 10.1016/j.ssaho.2023.100565.

The article was submitted on: November 13, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena M. Kolesnikova, Candidate of Sociological sciences, Senior researcher of the Department Sociology of Professions and Professional Groups

Alena I. Cherevkova, Candidate of Sociological sciences, Junior researcher of the Department Sociology of Professions and Professional Groups

СОЦИОЛОГИЯ СЕЛА

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.10
EDN: JYQTYW

Динамика социального самочувствия занятого сельского населения России (2000–2024 гг.)¹

Ссылка для цитирования: Козырева П. М., Смирнов А. И. Динамика социального самочувствия занятого сельского населения России (2000–2024 гг.) // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 2. С. 184–205. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.10; EDN: JYQTYW.

For citation: Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Dynamics of Social Well-Being in the Rural Population of Russia (2000–2024). *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 184–205. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.10; EDN: JYQTYW.

SPIN-код: 7548-7264

Козырева Полина Михайловна¹

¹НИУ «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

pkozyreva@isras.ru

SPIN-код: 2137-2735

Смирнов Александр Ильич¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

smir_al@bk.ru

Аннотация. В статье представлены результаты анализа особенностей и динамики социального самочувствия занятых сельских жителей в первой четверти XXI в. Анализ опирается на данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Был выявлен существенный рост основных показателей социального самочувствия занятого сельского населения, большинство которых к концу 2024 г. достигло максимальных значений за все время наблюдений. Установлена сопоставимость удовлетворенности занятых селян и горожан своей жизнью в целом и большинством ее аспектов. Занятые сельские жители в большей степени удовлетворены жилищными условиями и состоянием окружающей среды, но острее горожан переживают недовольство материальной стороной своей жизни. Определяющую роль в повышении социального самочувствия работающих сельских жителей играет рост удовлетворенности своей рабо-

¹ В статье использованы результаты проекта HSE-MS-2025-007, выполненного в НИУ ВШЭ.

той в целом, который подкрепляется не менее высокими показателями роста удовлетворенности условиями труда, возможностями для профессионального роста и большинством других ее сторон. Наиболее острой проблемой, которая постоянно тревожит работников сельских поселений, остается низкий уровень оплаты труда. В условиях возросшего дефицита рабочей силы наблюдается снижение обеспокоенности селян угрозой потерять работу и повышение уверенности в возможности трудоустройства в случае увольнения, при том, что на протяжении всех лет мониторинга сельские жители гораздо хуже горожан оценивали данную возможность. В результате существенного роста удовлетворенности работой и своей жизнью в целом значительно сократилось число сельских тружеников, желающих сменить свою нынешнюю работу на более привлекательную и перспективную. Авторы утверждают, что высокая гетерогенность сельских регионов требует дифференцированного подхода при выработке стратегии развития сельских территорий с учетом особенностей их развития, структуры занятости и ментальности проживающих на этих территориях граждан. Наряду с повышением уровня жизни на селе, приоритетной задачей является вовлечение самих жителей в более активное преобразование сельских территорий.

Ключевые слова: социология, занятость, сельское население, социальное самочувствие, трудовые ресурсы, удовлетворенностью жизнью, удовлетворенность работой

Введение

Трудовые ресурсы выступают важнейшим фактором сельскохозяйственного производства, обеспечивающего продовольственную безопасность и рост уровня благосостояния населения страны. Поэтому поддержка занятости сельского населения, повышение уровня и улучшение качества жизни тружеников села является одной из приоритетных задач, решение которой требует постоянного и не ослабевающего внимания. Особенно остро сегодня стоит вопрос о развитии сельских населенных пунктов в плане создания благоприятных условий устойчивого развития сельских территорий, которые заметно уступают по уровню благоустройства и качества жизни районным центрам и городам.

В настоящее время в сельском хозяйстве РФ сложилась непростая ситуация с трудовыми ресурсами. Проблема нехватки профессиональных кадров, которая уже давно актуальна во всех сферах российской экономики, особенно болезненно ощущается в аграрном секторе. Численность сельского населения постоянно сокращается как за счет естественной убыли, так и за счет непрекращающегося оттока населения из сельской местности. Если в городах демографическая нагрузка молодых возрастов в последние десятилетия увеличивалась, то на селе – сокращалась. Одновременно у горожан старшего трудоспособного возраста демографическая нагрузка снижалась, тогда как у селян того же возраста, напротив, повышалась. При этом уровень участия сельского населения в составе рабочей силы постоянно падал [6; 7; 27].

Как показывают исследования последних двух десятилетий, существенное отставание качества жизни сельского населения от городского в целом и по отдельным аспектам остается одной из наиболее серьез-

ных причин оттока населения из сельской местности и деградации сельской среды, представляющих собой «стратегическую угрозу» для государства [4]. Поэтому не случайно одной из основных задач, определенных Стратегией пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г., является создание условий для обеспечения устойчивости системы расселения на территории РФ, включая условия для прекращения оттока постоянно проживающего населения из сельских населенных пунктов¹.

Исследования помогли также выявить наиболее острые проблемы труда и занятости сельского населения, влияющие на их настроения и жизненные планы: низкая оплата труда, высокий уровень незарегистрированной безработицы, широкое распространение неформальных трудовых практик, нарушение контрактных обязательств, снижение качественных характеристик рабочих мест и рабочей силы, усиление межрегиональной конкуренции на рынках рабочей силы, рост оттока высококвалифицированных кадров в регионы с более высоким уровнем оплаты труда, низкие стартовые возможности сельской молодежи в сфере труда, отсутствие прогресса в развитии малого предпринимательства как одного из способов повышения занятости и др. [3; 8; 17; 23; 29].

Многие исследователи сходятся во мнении, что тяжелая социально-экономическая ситуация в селах и деревнях, низкий уровень жизни, не снижающаяся острота проблем труда и занятости, а также неопределенность настоящего и неясные перспективы негативно сказываются на социальном самочувствии селян, среди которых широко распространены пессимистические настроения [15], высока общая неудовлетворенность жизнью, условиями существования и труда [16]. Большинство сельских тружеников оценивает условия своего труда как тяжелые или очень тяжелые, а немалая часть считает их опасными или крайне опасными. Удовлетворенность размером заработной платы сельских работников гораздо ниже, чем городских [20], что обусловлено прежде всего ее низким уровнем, а также невысоким престижем сельскохозяйственного труда и различными социально-психологическими факторами [10; 28].

В то же время немало специалистов доказывают, что занятость, обеспечивая более или менее стабильный доход, социальные гарантии и относительно достойный уровень жизни, остается одним из ключевых факторов, способствующих сохранению сельского пространства и влияющих как на уровень и качество жизни селян, так и на прочность их социального самочувствия. Несмотря на некоторую инертность жителей села, занятость является определенным ресурсом их выдержки и стойкости [2]. Немаловажную роль в реализации возможностей значительной части сельского населения играют готовность к постоянному саморазвитию и образованию на протяжении всей жизни, уверенность в собственных силах и способность действовать вопреки внешним обстоятельствам, субъективная оценка своего положения в обществе и его динамика [19].

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 4146-р.

Хотя в силу ряда объективных причин сельские жители заметно уступают горожанам по уровню и качеству жизни, исследования, как это ни парадоксально, не так уж редко обнаруживают у первых в целом или в отдельных регионах достаточно высокий уровень социального оптимизма [5; 14; 24] и удовлетворенности собственным статусом в обществе [22, с. 78]. По мнению Н. П. Касаткиной, большинство сельских жителей чувствуют себя счастливыми, их удовлетворенность отдельными параметрами текущей занятости оказывается выше, чем у горожан, что объясняется благоприятной социально-психологической средой и особенностями трудовых ценностей [9, с. 25]. Вместе с тем исследования, проведенные Н. В. Латовой, показали, что сельские жители переживают кризисные условия с такой же психологической нагрузкой, как и большинство горожан [12, с. 61–62] и практически не отличаются от большинства городского населения по уровню социально-психологического самочувствия [13, с. 164–166].

В. А. Сарайкин, Ю. Н. Никулина, Р. Г. Янбых, ссылаясь на исследования зарубежных ученых [30; 31; 32], объясняют близость показателей, характеризующих социальное благополучие сельских и городских жителей, наличием дополнительных факторов, «которые работают как буфер, уравновешивая удовлетворенность жизнью сельского и городского населения при неравенстве таких объективных параметров, как доход, безработица, квалификация» [18 с. 75–76]. Признавая, что причины удовлетворенности жизнью сельчан до конца не ясны, они к факторам их благополучия относят степень уверенности в будущем, чувство общности и доверие, распространенность аграрной занятости, близость к природе, конфиденциальность жизни, личную безопасность.

В целом, исследования выявляют не только очень мозаичную, но и чрезвычайно противоречивую картину, характеризующую социальное самочувствие занятых сельских жителей. Однако для принятия обоснованных управленческих решений и успешной их реализации в условиях быстрого сокращения численности населения села и обострения проблемы занятости важно лучше понимать, каковы сегодня социальные настроения работающих сельчан, как они оценивают перспективы своей жизни и как меняется их отношение к трансформирующейся действительности. В настоящее время имеется немало работ, посвященных изучению социального самочувствия сельского населения, главным образом на региональном уровне, но лишь в некоторых из них в том или ином формате рассматриваются особенности или динамика социального самочувствия занятых жителей села.

Методика исследования

Цель исследования состоит в выявлении особенностей и базовых тенденций, характеризующих динамику социального самочувствия работающих сельских жителей как определенного эмоционально-оценочного

отношения индивидов к меняющейся действительности и восприятия ими своей жизни. Социальное самочувствие характеризует внутреннее состояние индивидов, которое формируется в их повседневной жизни и включает отношение к окружающей действительности, степень удовлетворенности жизнью в целом и отдельными ее сторонами, оценку условий жизнедеятельности и жизненных перспектив, своего положения в обществе [11, с. 23].

Эмпирическую базу исследования составили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)¹, в ходе проведения которого была получена обширная информация относительно изменений условий и качества жизни россиян в постсоветский период. Исследование охватывает 2000–2024 гг. Объект исследования – взрослые россияне в возрасте 14 лет и старше.

Полученные результаты позволяют судить не только об изменениях реальных жизненных обстоятельств на конкретном временном интервале, но и об отношении людей к трансформации условий и качества жизни и особенностях восприятия ими происходящих в обществе перемен. Основное внимание сфокусировано на динамическом анализе таких характеристик социального самочувствия, как удовлетворенность жизнью в целом и отдельными ее сторонами, удовлетворенность материальным положением и озабоченность решением материальных проблем, удовлетворенность работой и обеспокоенность угрозой безработицы, определение своего положения в обществе и оценка жизненных перспектив. Для определения степени удовлетворенности жизнью и ее отдельными сторонами использовалась шкала Лайкерта («полностью удовлетворены», «скорее удовлетворены», «и да, и нет», «не очень удовлетворены», «совсем не удовлетворены»).

Самоопределение респондентов в социальном пространстве измерялось по трем девятиступенчатым шкалам: материального благосостояния (от 1 – «нищие» до 9 – «богатые»), власти (от 1 – «совсем бесправные» до 9 – «обладают большой властью») и уважения (от 1 – «совсем не уважают» до 9 – «очень уважают»). В ходе анализа исходные девять ступеней были преобразованы в три иерархических уровня – нижний, средний и верхний, – каждый из которых объединял по три ступени. Средние значения и стандартные отклонения рассчитывались на основе несокращенных ответов с помощью шкал, включающих девять ступеней, исключая ответы респондентов, которые отказались или затруднились ответить на поставленный вопрос.

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится НИУ «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <http://www.spc.unc.edu/projects/rlms>).

Результаты исследования

Удовлетворенность жизнью и оценка жизненных перспектив

На протяжении всех лет мониторинга занятое сельское население немного уступало занятым горожанам по уровню удовлетворенности жизнью в целом, но к концу 2024 г. эта разница практически полностью сгладилась. Наибольшие изменения пришлось на переломные 2000–2012 гг. В целом, за 2000–2024 гг. доля респондентов из числа занятых жителей сельских поселений, полностью или скорее удовлетворенных своей жизнью, выросла с 11,3 до 56,0%, в то время как удельный вес совсем или не очень удовлетворенных сократился с 65,9 до 12,1%. Среди занятых горожан наблюдались аналогичные тенденции: рост доли респондентов, удовлетворенных своей жизнью, с 20,6 до 54,3% и сокращение доли не удовлетворенных с 62 до 10,5%.

Рис. 1. Удовлетворенность занятых сельских и городских жителей своей жизнью в целом, 2000–2024 гг. (в %)

Figure 1. Overall satisfaction of employed rural and urban residents with their lives, 2000–2024 (in %)

Примечание. Не указаны доли респондентов, ответивших «и да, и нет».

В сельских поселениях работающие мужчины чаще, чем женщины выражают удовлетворенность своей жизнью в целом. За 2000–2024 гг. доля полностью или скорее удовлетворенных жизнью выросла среди мужчин с 13,4 до 57,8%, тогда как среди женщин – с 9,1 до 54,2%. В то же время анализ не выявил значимых связей между уровнем удовлетворенности трудоустроенных жителей села своей жизнью в целом и такими перемен-

ными, как возраст и тип сельского поселения (классифицируется по численности населения). При этом, однако, важно учитывать, что ситуация может существенно отличаться на региональном уровне, о чем свидетельствуют результаты недавних социологических исследований [9; 15].

Менее требовательные к условиям существования сельские труженики практически не уступают отличающимся более высоким уровнем запросов работникам городских предприятий и организаций по степени удовлетворенности различными сторонами своей жизни, одновременно значительно превосходя их по показателям удовлетворенности жилищными условиями и состоянием окружающей среды в месте своего постоянного проживания (табл. 1). Эти результаты подтверждаются и другими исследованиями, которые показывают, что сельское население заметно выше оценивает состояние экологии и безопасности и активнее использует альтернативные источники коммунальных благ, самостоятельно решая проблему повышения благоустройства жилья [26].

Таблица 1 (Table 1)

**Удовлетворенность занятых сельских и городских жителей
различными сторонами своей жизни, 2024 г. (в %)***

*Satisfaction of employed rural and urban residents with various aspects of their lives,
2024 (in %)**

Стороны жизни	Село			Город		
	В целом	В т.ч. по полу		В целом	В т.ч. по полу	
		Муж.	Жен.		Муж.	Жен.
Жилищные условия семьи	73,7	73,8	73,7	66,5	66,7	66,5
Полученное образование	76,1	75,0	77,2	77,0	74,1	79,7
Отношения с людьми	87,8	88,8	86,9	87,6	86,8	88,3
Состояние окружающей среды	79,4	82,3	76,3	63,8	64,9	62,8
Организация досуга	71,6	74,4	67,8	70,4	72,0	68,9
Питание	87,4	89,7	85,1	85,7	87,4	84,1

Примечание. *Приведены объединенные данные по позициям «полностью удовлетворены» и «скорее удовлетворены».

В сельских поселениях женщины заметно меньше мужчин довольны не только состоянием окружающей среды, но и тем, как они проводят свое свободное время. Исследование также выявило снижение удовлетворенности жилищными условиями по мере снижения возраста занятых жителей села: с 89,1% среди лиц в возрасте 60+ до 59,9% среди тех, кому меньше 30 лет. Аналогичная тенденция наблюдается в отношении удовлетворенности селян состоянием окружающей среды в месте своего проживания – снижение с 86 до 75,4% соответственно.

Примечательно, что самый низкий уровень удовлетворенности рассматриваемыми сторонами своей жизни демонстрируют работники, проживающие в крупных сельских населенных пунктах, т. е. там, где более активно развиваются торговые сети, лучше налажено транспортное и культурно-бытовое обслуживание населения, имеются образовательные

учреждения. Так, среди респондентов из сельских населенных пунктов с численностью населения более 4 тыс. человек полностью или скорее удовлетворены жилищными условиями своей семьи только 65,1%, полученным образованием – 69,9%, состоянием окружающей среды – 67%, организацией досуга – 59,9%.

На фоне этих показателей крайне низким выглядит уровень удовлетворенности сельских работников материальным положением. Даже на пиках своих значений доля в большей или меньшей степени удовлетворенных материальной стороной своей жизни не превышала одной четверти (рис. 2). Наиболее высокие темпы роста данного показателя были зафиксированы в 2020–2024 гг. Указанные тенденции практически полностью соответствуют динамике удовлетворенности своим материальным положением среди работников городских предприятий и организаций, но при этом сельчане чувствительнее и тревожнее горожан переживают недовольство материальными аспектами жизни. Среди сельских работников наименьший уровень удовлетворенности обычно демонстрировали 44–59-летние, тогда как самый высокий — лица в возрасте 60 лет и старше. Среди последних доля тех, кто полностью или скорее удовлетворен своим материальным положением, постоянно достигала одной трети.

Рис. 2. Удовлетворенность занятых сельских и городских жителей своим материальным положением, 2000–2024 гг. (в %)

Figure 2. Satisfaction of employed rural and urban residents with their financial situation, 2000–2024 (in %)

Примечание. Не указаны доли респондентов, ответивших «и да, и нет».

Корреляционный анализ выявил значимую и достаточно тесную связь между удовлетворенностью сельских работников материальным положением и своей жизнью в целом. По данным за 2024 г., коэффициент

корреляции Спирмена составил 0,422 (корреляция значима на уровне 0,01; двухсторонняя). Значимыми являются также связи удовлетворенности респондентов своей жизнью в целом и удовлетворенностью ее отдельными сторонами. Коэффициент корреляции составил от 0,124 в отношении удовлетворенности полученным образованием до 0,308 в отношении удовлетворенности организацией досуга. Представленные результаты позволяют сделать вывод, что оценки сельскими жителями уровня своей жизни и удовлетворенности материальным положением обладают определенной самостоятельностью по отношению к размеру дохода и удовлетворенности оплатой труда.

Принимая во внимание очевидные различия в уровне и качестве жизни между городом и селом, близкие показатели удовлетворенности своей жизнью и ее отдельными сторонами у занятых сельских и городских жителей в немалой степени можно объяснить отличиями в их культуре и менталитете, разными представлениями о благополучной, комфортной жизни и хорошей работе. В ходе опросов сталкиваются оценки и мнения более требовательных, придирчивых к условиям жизни горожан и менее прихотливых и требовательных сельских жителей. В связи с этим важно заметить, что высокий уровень удовлетворенности жизнью, основанный на низких запросах и притязаниях, которые являются, по мнению К. А. Абульхановой-Славской, важнейшей составляющей личностной активности [1, с. 226], может служить демотивирующим фактором, препятствующим формированию достигательных установок и снижающим интерес к работе и результатам деятельности.

Одним из индикаторов перемен в социальных настроениях работающих жителей села является оценка ими изменения материального положения своей семьи за последние три года. Исследование показало, что с 2008 г., т. е. после начала длительной кризисной полосы, доля селян, отмечающих какое-либо улучшение материального положения своей семьи, постоянно снижалась, достигнув минимума в 2020 г., когда всем пришлось столкнуться с тяжелой пандемией коронавируса, надолго изменившей жизнь людей. Это снижение составило с 37,1 до 11,8%. В дальнейшем, по мере преодоления накопившихся трудностей, доля таких респондентов выросла до 27,9% в 2024 г. В то же время большинство респондентов (от 50 до 65%) постоянно указывали на отсутствие каких-либо изменений. Похожие тенденции наблюдались в отношении оценок перспектив жизни своей семьи в ближайшем будущем (рис. 3).

Исследование выявило высокий, но снижающийся уровень тревожности занятых селян относительно того, что они не смогут обеспечить себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев. За 2000–2024 гг. доля тех, кто в большей или меньшей степени обеспокоен этой проблемой, с некоторыми перепадами снижалась с 79,2 до 67,5%, в том числе доля обеспокоенных очень сильно – с 58,4 до 26,1%. Самые высокие темпы снижения пришлись на 2020–2024 гг., когда доля респондентов, которых проблема обеспечения себя самым необходимым волнует очень сильно, упала на 10 процентных пунктов.

Рис. 3. Распределение ответов занятых сельских жителей на вопрос: «Через 12 месяцев Вы и ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?», 2000–2024 гг. (в %)

Figure 3. Distribution of responses of employed rural residents to the question: “In 12 months, will you and your family live better or worse than today?”, 2000–2024 (in %)

Примечание. Не указаны доли респондентов, ответивших «и да, и нет».

Как следует из таблицы 2, работающие сельчане не только не уступают работающим горожанам по самооценкам положения на шкале материального благосостояния, но даже, как правило, превосходят их. Динамическая картина этих самооценок демонстрирует медленный, хотя и не всегда последовательный, подъем.

Таблица 2 (Table 2)

Самооценка положения занятых сельских и городских жителей на 9-ступенчатой шкале материального благосостояния, 2000–2024 гг.
Self-assessment of the situation of employed rural and urban residents on a 9-step scale of material well-being, 2000–2024.

Год	Село						Город					
	Уровень шкалы, %			Mean	Std. Dev.	N	Уровень шкалы, %			Mean	Std. Dev.	N
	Ниж-ний	Сред-ний	Верх-ний				Ниж-ний	Сред-ний	Верх-ний			
2000	46,9	48,7	4,4	3,72	1,64	778	41,2	56	2,8	3,84	1,43	2651
2002	36,0	60,1	3,9	3,93	1,40	798	39,4	58,7	1,9	3,86	1,29	2824
2006	33,0	62,7	4,3	4,13	1,41	1002	34,6	61,5	3,9	4,06	1,37	3576
2010	31,4	63,6	5,0	4,18	1,37	1762	31,9	63,6	4,5	4,11	1,36	5702
2014	32,3	62,8	4,9	4,16	1,42	1182	31,1	63,1	5,8	4,23	1,43	4271
2016	43,5	53,7	2,8	3,84	1,39	1093	39,4	57,5	3,1	3,90	1,34	3936
2018	33,7	59,7	6,6	4,22	1,45	1058	34,2	60,6	5,2	4,10	1,40	3763
2020	29,9	65,1	5,0	4,23	1,30	1036	32,2	63,5	4,3	4,12	1,31	3709
2024	26,2	62,8	11,0	4,52	1,51	1051	25,0	67,5	7,5	4,45	1,39	4115

Очень близкими оказались также оценки сельскими и городскими работниками своего положения на идентификационных шкалах власти и уважения. Но если до 2016 г. лишь немного более оптимистично оценивали свое положение на этих шкалах горожане, то в дальнейшем – преимущественно жители сел и деревень. За 2016–2024 гг. средняя самооценка положения на шкале власти выросла у занятых селян с 4,03 до 4,64, тогда как у занятых горожан – с 3,89 до 4,55. За этот же период средняя самооценка положения на шкале уважения выросла у занятых селян с 6,37 до 6,44, в то время как у занятых горожан – с 6,29 до 6,41.

К важным показателям социального самочувствия, которые содержат данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, относятся также обобщенное (генерализованное) доверие, характеризующее уровень доверия к людям вообще, и одиночество. Анализ этих показателей приводит к выводу, что доверие остается значительным недоиспользованным ресурсом улучшения социального самочувствия и повышения социальной сплоченности россиян. На протяжении длительного периода только один из пяти опрошенных демонстрировал готовность доверять другим людям. При этом сельские жители отличаются более высоким уровнем обобщенного доверия, чем городские: в 2024 г. готовность доверять другим людям выражали почти 22% работающих селян и только около 14% работающих горожан.

С одиночеством сельские и городские жители сталкиваются практически одинаково часто, но у первых теснее, чем у вторых выражена связь ощущения одиночества с возрастом. Особенно остро эта проблема стоит для селян в возрасте 70+, абсолютное большинство которых уже прекратили трудиться. В 2024 г. среди занятых сельских жителей ощущали одиночество практически всегда или часто 5,8%, редко – 29,7% опрошенных, тогда как среди занятых горожан таких было 5,3 и 26,3% соответственно.

Удовлетворенность работой и обеспокоенность угрозой безработицы

За 2000-е гг. существенно вырос уровень удовлетворенности сельских тружеников своей работой в целом и ее отдельными сторонами (рис. 4). Так, за 2002–2024 гг. доля полностью или скорее удовлетворенных своей работой в целом выросла в 1,7 раза – с 46,8 до максимальных 79,8%, тогда как доля скорее или совсем не удовлетворенных сократилась с 34,7 до 3,7%. Выявленные тенденции очень мало отличаются от тенденций, характеризующих удовлетворенность горожан своей работой.

За 2002–2024 гг. среди сельских работников существенно выросли доли тех, кто в большей или меньшей степени удовлетворен: условиями труда – с 37,5 до 78,9%, оплатой труда – с 18,3 до 46,4% и возможностями профессионального роста – с 27,6 до 72,5%. Однако нельзя не заметить, что значительное большинство этих селян были удовлетворены перечисленными сторонами своего труда только частично. Обращает на себя внимание также сравнительно низкий уровень удовлетворенности сельских работников старшего возраста (60+) своей работой в целом и отдельными ее

сторонами, особенно оплатой своего труда: в 2024 г. полностью ею удовлетворены были только 11,9% и еще 24% скорее удовлетворены. В результате отмеченного выше роста к концу 2024 г. сельские работники практически полностью сравнялись с работниками городских предприятий и организаций по уровню удовлетворенности своей работой в целом и такими ее сторонами, как условия и оплата труда, а также значительно превзошли их по уровню удовлетворенности возможностями для профессионального роста – 72,5% против 62,4%.

Рис. 4. Удовлетворенность занятых сельских и городских жителей работой в целом, 2002–2024 гг. (в %)

Figure 4. Satisfaction of employed rural and urban residents with work in general, 2002–2024 (in %)

Примечание. Не указаны доли респондентов, ответивших «и да, и нет».

Кроме того, за 2009–2024 гг. (до 2009 г. эти вопросы респондентам не задавались) вырос удельный вес сельских тружеников, полностью или скорее удовлетворенных: продолжительностью рабочего дня – с 62,8 до 80,9%, соответствием работы своему уровню квалификации – с 61,7 до 82,9%, графиком работы – с 68,9 до 82,5%, соотношением между временем, которое расходуется на работу, и временем, которое занимают другие стороны жизни, – с 63,5 до 75,4%.

В определенной степени такие близкие тенденции расселения можно объяснить тем, что за постсоветский период многие селяне отошли от привычного сельскохозяйственного труда. Во-первых, немало сельских тружеников стали связывать свою жизнь с деятельностью сверхкрупных хозяйственных структур (агрохолдингов). Во-вторых, занятость части сельских жителей переместилась в отрасли строительства, бытового обслуживания, неаграрного трудового отходничества, которое начало постепенно превращаться в постоянное трудоустройство в городах [6, с. 56]. В-третьих, некоторая часть жителей села выбирает такие формы занятости, как фермер-

ство и самозанятость, ориентированные на предпринимательство. Именно сельские предприниматели оказываются самой успешной группой на селе, демонстрирующей максимальные показатели удовлетворенности различными аспектами своей жизни и низкий уровень тревожности [6, с. 61]. В целом, как подчеркивал Ж. Т. Тощенко, «современное село (за исключением исчезающих поселений) – это конгломерат различных организаций, связанных не только с сельским хозяйством, но и с промышленным, и другими несельскохозяйственными производствами, ранее практически отсутствовавшими на селе, а также с выполнением селом функций маятниковой миграции» [21, с. 93].

Исследования, выполненные на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, выявляют доминирующее влияние на удовлетворенность жизнью сельского населения фактора «удовлетворенность работой», который подразумевает оценку не только оплаты, но и условий труда, и возможностей для профессионального роста [18, с. 95–96]. Однако это влияние в сельской местности оказывается все же менее заметным, чем в городах. Так, по данным за 2024 г., коэффициент корреляции, характеризующий тесноту связи между удовлетворенностью жизнью и удовлетворенностью работой в целом, составил в отношении селян 0,201, а в отношении горожан – 0,372. Аналогичные различия наблюдаются и при сопоставлении показателей, характеризующих тесноту связи между удовлетворенностью жизнью в целом и ее отдельными сторонами.

Выявлены также положительные и достаточно сильные взаимосвязи между удовлетворенностью работой и удовлетворенностью различными ее сторонами: оплатой труда, условиями труда, возможностями профессионального роста, материальным положением. При этом в сельской местности размер оплаты труда оказывает большее влияние на удовлетворенность работой, чем в городах, что подтверждают другие исследования [25].

Сельские жители по сравнению с горожанами отличаются более высоким уровнем обеспокоенности угрозой потерять работу, но за последние годы различия между ними по данному показателю сократились (рис. 5). За 2016–2024 гг. доля тех, кто очень или немного обеспокоен возможной потерей работы, среди селян снизилась с 69,7 до 50,5%, тогда как среди горожан с 63,8 до 48,8%. В итоге разница между удельным весом работников, которых в той или иной степени беспокоит и не беспокоит потеря работы, сократилась среди селян с 51,5 до 24 процентных пунктов, а среди горожан – с 41,4 до 15 процентных пунктов. Снижение у россиян обеспокоенности угрозой потерять работу во многом объясняется ростом дефицита кадров разной квалификации, который затронул большинство отраслей экономики.

Из года в год опасность лишиться работы больше всего беспокоила сельских работников среднего возраста. В 2024 г. доля таковых среди занятых селян в возрасте до 30 лет составила 42,8%, тогда как среди 30–44-летних – 50,2%, 45–59-летних – 54,5%, а среди тех, кому 60 лет и больше, – 47,1%. Также выявлено, что если до 2020 г. беспокойство по поводу возможной потери работы чаще выражали работники мел-

ких предприятий, то в дальнейшем – работники крупных предприятий¹. С 2016 г., когда были зафиксирован самый высокий уровень тревожности, по 2024 г. доля опрошенных, обеспокоенных возможной потерей работы, снизилась среди работников мелких предприятий с 74,1 до 46,8%, среди работников средних предприятий – с 67,1 до 48,9%, среди работников крупных предприятий – с 69,5 до 57,4%.

Рис. 5. Обеспокоенность занятых сельских и городских жителей угрозой потери работы, 2000–2024 гг. (в %)

Figure 5. Concern among employed rural and urban residents about the threat of job loss, 2000–2024 (in %)

Примечание. Не указаны доли респондентов, ответивших «и да, и нет».

Намного хуже горожан сельские жители оценивают возможность нового трудоустройства в случае потери работы, что в значительной мере можно объяснить более низкими возможностями трудоустройства в сельской местности, которые определяются ограниченным рынком труда, меньшими возможностями выбора работодателя и др. [18, с. 96]. Как показано на рисунке 6, если до 2020 г. сельские жители уступали горожанам по доле лиц, полностью или скорее уверенных в том, что в случае увольнения смогут найти новую работу не хуже прежней, в 1,8–2 раза, то в дальнейшем эта разница сократилась до 1,5 раза. В то же время, несмотря на эти изменения, в 2024 г. подобную уверенность выражала почти половина работников, проживающих в городах, и только около трети работающих сельских жителей.

¹ По среднегодовой численности работников хозяйства разделены на мелкие с численностью менее 15 чел., средние – от 16 до 60 чел. и крупные – свыше 60 чел.

Рис. 6. Уверенность занятых сельских и городских жителей в возможности найти новую работу, не хуже прежней, 2000-2024 гг. (в %)

Figure 6. Confidence of employed rural and urban residents in the possibility of finding a new job that is no worse than the previous one, 2000-2024 (in %)

Примечание. Не указаны доли респондентов, ответивших «и да, и нет».

Лучше оценивают возможность нового достойного трудоустройства работники крупных предприятий и проживающие в самых крупных сельских поселениях. При этом особенно хорошо прослеживается зависимость оценок от возраста опрашиваемых: чем моложе респонденты, тем чаще они позитивно оценивают свои шансы возможности найти новую работу, не хуже прежней. В 2024 г. доля респондентов, полностью или скорее уверенных в положительном решении этой проблемы, выросла до максимальных значений во всех возрастных когортах: среди молодых людей в возрасте до 30 лет – до 49,1%, среди 30–44-летних – до 37,8%, среди 45–59 летних – до 27%.

Рост удовлетворенности работой и своей жизнью в целом привел к сокращению числа работников, намеревающихся найти более подходящее рабочее место. За 2000–2024 гг. доля желающих найти новую работу среди трудоустроенных сельских жителей последовательно сокращалась с 35,9 до 7,4%. При этом селяне всегда уступали по данному показателю горожанам, располагающим более широкими возможностями для смены работы. Среди горожан аналогичное снижение составило с 37 до 9,1%. Намерения мужчин и женщин в отношении смены работы отличались незначительно.

В последние годы намерение найти новую работу чаще демонстрируют сельские жители, занятые на мелких и крупных предприятиях. В 2024 г. среди работников этих предприятий доля желающих сменить работу составила соответственно 10 и 7,6%, тогда как среди работников

средних предприятий таких было только 4,6%. Обращает на себя внимание и то, что если до 2014 г. о смене работы чаще задумывались молодые селяне в возрасте до 30 лет, то в дальнейшем – 30–44-летние работники. С 2014 г. по 2024 г. доля желающих сменить работу сократилась среди сельских работников в возрасте до 30 лет с 20,4 до 6,7%, в то время как среди 30–44-летних – с 18,1 до 11,3%, а среди 45–59-летних – с 13,6 до 7%. В свою очередь в городах на протяжении всего мониторинга потребность в смене работы чаще неизменно демонстрировали более молодые работники.

Заключение

Проведенный анализ выявил существенный рост базовых показателей, характеризующих социальное самочувствие работающего сельского населения. Сегодня люди, занятые на селе, практически не отличаются от работников городских предприятий и организаций по уровню удовлетворенности жизнью в целом и большинством ее сторон, а по степени удовлетворенности жилищными условиями и состоянием окружающей среды даже превосходят их. Селяне больше недовольны только уровнем материальной обеспеченности своей семьи. Вместе с тем, высокий уровень удовлетворенности жизнью, если он базируется на скромных притязаниях, может негативно влиять на развитие трудовой мотивации сельских жителей. Кроме того, такая позитивная картина субъективного благополучия может стать причиной недооценки остроты проблем, с которыми приходится сталкиваться сельским жителям.

На удовлетворенность жизнью сельских жителей и формирование их социального самочувствия во многом влияет существенно возросшая удовлетворенность работой. Речь идет о росте не только удовлетворенности работой в целом, но и такими ее сторонами, как условия труда, оплата труда, возможность профессионального роста и др. Однако при этом темпы роста удовлетворенности оплатой труда существенно отстают от темпов роста удовлетворенностью остальными сторонами труда. В последние годы в условиях возросшего кадрового голода происходило снижение обеспеченности сельских работников угрозой потерять работу и повышение уверенности в возможности нового трудоустройства в случае непредвиденной потери рабочего места. Но несмотря на этот рост, сельские жители продолжают намного хуже горожан оценивать возможность найти после увольнения работу не хуже прежней.

Результаты данного исследования убеждают в необходимости осуществления дифференцированного подхода при выработке стратегии развития сельских территорий с учетом особенностей их социально-экономического развития, специфики занятости работников (исключительно сельскохозяйственная, смешанная и несельскохозяйственная работа) и ментальности сельских жителей. Наряду с постоянной заботой о повышении уровня и качества жизни сельского населения необходимо больше внимания уделять развитию активного и заинтересованного участия селян в модерниза-

ции сельского пространства. Речь идет ни много ни мало о таких изменениях менталитета сельских жителей, которые позволят им объективно оценивать свое положение в обществе и результаты своей деятельности, критически воспринимать происходящие изменения и адекватно реагировать на них.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 302 с.
2. Андреева Е. Л. Сельская занятость населения в условиях социально-экономической дифференциации городских и сельских территорий // Экономика сельского хозяйства России. 2025. № 5. С. 131–136. DOI: 10.32651/255-131; EDN: RTEVMA.
3. Бочаров В. Ю., Васькина Ю. В. Оценка состояния социальной инфраструктуры сельских поселений как фактор социального самочувствия // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 33–53. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.2.3; EDN: YTOMCX.
4. Вартанова М. Л., Безвербный В. А. Повышение уровня и качества жизни населения – главная задача устойчивого развития сельских территорий // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 3. С. 1925–1938. DOI: 10.18334/eo.9.3.40930; EDN: JMNYML.
5. Васильева О. В. Социальное самочувствие якутов в контексте процессов урбанизации в Республике Саха (Якутия) // Социологические исследования. 2024. № 1. С. 63–72. DOI: 10.31857/S0132162524010069; EDN: VHDISY.
6. Великий П. П., Вяльшина А. А. Современная российская деревня: актуальные проблемы и их отражение в аграрной социологии // Социологические исследования. 2025. № 1. С. 53–69. DOI: 10.7868/S3034601025010068; EDN: ICIJDC.
7. Гуляева Т. И., Такмакова Е. В. Участие сельского населения в составе рабочей силы и его занятость в условиях демографического кризиса // Экономика сельского хозяйства России. 2023. № 1. С. 72–79. DOI: 10.32651/231-72; EDN: MRMNAZ.
8. Злобин Е. Ф., Студенникова Н. С., Полухина М. Г. Сельский рынок труда центральной России: состояние и проблемы // Вестник аграрной науки. 2017. № 6(69). С. 117–123. DOI: 10.15217/issn2587-666X.2017.6.117; EDN: TAUINT.
9. Касаткина Н. П. Удовлетворенность работой и субъективное благополучие жителей села // Социальные нормы и практики. 2023. № 3(9). С. 25–35. DOI: 10.24412/2713-1033-2023-3-25-35; EDN: WWRZGG.
10. Климова А. В., Шамин А. Е., Груздев Г. В. Характеристика воспроизводственного процесса трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Российской Федерации // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № s1. DOI: 10.15862/17FAVN124; EDN: CIOLDV. URL: <https://esj.today/PDF/17FAVN124.pdf> (дата обращения: 20.03.2026).

11. Козырева П. М. Процессы социальной адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: ЦОЦ, 2004. 320 с.

12. Латова Н. В. Влияние кризиса на удовлетворенность россиян своей жизнью и их социально-психологическое самочувствие // Российское общество и вызовы времени. Кн. 3 / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. С. 41–64.

13. Латова Н. В. Динамика социально-психологического самочувствия различных групп населения // Российское общество и вызовы времени. Кн. 7 / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2024. С. 148–172.

14. Логинов Д. М. Сельское население России: субъективное благополучие и практики социально-экономического поведения // Крестьяноведение. 2024. Т. 9. № 2. С. 180–196. DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-180-196; EDN: IJOMCX.

15. Лушников О. Л. Занятость как фактор социального самочувствия селян // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер.: Социология. Политология. 2022. Т. 22. Вып. 3. С. 272–277. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-3-272-277; EDN: HLFNAS.

16. Лушников О. Л. Динамика социального самочувствия сельского населения // Вестник ТюмГУ. Социально-экономические и правовые исследования. 2025. Т. 11. № 3(43). С. 34–48. DOI: 10.21684/2411-7897-2025-11-3-34-48; EDN: UHBUQJ.

17. Мамонкина Е. В. Проблемы сохранения и доходов сельского хозяйства в условиях цифровой трансформации экономики // Вестник НГИЭИ. 2023. № 12(151). С. 104–112. DOI: 10.24412/2227-94072023-12-104-112; EDN: SNYJKN.

18. Сарайкин В. А., Никулина Ю. Н., Янбых Р. Г. Субъективное благополучие сельских жителей в России: факторы и их значимость // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 1. С. 71–105. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-1-71-105; EDN: LHPYZO.

19. Смирнов В. А. Факторы социального самочувствия жителей российской провинции // Вестник Московского ун-та. Социология и политология. 2020. Т. 26. №. 3. С. 24–42. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-24-42; EDN: FBARET.

20. Старкова А. Я. Особенности условий труда в сельских территориях // Экономика сельского хозяйства в России. 2020. № 6. С. 105–108. DOI: 10.32651/206-105; EDN: KJXMXC.

21. Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020. 352 с.

22. Тощенко Ж. Т. Особенности жизненного мира сельских жителей России // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 71–81. DOI: 10.7868/S0132162518020083; EDN: YSVUEK.

23. Третьякова Л. А., Лаврикова Н. И. Качество жизни населения – индикатор устойчивости развития сельских территорий // Экономика региона. 2012. № 3. С. 227–233. EDN: PCIBSF.

24. Устинова О. В. Социальное самочувствие населения сельских поселений // Евразийский юридический журнал. 2022. № 12(175). С. 385–386. EDN: MCTQHA.

25. Черных Е. А. Качество трудовой жизни и удовлетворенность занятостью на российском рынке труда // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 2. С. 214–226. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.2.6; EDN: MYDVVI.

26. Шабанов В. Л. Качество жизни сельского и городского населения России: сравнение с использованием интегрального индикатора // Народонаселение. 2025. Т. 28. № 4. С. 129–143. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-129-143; EDN: TMEVMF.

27. Шкрабак В. С. Анализ состояния жизнедеятельности работников сельского хозяйства и современные пути ее улучшения // Аграрный научный журнал. 2026. № 3. С. 134–139. DOI: 10.28983/asj.y2026i3pp134-139; EDN: FQUJXO.

28. Шумаков Ю. Н., Тушканов М. П. Повышение престижа сельскохозяйственного труда — важное условие развития сельского хозяйства // Экономика сельского хозяйства России. 2018. № 3. С. 23–27. DOI: 10.32651/2070-0288-2018-3-23-27; EDN: YVODFA.

29. Югов Е. А. Занятость трудовых ресурсов в сельской местности: состояние, проблемы, тенденции // Вестник ТГУ. Экономика. 2020. № 51. С. 129–142. DOI: 10.17223/19988648/51/7; EDN: VSVTCG.

30. Knight J., Gunatilaka R. The Rural-Urban Divide in China: Income But Not Happiness? // Journal of Development Studies. 2010. Vol. 46. No. 3. P. 506–534. DOI: 10.1080/00220380903012763.

31. Pospěch P., Delin M., Spěšna D. Quality of life in Czech Rural Areas // Agricultural Economics — Czech. 2009. Vol. 55. No. 6. P. 284–295. DOI: 10.17221/1489-AGRICECON.

32. Sorensen J. F. Rural-Urban Differences in Life Satisfaction: Evidence from the European Union // Regional Studies. 2014. Vol. 48. No. 9. P. 1451–1466. DOI: 10.1080/00343404.2012.753142.

Получено редакцией: 05.05.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Козырева Полина Михайловна, доктор социологических наук, заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики

Смирнов Александр Ильич, доктор социологических наук, главный научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.10

Dynamics of Social Well-Being in the Rural Population of Russia (2000–2024)¹

Polina M. Kozyreva

HSE University, Moscow, Russia

pkozyreva@isras.ru

ORCID: 0000-0002-3034-8521

Alexander I. Smirnov

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

smir_al@bk.ru

ORCID: 0000-0001-7078-6203

For citation: Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Dynamics of Social Well-Being in the Rural Population of Russia (2000–2024). *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 184–205. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.10; EDN: JYQTYW.

Abstract. This article presents the results of the analysis of the characteristics and dynamics of social well-being among employed rural residents in the first quarter of the 21st century. The analysis is based on data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE). A significant increase in key indicators of social well-being among employed rural residents was identified, with most reaching their all-time highs by the end of 2024. Satisfaction with their lives in general and with most aspects of life was found to be comparable between employed rural residents and urban residents. Employed rural residents are more satisfied with their housing conditions and the environment, but experience greater dissatisfaction with the material aspects of their lives than urban residents. A decisive role in improving the social well-being of employed rural residents is played by increased satisfaction with their job overall, which is reinforced by equally high rates of satisfaction with working conditions, opportunities for professional growth, and most other aspects of work. Low wages remain the most pressing issue that continually concerns rural workers. In the context of increased labour shortages, rural residents' concerns about job loss have decreased and their confidence in finding employment has increased, despite the fact that throughout the years of monitoring, rural residents have rated this opportunity significantly lower than urban residents. As a result of a significant increase in job satisfaction and overall life satisfaction, the number of rural workers seeking to leave their current jobs for more attractive and promising ones has significantly decreased. The authors argue that the high heterogeneity of rural regions requires a differentiated approach when developing a rural development strategy, taking into account the specific development characteristics, employment structure, and the mentality of the residents. Along with improving rural living standards, engagement of the residents themselves in active transformation of rural areas becomes more a priority.

Keywords: employment, rural population, social well-being, labor force, life satisfaction, job satisfaction

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A. *Strategiya zhizni [Strategy of Life]*. Moscow, Mysl, 1991: 299 (in Russ.).
2. Andreyanova E. L. Rural employment in the context of socio-economic differentiation of urban and rural areas. *Ekonomika sel'skogo khozyajstva Rossii*, 2025: 5: 131–136 (in Russ.). DOI: 10.32651/255-131; EDN: RTEVMA.
3. Bocharov V. Yu., Vaskina Yu. V. Assessment of the State of Social Infrastructure in Rural Settlements as a Factor in Social Well-Being. *Vestnik PNIPU. Sotsialno-ekonomicheskiye nauki*, 2017: 2: 33–53 (in Russ.). DOI: 10.15593/2224-9354/2017.2.3; EDN: YTOMCX.
4. Vartanova M. L., Bezverbnyy V. A. Improving the level and quality of life of the population as the main task of sustainable development of rural areas. *Ekonomicheskie otnosheniya*, 2019: 9: 3: 1925–1938 (in Russ.). DOI: 10.18334/eo.9.3.40930; EDN: YTOMCX.
5. Vasileva O. V. Social well-being and ethnicity in the context of urbanization processes among the Yakuts. *Sotsiologicheskoye issledovaniya*, 2024: 1: 63–72 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0132162524010069; EDN: VHDISY.

¹ The article uses the results of the HSE-MS-2025-007 project, carried out at the HSE University.

6. Velikiy P. P., Vyalshina A. A. Contemporary Russian Village: Current Problems and Their Reflection in Agrarian Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2025: 1: 53–69 (in Russ.). DOI: 10.7868/S3034601025010068; EDN: ICIJDC.
7. Guliaeva T. I., Takmakova E. V. Participation of rural population in the labour force and its employment in the conditions of demographic crisis. *Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii*, 2023: 1: 72–79 (in Russ.). DOI: 10.32651/231-72; EDN: MRMNAZ.
8. Zlobin E. F., Studennikova N. S., Polukhina M. G. Rural Labour Market of the central Russia: State and Problems. *Vestnik agrarnoy nauki*, 2017: 6(69): 117–123 (in Russ.). DOI: 10.15217/issn2587-666X.2017.6.117; EDN: TAUINT.
9. Kasatkina N. P. Job satisfaction and subjective well-being of villagers. *Sotsialnye normy i praktiki*, 2023: 3: 25–35 (in Russ.). DOI: 10.24412/2713-1033-2023-3-25-35; EDN: WWRZGG.
10. Klimova A. V., Shamin A. E., Gruzdev G. V. Characteristics of the reproduction process of labor resources in agriculture of the Russian Federation. *Vestnik yevraziyskoy nauki*, 2024: 16: s1. DOI: 10.15862/17FAVN124; EDN: CIOLDV. Accessed 20.03.2026. URL: <https://esj.today/PDF/17FAVN124.pdf> (in Russ.).
11. Kozyreva P. M. Protsessy sotsial'noy adaptatsii i evolyutsiya sotsial'nogo samochuvstviya rossiyan na rubezhe XX–XXI vekov [The processes of social adaptation and the evolution of the social well-being of Russians at the turn of the XX–XXI centuries]. Moscow, TSOTS, 2004: 320 (in Russ.).
12. Latova N. V. The Impact of the Crisis on Russians' Life Satisfaction and Their Socio-Psychological Well-Being. In *Russian Society and the Challenges of Time*. Book 3. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves Mir, 2016: 41–65 (in Russ.).
13. Latova N. V. Dynamics of socio-psychological well-being of various population groups. In *Russian society and challenges of the time*. Book 7. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves Mir, 2024: 148–172 (in Russ.).
14. Loginov D. M. Russia's rural population: subjective well-being and social-economic practices. *Krestyanovedeniye*, 2024: 9: 2: 180–196 (in Russ.). DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-180-196; EDN: IJOMCX.
15. Lushnikova O. L. Employment as a factor of social well-being of rural population. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Nov. ser.: Sotsiologiya. Politologiya*, 2022: 22: 3: 272–277 (in Russ.). DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-3-272-277; EDN: HLFNAC.
16. Lushnikova O. L. Dynamics of social well-being of rural population. *Vestnik TyumGU. Sotsialno-ekonomicheskiye i pravovyye issledovaniya*, 2025: 11: 3: 34–48 (in Russ.). DOI: 10.21684/2411-7897-2025-11-3-34-48; EDN: UHBUQJ.
17. Mamonkina E. V. Problems of employment and income of the rural population in the context of digital transformation of the economy. *Vestnik NGIEI*, 2023: 12(151): 104–112 (in Russ.). DOI: 10.24412/2227-94072023-12-104-112; EDN: SNYJKN.
18. Saraikin V. A., Nikulina Yu. N., Yanbykh R. G. Subjective Well-Being of Rural Dwellers in Russia: Factors and Their Significance. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2023: 24: 1: 71–105 (in Russ.). DOI: 10.17323/1726-3247-2023-1-71-105; EDN: LHPYZO.
19. Smirnov V. A. Factors of public well-being of residents of the Russian province. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Sotsiologiya i politologiya*, 2020: 26: 3: 24–42 (in Russ.). DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-24-42; EDN: FBARET.
20. Starkova O. Ya. Peculiarities of working conditions in rural areas. *Ekonomika sel'skogo khozyaystva v Rossii*, 2020: 6: 105–108 (in Russ.). DOI: 10.32651/206-105; EDN: KJXMXC.
21. Toshchenko Zh. T. Society of Trauma: between Evolution and Revolution (Experience of theoretical and applied analysis). Moscow, Ves Mir, 2020: 352 (in Russ.). EDN: QLXXDD.
22. Toshchenko Zh. T. Features of the life world of rural residents in Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2018: 2: 71–81 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162518020083; EDN: YSVUEK.
23. Tretyakova L. A., Lavrikova N. I. Kachestvo zhizni naseleniya – indikator ustoychivosti razvitiya sel'skikh territoriy [Quality of life of the population is an indicator of sustainable development of rural areas]. *Ekonomika regiona*, 2012: 3: 227–233 (in Russ.). EDN: PCIBSF.
24. Ustinova O. V. Social well-being of the population of rural settlements. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2022: 12(175): 385–386 (in Russ.). EDN: MCTQHA.
25. Chernykh E. A. Quality of Working Life and Job Satisfaction on the Russian Labour Market. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2022: 18: 2: 214–226 (in Russ.). DOI: 10.19181/lspr.2022.18.2.6; EDN: MYDVVI.

26. Shabanov V. L. Quality of life of rural and urban population in Russia: comparison using integral indicator. *Narodonaselenie*, 2025: 28: 4: 129–143 (in Russ.). DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-129-143; EDN: TMEVMF.
27. Shkrabak V. S. The analysis of the state of vital activity of agricultural workers and modern ways of its improvement. *Agrarnyy nauchnyy zhurnal*, 2026: 3: 134–139 (in Russ.). DOI: 10.28983/asj.y2026i3pp134-139; EDN: FQUJXO.
28. Shumakov Yu. N., Tushkanov M. P. Increasing in prestige of agricultural work — an important condition important condition of agricultural development. *Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii*, 2018: 3: 23–27 (in Russ.). DOI: 10.32651/2070-0288-2018-3-23-27; EDN: YVODFA.
29. Yugov E. A. Employment of the Rural Labour Force: State, Problems, Trends. *Vestnik TGU. Ekonomika*, 2020: 51: 129–142 (in Russ.). DOI: 10.17223/19988648/51/7; EDN: VSVTCG.
30. Knight J., Gunatilaka R. The Rural-Urban Divide in China: Income But Not Happiness? *Journal of Development Studies*, 2010: 46: 3: 506–534. DOI: 10.1080/00220380903012763.
31. Pospěch P., Delin M., Spěšna D. Quality of life in Czech Rural Areas. *Agricultural Economics — Czech*, 2009: 55: 6: 284–295. DOI: 10.17221/1489-AGRICECON.
32. Sorensen J. F. Rural-urban Differences in Life Satisfaction: Evidence from the European Union. *Regional Studies*, 2014: 48: 9: 1451–1466. DOI: 10.1080/00343404.2012.753142.

The article was submitted on: May 5, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Polina M. Kozyreva, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute of Social Policy

Alexander I. Smirnov, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher

ВОПРОСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.11

EDN: LSRAYG

Идентичность калмыцкого этноса: внутренние и внешние контуры¹

Ссылка для цитирования: Бадмаев В. Н., Уланов М. С., Кальдинова Г. П. Идентичность калмыцкого этноса: внутренние и внешние контуры // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 2. С. 206–221. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.11; EDN: LSRAYG.

For citation: Badmaev V. N., Ulanov M. S., Kaldinova G. P. The Identity of the Kalmyk Ethnic Group: Internal and External Contours. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 206–221. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.11; EDN: LSRAYG.

SPIN-код: 5563-5510

Бадмаев Валерий Николаевич¹

¹Южный научный центр РАН,
Ростов-на-Дону, Россия

badmav07@yandex.ru

SPIN-код: 9613-6611

Уланов Мерген Санджиевич¹

¹Южный научный центр РАН,
Ростов-на-Дону, Россия

ulanov1974@mail.ru

SPIN-код: 4046-3390

Кальдинова Галина Павловна¹

¹Институт комплексных исследований аридных территорий,
Элиста, Россия

gala758@yandex.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 24-48-03004.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, нацеленного на выявление современного состояния идентичности калмыцкого этноса, ее внутреннего и внешнего контуров. Внутренний контур образован сочетанием этнокультурного и гражданского уровней идентичности и обеспечивает высокую включенность национально-регионального сообщества в общероссийский контекст, имеющий принципиально важное значение для консолидации всего российского общества. В свою очередь внешний контур связан с наличием у калмыцкого этноса культурно-конфессиональных центров притяжения за пределами Российской Федерации (Монголия, Китай). Конфессиональная, цивилизационная и этнокультурная идентичность калмыков выходит за пределы российского социокультурного пространства, включая в себя исторические связи с буддийским и монгольским мирами. Это делает калмыцкий этнос (так же, как бурятский и тувинский) своеобразным связующим звеном, цивилизационно-культурным мостом между Россией и Востоком, Россией и Азией.

Несмотря на территориальную и страновую локализацию/разобщенность (Монголия, Китай, Россия), глобальные процессы деэтнизации и культурно-интеграционного нивелирования, монголы мира продолжают сохранять свою общую культурную и историко-генетическую идентичность, демонстрируя уникальный пример надгосударственного и надграницного единства. Процессы глобализации ставят перед многочисленными цивилизационно близкими по языку, религии, истории и культуре монгольскими народами новые вызовы, связанные с осознанием национальной идентичности, поддержанием сплоченности и единой системы ценностных ориентаций в условиях полицентричного мира.

Ключевые слова: этническая идентичность, калмыцкий этнос, Республика Калмыкия, монгольские народы, монгольский мир, буддийский мир

Введение

Проблематика этнокультурной идентичности в наши дни активно обсуждается в российском научном и общественном дискурсе. Повышенный интерес к ней объясняется не только многонациональностью российского общества, «евразийством» российской культуры, но и глобальными изменениями мирового ландшафта – его полицентричностью, динамичностью культурных коммуникаций, усилением взаимовлияния региональных, локальных и глобальных процессов.

Теме идентичности калмыцкого этноса и ее социологического изучения сегодня уделяется немало внимания в работах региональных исследователей [5; 9; 11; 12; 13], посвященных таким вопросам, как этническая самоидентификация студенческой молодежи Калмыкии, этнокультурное многообразие и межэтнические отношения в регионе, этническая принадлежность и владение родным языком.

Так, Б. М. Мунянова, основываясь на результатах социологического опроса студентов профессиональных учебных заведений начального, среднего и высшего государственного и негосударственного образования Калмыкии, делает вывод, что «этническая самоидентификация калмыцкой студенческой молодежи осуществляется в русле моноэтнической идентификации. Она имеет высокий уровень национального самосознания, позитивный этнический статус, стремится к освоению национальных обрядов,

духовных практик, гордится своей историей. Стремление к этнической идентичности детерминируется не только внутренним самосознанием народа, но и влиянием традиционных для России ценностей общественной жизни» [11, с. 67].

В свою очередь калмыцкие исследователи Г. П. Кальдинова и А. М. Нуксунова отмечают неоднозначность процессов этнической самоидентификации у студенческой молодежи Калмыкии: «Налицо противоречивые тенденции: с одной стороны, усиление интереса к этнической составляющей культуры, с другой – постепенная утрата основных этнических маркеров (языка, традиций, хозяйственно-бытового уклада)» [9, с. 23].

Л. В. Намруева, проанализировав данные анкетных опросов 2017 и 2020 г., нацеленных на изучение интенсивности проявления этнической идентичности у современных калмыков, влияния культурных факторов на идентификационные процессы и состояния калмыцкого языка в республике, приходит к заключению, что «этническая принадлежность [у калмыков] актуализируется, становясь важной составляющей личности», но происходит это на фоне низкого уровня либо отсутствия языковой компетентности. Иными словами, «при возрастании потребности в этнической принадлежности роль языкового фактора не является определяющей» [12, с. 199, 201].

В 2025 г. авторами настоящей статьи было предпринято собственное исследование, цель которого заключалась в оценке современного состояния идентификационных процессов у представителей калмыцкого этноса. В рамках него, помимо традиционных маркеров этнической идентичности: языка, религии, традиций, культуры, – изучались также буддийский и монгольский векторы идентификации, составляющие внешний контур калмыцкой идентичности. Стоит особо отметить, что социологическое рассмотрение последнего проводилось впервые.

Теоретико-методологическая и эмпирическая база исследования

Теоретическую основу исследования составила идея множественности идентичности (Э. Эриксон, Ф. Барт), трактуемой как социальный конструкт (П. Бергер, Т. Лукман). Также авторы опирались на результаты исследований, проведенных ранее учеными Института социологии РАН [15; 16; 18], в которых раскрываются практические реалии и содержательный фундамент общероссийской идентичности, ее региональной и этнокультурной составляющей.

Общероссийская идентичность базируется на принципе идентификационной многовекторности, предполагающей органичную связь этнокультурной и конфессиональной идентичностей с государственной и гражданской. Именно это обуславливает ее гибкость, подвижность, динамичность, многоуровневость, множественность и контекстуальность. Идентичность не является раз и навсегда заданной, ей свойственна изменчивость вместе

с ее носителем (личностью, этносом, обществом и т. д.). Идентичностью обладают как группы, так и индивиды. При этом следует говорить о том, что они обладают множественной и многоуровневой идентичностью (территориальной, национальной, культурной и др.), отдельные аспекты которой взаимно дополняют друг друга. Идентичность является предметом выбора, характеризуется незаконченностью, контекстуальностью. Вместе с тем этот «выбор» не совсем свободен, ибо осуществляется в определенном социальном контексте, где задан не только спектр альтернатив, но и набор различных социальных практик

Модель общероссийского цивилизационного поля, основанная на признании равных прав за различными культурными, этническими и конфессиональными общностями, обеспечивает максимальное сохранение их самобытности, делает возможной структурную адаптацию к единому общероссийскому социокультурному пространству и способствует формированию конструктивных механизмов взаимодействия, в ходе которого возникают взаимопонимание и принятие «другого».

Данная модель предполагает выстраивание полиэтнической и поликультурной макросоциальной общности, представители которой являются носителями двойной невзаимоисключающей идентичности (культурно-этнической и государственно-гражданской), что, в свою очередь, способствует укреплению российского государства [2, с. 36]. Здесь уместно вспомнить формулу патриотического «симбиоза» народов, предложенную русским социальным мыслителем И. А. Ильиным: «я римлянин, и притом галл», «я русский, и притом калмык» [8, с. 244–245]. В наши дни схожую позицию отстаивает ак. В. А. Тишков: «Москве или некоторым упертым имперцам не удастся убедить татар, чеченцев, якутов и представителей других этнических общностей отказаться от этнонационального исключительно в пользу общероссийского (то есть стать только россиянами, позабыв при этом быть татарами и т. д. по списку российских национальностей), тем более что все жители страны не могут стать русскими» [19, с. 97]. Именно в этом и заключается глубинный смысл государственной национальной политики России, цель которой – «укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (русской нации) и общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) при сохранении этнокультурного и языкового многообразия для обеспечения развития страны, ее государственной и территориальной целостности, внутренней политической и социальной стабильности»¹.

В рамках проведенного исследования мы обратились к тематике «монгольского мира» и «монгольской цивилизации», которой уделяется достаточно большое внимание в современном научном дискурсе (см.: [6; 7; 10; 17]). Согласно определению Ю. В. Попкова, «монгольский мир – это социокультурный мир монгольских народов и диаспор, обитающих в пределах своей исторической родины и территорий исторического освоения. Ядерным локусом монгольского мира является Монголия, а его спут-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года».

никами – островки монгольского мира в лице Внутренней Монголии, Бурятии, Калмыкии, а также диаспоры монголов и других монголоязычных народов в разных странах» [10, с. 24–25]. Более детальное описание территориального состава «монгольского мира» дается в коллективной монографии «Россия и Монголия: цивилизационные аспекты модернизации (сравнительный анализ)», подготовленной исследователями из Института социологии РАН: «это Монголия, а также ее далекие и близкие соседи, «находящиеся сейчас в составе России и Китая – Бурятия, Внутренняя Монголия, Тува, Алтайский край, а также Калмыкия, Синьцзян, Ганьсу, Цинхай, Тибет и некоторые другие республики, округа, районы и провинции». Вместе они образуют «гигантский регион Евразии со своей общей историей... Каждый из этих соседей имеет и свою собственную историю, судьбу, свой вектор развития, свой интерес к Монголии» [17, с. 30]. По сути, речь идет о сформировавшихся вокруг Монголии зонах полицивилизационного пространства.

Идентичность калмыцкого этноса рассмотрена нами в контексте двух контуров – внешнего и внутреннего. Мы обратились к понятию «контур» для обозначения общих очертаний, направлений, векторов, которые задают направление и границы идентификационных процессов в калмыцком этносе. Контур в данном случае понимается нами, прежде всего, как методологический инструментарий, как методологическая рамка для анализа такого сложного и многогранного феномена как идентичность.

Эмпирическая база исследования

Эмпирической базой исследования послужили материалы формализованного интервью по стандартизированной анкете, проведенного летом–осенью 2025 г. среди постоянных жителей Республики Калмыкия. Всего было опрошено 1009 чел., отобранных методом многоступенчатой комбинированной выборки с квотами по возрасту, полу и месту проживания в соответствии со статистическим данным о населении Калмыкии в 2024 г. В опросе принимали участие граждане калмыцкой национальности 18 лет и старше, проживающие в г. Элиста и всех 13 районах республики.

Вопрос о национальности был включен в социально-демографический блок анкеты. Этот вопрос, так же как и вопросы о месте проживания, возрасте, был маркером для отбора респондентов.

По полу респонденты распределились следующим образом: мужчины – 48,1%, женщины – 51,9%; по возрасту: 18–24 лет – 14,3%, 25–34 лет – 17,2%, 35–44 лет – 20,9%, 45–59 лет – 24,1%, 60 лет и старше – 23,5%; по уровню образования: среднее – 8,9%, среднее специальное – 16,8%, высшее и незаконченное высшее – 72,1%, поствузовское (аспирантура, докторантура) – 2,1%; по месту проживания: г. Элиста – 37,4%, районные центры и сельская местность – 62,5%.

Опросный инструментарий включал семь основных блоков: «Идентичность», «Монгольский мир», «Язык», «Религия», «Традиции», «Россия и буддийский мир», «Россия и монгольский мир». Для выявления идентич-

ностей использовалась методика выбора «мы-идентификаций», по итогам заполнения которой респондент включался в ту или иную этническую, религиозную и культурную общность. Уровень идентичности и отношение к ее составляющим (языку, традициям, этничности, истории) измерялись по методике «идеологемы»: опрашиваемому нужно было отметить те суждения из предложенного списка, с которыми он согласен.

Результаты исследования

Блок 1. «Идентичность»

На вопрос о личной идентичности «Кем Вы себя считаете?» (Респонденты должны были ранжировать предложенные варианты в порядке от самого важного до менее важного) почти половина ответила, что считает себя гражданами России (49,6%), калмыками (49,8%) и буддистами (43,4%); 24,4% отнесли себя к монголам, а 32% – к ойратам¹.

Данная постановка вопроса о личной идентичности связана с нашим тезисом о множественности и контекстуальности самой идентичности. Причем самоидентификация респондентов одновременно как калмыков, монголов и ойратов абсолютно не противоречива, а носит уточняющий, конкретизирующий характер, исходя из многоуровневости их идентичности.

Такое распределение ответов согласуется с результатами опроса, проведенного нами в 2018–2019 гг.² Тогда более половины (52,2%) определили себя как россияне, а 38,9% связывало свою идентичность с этнической принадлежностью [3]. При этом жители республики не противопоставляли общероссийскую, региональную, этническую и религиозную идентичности. Напротив, общероссийская идентичность выступала важным консолидирующим фактором и превалировала в системе идентификационных настроений.

Из списка общностей, с которыми респонденты себя соотносят, чувствуют, что они им близки, чаще всего выбирались варианты: с родителями, родственниками – 48,5%, с людьми одного поколения, сверстниками – 39,4%, с калмыками – 35,5%, с россиянами – 33,1%.

В плане этнокультурной принадлежности свыше половины (57,4%) причислили себя к представителям монголоязычного народа, причем более 60% из них – люди старше 35 лет. В качестве основания для такого причисления большинство (42,9%) назвали принцип «крови» – родители, семья. Однако были и те, кто обосновал свой выбор знакомством с монгольской культурой (фольклором, историей, музыкой, песнями, танцами, фильмами) – 22,8% или интересом к истории Монгольской империи и деятельности Чингис-хана – 18,9%.

¹ Ойраты – предки современных калмыков, до XVI в. проживавшие в Западной Монголии.

² В ходе исследования были опрошены жители всех районов Республики и г. Элисты (1001 чел.) [3].

На вопрос «Что значит быть представителем монголоязычных народов?» более половины опрошенных ответило «чувствовать принадлежность к монгольским народам» (56,1%) и «гордиться историей и культурой монгольских народов» (54,4%). 45,7% полагают, что это значит «сохранять обычаи, традиции, культуру монголов», 44,6% – «жить в регионе проживания монгольских народов (Бурятия, Калмыкия)», 38,8% – «соблюдать религиозные (буддизм, шаманизм, тенгрианство) традиции монголов».

Блок 2. «Монгольский мир»

Отвечая на вопрос «Что вы думаете о таком феномене, как единый монгольский мир, единая монгольская идентичность?» – 40,4% опрошенных заняло умеренно скептическую позицию: по их мнению, «это правда, [но лишь] отчасти; монгольские народы мира (Монголии, Китая, России) имеют различия». Вполовину меньше (20,5%) полагают, что «это правда, единый монгольский мир есть», а в общей сложности около 14% отрицают его наличие: «это вымысел, метафора, единого монгольского мира нет; монгольские народы мира (Монголии, Китая, России) принципиально отличаются между собой» (7%) и «это осталось в прошлом, в истории» (7%). Без малого четверть опрошенных (24,4%) затруднилась ответить.

Среди тех, кто признает наличие единого монгольского мира (занявших умеренно скептическую (40,4%) и уверенную (20,5%) позицию), 65,3% считают, что он основывается на общей исторической памяти, 55,4% – на общем генетическом происхождении и общей крови, 49,2% – на общей культуре, 48,6% – на общей религии, 43,6% – на общих традициях, 43,5% – на общей этнической идентичности, 35,7% – на общности языка, 35,6% – на общих ценностях.

С утверждением, что «все современные монголоязычные народы мира – один народ», полностью согласились 18,1%; 52,9% готовы признать это лишь отчасти, так как, по их мнению, между современными монголоязычными народами «имеются небольшие различия»; 16,2% полагают, что «монгольские народы мира сильно различаются»; 12,8% затруднились ответить.

На вопрос «Как вы думаете, тот факт, что монгольские народы мира проживают в разных государствах (Россия, Монголия, Китай), затрудняет единую общемонгольскую идентичность?» 53,4% респондентов ответили, что «нет, границы никак не влияют на единую общемонгольскую идентичность», а 46,6% считают, что «да, затрудняет».

Калмыцкий этнос территориально является самым западным монгольским народом (территориально, относительно других монгольских народов мира), поэтому в бланк интервью был включен вопрос: «Можно ли говорить о том, что калмыки сохраняют свою идентичность, историко-культурные связи с монгольским миром?». Большинство (41,9%) ответили утвердительно, согласившись, что да, сохраняют; 39,2% выразили частичное согласие; те же, кто думает, что «калмыцкий этнос теряет свою культуру, свою идентичность», остались в меньшинстве – 18,8%.

Таким образом, ответы респондентов подтверждают теоретические утверждения российских исследователей о существовании феномена монгольского мира.

Блок 3. «Язык»

«Монгольские языки распространены в Монголии, автономном районе Внутренняя Монголия и ряде провинций КНР (Хэйлунцзянь, Синьцзянь, Цинхай), России (Бурятия, Калмыкия) и отдельных районах Афганистана. У монголов, бурят и калмыков (ойратов) с XIII в. существовал единый литературный язык – старописьменный монгольский, которым до сих пор пользуются монголы КНР. Общее число говорящих на них – более 6 млн чел.» [20, с. 10]. Калмыцкий язык принадлежит к крайней западной ветви монгольских языков. Существует несколько вариантов его названия: ойрат-калмыцкий, монгольско-калмыцкий, западно-монгольский, язык поволжских (приволжских) ойратов [14, с. 73].

Из всех опрошенных только 14,1% признались, что свободно владеют калмыцким языком, и еще 20,5% могут кое-как объясниться на нем. Около четверти (24,1%) понимают речь на калмыцком, чуть менее трети (27,9%) знают от силы несколько слов и выражений, а 13,4% не знают родного языка вовсе.

Больше всего свободно владеющих калмыцким среди людей старше 60 лет – 24,9%; среди 45–59-летних таковых 16,9%, среди 35–44-летних – 10,4%, а среди молодежи 18–24 лет – всего 5,6%. Из тех, кто лишь понимает речь на калмыцком, большинство (34%) – это молодые люди 18–24 лет, доли представителей более старших возрастных групп по этому признаку варьируются в диапазоне 21,8–23,7%. Довольно интересно распределились по возрастным группам те, кто совсем не знает калмыцкий язык: 16,6% – 35–44-летние, 15,5% – 25–34-летние, 14,8% – 60-летние и старше, 10,7% – 45–59-летние и 8,3% – 18–24-летние.

Подавляющее число опрошенных хотели бы, чтобы их дети говорили на родном (калмыцком) языке – 84,4%. Оставшиеся 15,6% полагают, что «это неперспективно; важнее изучать иностранные (английский, китайский) языки». Со времен опроса 2018–2019 гг. доля желающих, чтобы их дети говорили на калмыцком, уменьшилась, но всего на 3% [4]. Это позволяет заключить, что в республике наблюдается устойчивый эксплицитный интерес и тенденция к сохранению родного языка.

Ответы на вопросы блока 3 согласуются с ответами на вопрос о личной идентичности респондентов, из которых 49,8% признали себя калмыками. В этой связи невольно вспоминаются слова М. Хайдеггера о том, что язык является одним из важнейших маркеров идентичности и выступает как «дом бытия», в данном случае – бытия этноса.

Блок 4. «Религия»

Более половины (52,6%) считают себя верующими и иногда соблюдают обряды, молятся. Доля верующих, но не соблюдающих обряды составила 20,2%, а глубоко верующих, постоянно соблюдающих обряды и посещающих храмы – 18,0%.

Наибольшая часть в той или иной степени верующих исповедует буддизм – 82,6%. На долю последователей православия, ислама и шаманизма пришлось соответственно 14,6%, 2,4% и 0,4%. Такое распределение религиозных предпочтений согласуется с широко распространенным в калмыцком обществе мнением, что «калмык по определению является буддистом» и в то же делает понятным, почему буддийская религия выступает одним из важнейших элементов внешнего контура идентичности калмыцкого этноса (см. об этом ниже).

Тем, кто верует, вера дает надежду и опору в жизни (59,9%), помогает духовно развиваться (42,6%), почувствовать сопричастность своему народу (36,1%) и придает жизни смысл (31,3%).

Приведенные данные наглядно демонстрируют, что религия продолжает занимать важное место в идентичности жителей республики, несмотря на происходящие в современном мире процессы секуляризации, технологизации и рационализации. Для большинства верующих религия связана в первую очередь с общечеловеческими и экзистенциальными ценностями – верой, надеждой, жизнью.

Блок 5. «Традиции»

Более половины опрошенных (56,2%) сообщили, что в семье стараются в основном соблюдать калмыцкие традиции и обычаи, четверть (25,3%) делают это всегда. Тех же, кто соблюдает традиции лишь частично или не соблюдает вовсе, так как не знает их, оказалось меньшинство – 10,5% и 7% соответственно.

Большинству (50,9%) верность традициям не мешает одновременно пользоваться современными благами цивилизации. Еще 15% согласились, что в повседневной жизни вполне возможно совмещать ценности традиционной и современной культуры. За частичное совмещение высказались 12% («времена меняются, некоторые традиции становятся неактуальными, но основных традиций нужно придерживаться»), и столько же считают, что не у всех может быть желание их совмещать.

Отвечая на вопрос о наличии новых успешных гибридных формах идентичности монгольских народов, которые сочетали бы в себе исторические традиции и современные культурные и технические процессы, 59,8% признали, что сегодня этнический стиль проявляется во многих современных формах культуры: моде, музыке, танцах, дизайне, архитектуре. В качестве примеров такого современного культурного синтеза были названы¹: производство продуктов питания (кумыса, сыров), ношение национальных костюмов, проведение праздничных обрядов (свадеб и т. п.); национальные песни и танцы в современной аранжировке, стилизованная

¹ Далее приводится список ответов на открытый вопрос.

современная модная одежда с национальными элементами, современная архитектура в национальном стиле, национальная кухня с некоторыми изменениями под вкус современного человека; современные калмыцкие бренды стилизованной одежды с этническим уклоном и элементами национального калмыцкого костюма; украшения и аксессуары на калмыцкую тематику; специализированные магазины одежды с принтами в виде калмыцкой и буддийской символики; видео- и аудио уроки, создаваемые пропагандистами родного языка, словари, мультфильмы на калмыцком языке; калмыцкие танцы и песни, сочетающие в себе как традиционные движения и мелодию, так и современные элементы; старые калмыцкие песни, перепетые в современной аранжировке, старинная музыка, переписанная на современный лад; традиционные этнические стили, восточные стили в архитектуре зданий, частных домов, общественных остановок и т. д.; здания, построенные с элементами буддийской архитектуры и окрашенные в соответствующие цвета, муралы и т. д. 36,7% затруднилось ответить на этот вопрос.

Без малого половина участников интервью (46,5%) согласилась, что современные мировые процессы (такие как глобализация и цифровизация) ослабляют роль этнических культур и языков; 18,1% не согласились, 35,4% отнесли к данному тезису нейтрально.

Ответы на вопросы блока 5 позволяют сделать вывод о наличии у жителей Калмыкии (при всей их очевидной включенности в практики современного глобального технологизированного мира) запроса на сохранение культурной самобытности и национальных традиций. Это согласуется с ответами на вопросы блоков 1, 3 и 5, в которых большинство признало свою принадлежность к калмыцкому этносу, подтвердило важность сохранения родного языка для себя и своих детей и высказалось за бережное отношение к воспроизводству традиций и традиционных ценностей.

Блок 6. «Россия и буддийский мир»

90,7% поддержали тезис о том, что буддизм является органичной и неотъемлемой частью российской истории, историко-культурного наследия народов России. Для сравнения: осенью 2019 г. при проведении опроса¹ среди студенческой молодежи в трех российских буддийских республиках положительно на тот же вопрос ответили 75,3% респондентов из Калмыкии, 71,3% – из Бурятии и 70,1% – из Тувы [5, с. 42].

С утверждением о существовании такого феномена, как российский буддизм, согласились 69,2%. 77,3% из них обосновали свое согласие тем, что «буддизм традиционно исповедуется российскими народами (бурятами, калмыками, тувинцами)»; 48,5% – тем, что «буддизм – это одна из основных религий России»; 35,5% – «Россия – единственная страна в Европе, в которой буддизм является традиционной религией»; 24% – «буддизм занимает важное место в российском цивилизационном пространстве России»; 9% – «буддизм близок русской культуре, менталитету». При опросе 2019 г.

¹ По проекту РНФ «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения».

студентов буддийских регионов России значительная доля респондентов также согласилась с утверждением о существовании феномена российского буддизма: в Калмыкии – 69%, в Туве – 63%, в Бурятии – 59% [5, с. 43].

Схожие данные, полученные в исследованиях 2019 и 2025 г., свидетельствуют о присутствии в общественном сознании населения Калмыкии идеи об органичной связи мировой буддийской религии с российской историей и российскими народами, а также о существовании российского варианта буддизма. Следует отметить, что историко-культурная общность России и буддийского мира, вопросы взаимоотношений России с буддийским миром в целом, буддийской дипломатии в контексте полицентричного мира находятся в центре внимания Международных буддийских форумов в России (Бурятия, 2023; Бурятия, 2024; Калмыкия, 2025; Тува, 2026) [1; 4].

Блок 7. «Россия и монгольский мир»

В сознании большинства (72,2%) Россия исторически и географически предстает как евразийское государство, объединяющее в себе и европейские, и азиатские народы и культуры. Другие образы России характеризуются гораздо меньшим числом приверженцев: «Россия – это самобытная цивилизация, не похожая ни на Запад, ни на Восток» – 21,4%, «Россия, прежде всего, это часть Европы» – 5,3%, «Россия, прежде всего, это часть Азии» – 1,1%.

С тем, что монгольские народы России являются органичной, неотъемлемой частью российской цивилизации и российского государства, согласились 90,4% опрошенных. Чуть меньшее число участников опроса (80%) ответило утвердительно на вопрос «Можно ли говорить о том, что монгольские народы России выступают связующим звеном между Россией и Монголией / Внутренней Монголией?». Из них 81,2% считают, что у этих двух стран есть общие исторические и культурно-конфессиональные корни, которые могут послужить межгосударственному сотрудничеству; 44,2% полагают, что России важно укреплять связи со странами Востока, 41,5% – что «в современном мире особенно важен диалог культур»; 30,0% – «Россия как евразийское государство является одним из центров современного мира».

95,5% опрошенных никогда не были ни в Монголии, ни во Внутренней Монголии (КНР), при этом хотели бы их посетить 76,7%. 80% из них желали бы побывать в Бурятии, Монголии и/или Внутренней Монголии с целью туризма, 64,9% – ради паломничества по святым буддийским местам, 12,2% мечтают съездить туда в гости, а 6,6% и 5,2% – по бизнесу/работе и для получения образования соответственно.

Представленные данные свидетельствуют о том, сколь важное место в калмыцкой идентичности занимают идея российского государства как «евразийского», чувство принадлежности к монгольскому миру

и убежденность в особой роли монгольских народов России, способствующих укреплению межгосударственного диалога нашей страны с Китаем и Монголией.

Заключение

Архитектура современного мира, отличающаяся усложняющейся мозаичностью, культурным и цивилизационным многообразием, уже не может быть только «европоцентристской». Актуализируются идеи равноправного диалога и полицентричного мира. Особого внимания заслуживают взаимоотношения «Восток-Запад», которые имеют долгую историю эволюции и приобретают сегодня новые характеристики. Важное значение данный дискурс имеет для России, поскольку Восток для России – составляющая самой российской цивилизации, где своеобразный «исход к Востоку», востоковедческие традиции имеют глубокие исторические корни. Российское востоковедение – это самопознание евразийской России, осмысление исторического прошлого, настоящего и будущего ее народов.

Обращение к анализу идентичности калмыцкого этноса, его историко-культурных взаимосвязей с монгольским и буддийским мирами имеет важное значение в контексте поиска новых моделей межгосударственного культурного сотрудничества России со странами Азии и Востока.

В структуре идентичности калмыцкого этноса можно выделить два контура – внутренний и внешний. Внутренний контур образован сочетанием этнокультурного и гражданского уровней идентичности и обеспечивает высокую включенность национально-регионального сообщества в общероссийский контекст, имеющий принципиально важное значение для консолидации всего российского общества. В свою очередь внешний контур связан с наличием у калмыцкого этноса культурно-конфессиональных центров притяжения за пределами Российской Федерации (Монголия, Китай). Конфессиональная, цивилизационная и этнокультурная идентичности калмыков выходят за пределы российского социокультурного пространства, включая в себя исторические связи с буддийским и монгольским мирами.

Это делает калмыцкий этнос (так же, как бурятский и тувинский) своеобразным связующим звеном, цивилизационно-культурным мостом между Россией и Востоком, Россией и Азией.

Несмотря на территориальную и страновую локализацию/разобщенность (Монголия, Китай, Россия), глобальные процессы деэтнизации и культурно-интеграционного нивелирования, монголы мира продолжают сохранять свою общую культурную и историко-генетическую идентичность, демонстрируя уникальный пример надгосударственного и надграницного единства.

Исследование идентичности монгольских народов важно для решения проблем их современной самоидентификации, а также и для позиционирования относительно глобальных изменений, происходящих в мире. Современные идентитарные исследования могут помочь ответить на вопрос, что происходит внутри культуры монгольских этносов мира в современных социокультурных условиях, исследовать глубинные социальные процессы, определить возможные «сценарии» их дальнейшего развития.

Библиографический список

1. Бадмаев В. Н. Интеллектуальное паломничество в буддизм // Азия и Африка сегодня. 2024. № 12. С. 73–76. DOI: 10.31857/S0321507524120092; EDN: LIXRYH.
2. Бадмаев В. Н. Национальная идентичность в поликультурном пространстве Юга России. Элиста: КалмГУ, 2012. 80 с.
3. Бадмаев В. Н., Пурэвсурэн Б. Феномен идентичности и этнокультурное многообразие народов в регионе (по материалам социологического исследования в Республике Калмыкия) // Вестник Калмыцкого ун-та. 2019. № 4(44). С. 108–114. EDN: JLXBIV.
4. Бадмаев В. Н., Уланов М. С. «Дух Дхармы» и буддийская дипломатия // Азия и Африка сегодня. 2026. № 1. С. 78–82. DOI: 10.7868/S2782238926010093; EDN: FUBSMO.
5. Бадмаев В. Н., Уланов М. С. и др. Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/904/1294> (дата обращения: 27.04.2026.). DOI 10.25178/nit.2020.1.3; EDN: BRZUKJ.
6. Железняков А. С. Монгольская цивилизация. История и современность. Теоретическое обоснование атласа. М.: Весь Мир, 2016. 288 с.
7. Железняков А. С., Тикунов В. С. Монгольский мир: методы исследования. М.: ИС РАН, 2014. 152 с.
8. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 430 с.
9. Кальдинова Г. П., Нуксунова А. М. Этнокультурная идентичность студенческой молодежи Калмыкии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 6(112). С. 23–27. EDN: PLBVKL.
10. Монгольский мир: между Востоком и Западом / Под ред. Ю. В. Попкова, Ж. Амарсаны. Новосибирск: Автограф, 2014. 351 с.
11. Мунянова Б. М. Национальное самосознание и этническая самоидентификация студенческой молодежи // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 58–68. EDN: LKXMRV.

12. Намруева Л. В. Изменяющаяся идентичность современных калмыков (анализ анкетных опросов 2017, 2020 гг. в Калмыкии) // Бюллетень КалмНЦ РАН. 2020. № 1. С. 196–203. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-196-203; EDN: UFTCUH.
13. Намруева Л. В. Как калмыки знают свой язык // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 138–141. EDN: LTХААV.
14. Пюрбеев Г. Ц. Калмыцкий язык // Языки мира: монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 73–87.
15. Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика / Отв. ред. И. М. Кузнецов, С. В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 434 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022; EDN: WGDКУЕ.
16. Российское общество и вызовы времени. Кн. 8 / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2025. 352 с.
17. Россия и Монголия: цивилизационные аспекты модернизации (сравнительный анализ) / Отв. ред. А. С. Железняков, Т. Н. Литвинова. М.: ИС РАН, 2016. 196 с.
18. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты / Отв. ред. Е. М. Арутюнова, С. В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 288 с.
19. Тишков В. А. Идентичность – ресурс общественного развития // Вестник РАН. 2025. № 2. С. 94–103. DOI: 10.31857/S0869587325020106; EDN: AGKДGN.
20. Яхонтова Н. С. Монгольские языки // Языки мира: монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 10–18.

Получено редакцией: 03.05.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бадмаев Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник

Уланов Мерген Санджиевич, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Кальдинова Галина Павловна, кандидат социологических наук, заведующий отделом социологических исследований

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.11

The Identity of the Kalmyk Ethnic Group: Internal and External Contours¹

Valeriy N. Badmaev

Southern Scientific Center of the RAS, Rostov-on-Don, Russia

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-48-03004.

badmav07@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1066-8314

Mergen S. Ulanov

Southern Scientific Center of the RAS, Rostov-on-Don, Russia

ulanov1974@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6749-7424

Galina P. Kaldinova

Institute of Complex Research of Arid Areas, Elista, Russia

gala758@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7070-1396

For citation: Badmaev V. N., Ulanov M. S., Kaldinova G. P. The Identity of the Kalmyk Ethnic Group: Internal and External Contours. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 206–221. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.11; EDN: LSRAYG.

Abstract. As part of the Russian Science Foundation project “Identity of Mongolian Peoples in a Polycentric World,” researchers from the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, together with colleagues from the Institute for Comprehensive Research of Arid Territories, conducted a large-scale sociological survey in the Republic of Kalmykia in 2025 to examine perceptions of the identity of Mongolian peoples among the republic’s population.

The project aims to study the transformation of Mongolian peoples’ identities in a polycentric world. The empirical part of the sociological study consists of a quantitative survey of Kalmyk residents.

The sociological analysis shows that the identity of the Kalmyk ethnic group is defined by its internal and external contours. While the internal contour is characterized by a seamless blend of ethnocultural and civic levels of identity, and the high level of inclusion of the national-regional community in the pan-Russian context (“I am Russian, and a Kalmyk at that”), which is fundamentally important for the consolidation of Russian society as a whole, the external contour is associated with the fact that the Kalmyk ethnic group, while undoubtedly possessing a pan-Russian identity, also has cultural and religious centers of attraction outside the Russian state (Mongolia, China), representing fragments of other local civilizations (Buddhist, Mongolian) integrated into Russia. The Kalmyk people’s religious, civilizational, and ethnocultural identity extends beyond the Russian sociocultural space. Therefore, the Kalmyk ethnic group (like the Buryat and Tuvan communities) serves as a unique connecting link, a civilizational and cultural bridge between Russia and the East, Russia and Asia.

Despite territorial and national localization (disunity) (Mongolia, China, Russia), global processes of de-ethnicization and cultural integration leveling, the world’s Mongols continue to preserve their unified cultural and historical-genetic identity, representing a unique example of supranational and transborder unity. Globalization processes have posed new challenges for the Mongolian peoples of the world related to their awareness of national identity and the level of cohesion among the numerous civilizational groups of the Mongolian world, sharing similarities in language, religion, history, culture, and value systems, in the context of an emerging polycentric world.

Keywords: ethnic identity, Kalmyk ethnicity, Republic of Kalmykia, Mongolian peoples, Mongolian world, Buddhist world

References

1. Badmaev V. N. An Intellectual Pilgrimage to Buddhism. *Aziya i Afrika Segodnya*, 2024: 12: 73–76 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0321507524120092; EDN: LIXRYH.

2. Badmaev V. N. Nacionalnaya identichnost’ v polikulturnom prostranstve Yuga Rossii [National identity in the multicultural space of Southern Russia]. Elista, KalmGU, 2012: 80 (in Russ.).

3. Badmaev V. N., Purevsuren B. The Phenomenon of Identity and ethnocultural Diversity of Peoples in the Region (on the Materials of sociological Research Carried out in the Republic of Kalmykia). *Vestnik Kalmytskogo un-ta*, 2019: 4(44): 108–114 (in Russ.). EDN: JLXBIV.

4. Badmaev V. N., Ulanov M. S. The «Spirit of Dharma» and Buddhist Diplomacy. *Aziya i Afrika segodnya*, 2026: 1: 78–82 (in Russ.). DOI: 10.7868/S2782238926010093; EDN: FUBSMO.

5. Badmaev V. N., Ulanov M. S. et al. Russia and the Buddhist world through the eyes of youth in Tuva, Buryatia and Kalmykia: a sociological survey and its outcomes. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2020: 1 (in Russ.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.3; EDN: BRZUKJ.

6. Zheleznyakov A. S. Mongolian Civilization: History and Modernity. Theoretical Framework for the Atlas. Moscow, Ves Mir, 2016: 288 (in Russ.).

7. Zheleznyakov A. S., Tikunov V. S. The Mongolian World: Research Methods. Moscow, IS RAN, 2014: 152 (in Russ.).
8. Ilin I. A. Put k ochevidnosti [The path to obviousness]. Moscow, Respublika, 1993: 431 (in Russ.).
9. Kaldinova G. P., Nuksunova A. M. Etnokulturnaya identichnost studencheskoj molodezhi Kalmykii [Ethnocultural identity of student youth in Kalmykia]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2012: 6: 23–27 (in Russ.). EDN: PLBVKL.
10. The Mongolian world: between East and West. Ed. by Yu. V. Popkov, Zh. Amarsanaa. Novosibirsk, Avtograf, 2014: 351 (in Russ.).
11. Munyanova B. M. Nacionalnoe samosoznanie i etnicheskaya samoidentifikaciya studencheskoj molodezhi [National self-awareness and ethnic self-identification of student youth]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009: 9: 58–68 (in Russ.). EDN: LKXMRV.
12. Namrueva L. V. The Changing Identity of Modern Kalmyks (2017, 2020 Survey Analysis in Kalmykia). *Byulleten KalmNC RAN*, 2020: 1: 196–203 (in Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-196-203; EDN: UFTCUH.
13. Namrueva L. V. Kak kalmyki znayut svoj yazyk [How do Kalmyks know their language]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2010: 4: 138–141 (in Russ.). EDN: LTXAAV.
14. Pyurbeev G. Ts. Kalmytskij yazyk [Kalmyk language]. In *Yazyki mira: mongolskie yazyki. Tunguso-manchzhurskie yazyki. Yaponskij yazyk. Korejskij yazyk* [Languages of the world: Mongolian languages. Tungusic-Manchu languages. Japanese language. Korean language]. Moscow, Indrik, 1997: 73–87 (in Russ.).
15. Russian Identity and Interethnic Relations: Public Discourse and Social Practice. Ed. by I. M. Kuznetsov, S. V. Ryzhova. Moscow, FNISTs RAN, 2022: 434 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022; EDN: WGDKEYE.
16. Russian Society and the Challenges of the Time. Book 8. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moskva, Ves` Mir, 2025: 352 (in Russ.).
17. Russia and Mongolia: Civilizational Aspects of Modernization (Comparative Analysis). Ed. by A. S. Zheleznyakov, T. N. Litvinova. Moskva, IS RAN, 2016: 196 (in Russ.).
18. Soderzhatelnye osnovy rossijskoj identichnosti. Regionalnyj i etnokulturnyj kontekst [The substantive foundations of Russian identity. Regional and ethnocultural contexts]. Ed. by E. M. Arutyunova, S. V. Ryzhova. Moskva, FNISTs RAN, 2021: 288 (in Russ.).
19. Tishkov V. A. Identity – a resource for social development. *Vestnik RAN*, 2025: 2: 94–103. (in Russ.). DOI: 10.31857/S0869587325020106; EDN: AGKDG N.
20. Yakhontova N. S. Mongolskie yazyki [Kalmyk language]. In *Yazyki mira: mongolskie yazyki. Tunguso-manchzhurskie yazyki. Yaponskij yazyk. Korejskij yazyk* [Languages of the world: Mongolian languages. Tungusic-Manchu languages. Japanese language. Korean language]. Moskva, Indrik, 1997: 10–18 (in Russ.).

The article was submitted on: May 3, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valeriy N. Badmaev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher

Mergen S. Ulanov, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher

Galina P. Kaldinova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociological Research

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 73108 от 9 июня 2018 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Главный редактор:
Ольга Владимировна Аксенова

Заместитель главного редактора:
Полина Михайловна Козырева

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная верстка: Ильдар Мансурович Ситдиков

Журнал «Вестник Института социологии» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения
редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник Института социологии» обязательна.

2026. Том 17. № 2. Дата выхода в свет 30.06.2026.
Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
Тел.: 8 499 125-00-79. E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <https://www.vestnik-isras.ru>